

Серпентинит

ОБРАЗЕЦ МИНЕРАЛА
предоставлен Уральским Центром камня

7 (733) ИЮЛЬ, 2018

ISSN 004 - 241X

УРАЛЬСКИЙ следопыт

www.uralstalker.com

Пора в дорогу

ОДНА РЕКА

АРКТИЧЕСКАЯ ЯГОДА

КРУПИЦЫ ПАМЯТИ

Июль 2018

Главный редактор – М.Ю. Фирсов.

Редакторы разделов – Ю.А. Горбунов, Б.А. Долинго.

Литературный консультант – В.Э. Абоян, А.А. Бочаров.

Худ. редактор, верстка – С.А. Секисов.

Корректор – Л.В. Ким.

Интернет – Е. Марков.

Архив – О.Ю. Тирикиди.

На обложке – Манарага – вид на вершину.

(1 и 4 стр. обложки) Фото Елены Шубничиной.

Редакция, издатель – АНО «Уральский следопыт».

Редакционный совет – Владислав Крапивин, Сергей Казанцев, Геннадий Прашкевич, Вадим Панов, Юрий Казарин, Вадим Осипов, Дмитрий Байкалов, Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет –

• Асхаб Магомедович Асхабов.

Председатель отделения Русского географического общества в Республике Коми. Председатель Президиума Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, директор Института геологии, доктор геолого-минералогических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук.

• Владимир Николаевич Большаков.

Свердловское отделение Русского географического общества, Доктор биологических наук, профессор, академик АН СССР с 1987 г., академик РАН с 1991 г., советник РАН. Институт экологии растений и животных УрО РАН.

• Сергей Вячеславович Левыкин.

Оренбургское региональное отделение Русского географического общества. Заведующий лабораторией агроэкологии и землеустройства Института степи Уральского отделения РАН. Профессор РАН, доктор географических наук.

• Сергей Геннадьевич Захаров.

Председатель Челябинского регионального отделения Русского географического общества. Доцент кафедры географии и методики преподавания географии Челябинского государственного педагогического университета, кандидат географических наук.

• Николай Николаевич Назаров.

Председатель Пермского краевого отделения Русского географического общества. Заведующий кафедрой физической географии и ландшафтной экологии в Пермском государственном университете, доктор географических наук, профессор.

• Евгений Викторович Голубев.

Председатель Тюменского регионального отделения Русского географического общества. Проректор Тюменского государственного университета, Кандидат географических наук.

• Алексей Михайлович Прокашев.

Председатель Кировского регионального отделения Русского географического общества. Заведующий кафедрой географии Вятского государственного гуманитарного университета профессор

• Игорь Юрьевич Шароватов.

Председатель отделения Русского географического общества в Ямало-Ненецком автономном округе.

• Оксана Александровна Гирман.

Председатель Курганского отделения Русского географического общества. Кандидат биологических наук, заместитель директора Департамента природных ресурсов и охраны окружающей среды Курганской области – начальник управления охраны окружающей среды.

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ». 2018 г.

Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургнева, 13.

Почтовый адрес редакции, издателя:

620075, г. Екатеринбург, ул. Тургнева, 13.

Телефон: +7 (343) 269-22-34

E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке:

Федерального агентства по печати

и массовым коммуникациям РФ.

Фонда Президентских грантов.

«Уральский следопыт», №7 (733), 2018 г.

Издается с 1935 г., возобновлен в 1958 г.

Учредитель – ООО «Уральский следопыт».

Журнал зарегистрирован Федеральной службой

по надзору в сфере связи, информационных технологий

и массовых коммуникаций по РФ

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218,

выдано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Материалы принимаются по электронной почте, на электронных носителях. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакционную правки. **Рукописи не рецензируются и не возвращаются.** При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле **тема.** Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна. Материалы, помеченные знаком **✂**, публикуются на правах рекламы.

Встречный ветер

Точка на карте

Е.ШУБНИЦИНА

Корона Урала..... 6

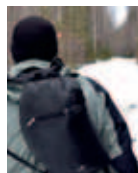

Быть МОЛОДЫМ — здорово!

С.БУНЗА

Автостопом

в горы..... 14

Быть МОЛОДЫМ — здорово!

А.СТАРЫХ

В наследство

получили

мы планету..... 22

Камни Урала

М.ПОПОВ

Камень змеиной кожи 24

Река времени

Природа в ладонях

Н.ВЕХОВ

Ягода

для князьего

стола 3

Портреты

А.ЛЫСКОВ

Гравидан

Алексея

Замкова 17

Легенды и были

Р.МИРЗАЯНОВ

Царь называл

ее Анютой..... 20

Портреты

В.СЕМИБРАТОВ

Уральская

родина Евгения

Петряева..... 28

Никто не забыт?

В.ПРИВАЛИХИН

Шестой

Пепеляев 30

Литературное

краеведение

Ю.ГОРБУНОВ

Белая Горлица

(Сны Надежды

Полוצовой) 35

Наши проекты

С.ГОРНОСТАЕВА

История России.

Река Чусовая.

Село Села 40

Наши проекты

Ю.ГОРБУНОВ

История России.

Река Чусовая.

Деревня

Шалыги 46

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал

«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com»

вы можете через:

■ Почтовые отделения России:

Каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413

Каталог Агентства МАП, индекс 31958

■ Агентство «УРАЛ-ПРЕСС»

**Журнал
в журнале**

Николай Вехов

Кандидат биологических наук. Занимается исследованиями в области истории и культуры Русского Севера, русских путешествий и путешественников. Участник многочисленных экспедиций. Автор более 600 научных и научно-популярных работ. Давний автор «Уральского следопыта». Живет в Москве.

Фотографии автора

Ягода для княжьего стола

Север — богатейший ягодный край.

И в тайге, и в тундре почти ежегодно

обильно плодоносят морошка и брусника,

голубика и черника. Эти ягоды знают

все и истари знакомы с рецептами их

употребления.

Много также шикши (водяника, вороника, верес) — каждый год она «прокармливает» огромное количество пернатого населения тундры. Её можно использовать для подкрашивания компотов и киселей, поскольку шикша имеет очень интенсивный тёмно-фиолетовый цвет сока; есть её в сыром виде можно только «на любителя»: она безвкусна, сильно красит губы и одежду. А в лесотундре, по долинам предгорных рек и в самих горах можно встретить заросли костяники и красной смородины. Все эти ягоды украшают пустоши, скалы и каменные развалы, например, побережий и островов Белого моря, Полярного и Приполярного Урала.

А в тундре, на кочках и торфяниках, по старым дорогам растёт ещё одна замечательная северная ягода — княженика, носящая научное название малина арктическая (*Rubus arcticus*). В ботанических справочниках и определи-

телях сказано, что ее природный ареал — «холодная и умеренная зоны Северного полушария. Произрастает в лесах, на разнотравных лугах, по берегам ручьёв и рек, в зарослях кустарников, на болотах и тундрах, до 1200 м над уровнем моря». Но сколько бы я ни искал её в лесах Северной Карелии, на юге Архангельской области, на Кольском полуострове, нигде не находил «природных плантаций» этой ягоды, а встречал только

небольшие куртинки княженики. Возможно, в таёжной зоне она крайне редка, и найти её в высокой траве бывает непросто, сродни поиску цветущего папоротника на день Ивана Купалы.

А вот в Большеземельской тундре, в предгорьях и на низких высотах Полярного Урала, в межгорных долинах, торфяниках — основной биотоп княженики, тут она занимает значительные территории. Есть и ещё одна при-

► Массовое цветение княженики

◀ Княженика после первых утренников

чина редкости и трудности поиска этой ягоды — частые ее неурожаи. Бывают годы, когда в июне-начале июля, после массового начала цветения, вдруг наступает кратковременное похолодание, иногда даже со снегом, минусовыми или близкими к ним температурами воздуха ночью. Два-три таких дня подряд — и урожая княженики не будет. Отдельные ягоды, конечно, можно будет найти, но под надёжным укрытием — под кустиками карликовой берёзы и ивняка, куда «не добрался» холод. Для княженики такие «пустоцветные» годы, пожалуй, более часты, чем урожайные, которые бывают счастливым исключением.

А ещё «прячет» ягоду цвет её листьев. В начале-середине августа, в зависимости от года, когда высыхают торфяники или ударяют внезапные холода, листья княженики краснеют и коричневеют, она становится незаметной среди таких же красно-пурпурных с коричневой листвой морошки и иван-чая. В это время на торфяниках и старых дорогах отыскать её практически невозможно, если, конечно, это не «облюбованные» места.

В 80-х годах в окрестностях Воркуты мой коллега-орнитолог (он раньше работал на таможне, изымал «контрабандные» тропические фрукты, которые пытались провезти в страну пассажиры, и, как и другие сотрудники таможни, был «изнежен вкусом» диковинных плодов) собирал княженику, чтобы в Москве обменять у сво-

их бывших коллег на авокадо, цитрусовые и т.п. Бывало, он месяц ходил по тундре и носил с собой литровую банку, чтобы набрать её полную. Лишь в 1989-м княженики было так «много», что такую посудину можно было набрать за день. Могу сказать, что за свои несколько десятилетий путешествий по Северу я ел ягоды княженики считанное число раз, а общий «объём» съеденного не превысил пол-литровой банки. Из-за той же редкости мне не каждый год удавалось сделать хорошую фотографию цветущего и плодоносящего растения. Не потому ли наши далекие предки новгородцы и назвали ягоду княженикой, что непросто было добыть ее даже для княжеского стола?

Все это, так сказать, «потребительские» характеристики редкой северной ягоды. Теперь немного научных данных. Княженика — родственница малины, они даже принадлежат к одному роду, *Rubus*. Эту редкую северную ягоду называют по-разному, видимо, оттого, что в разных местностях она растёт в неодинаковых биотопах. Например, в лесной части ареала растение известно под названием поленика — водится на сырых полянах и лугах. В ряде районов Дальнего Востока, Камчатки, Сибири и севера Европейской части России княженику называют ещё мамурой, хохлянкой, полуденницей и моховой малиной. Из этих четырёх «имён» княженики мне понятно только последнее. Моховая малина — потому что растёт на мхах.

Перед тем, как писать этот краткий очерк, решил всё-таки обратиться к «всезнающему Интернету». Сколько же написано про ягоду были и небыли! Сказано даже, что растение это найдено на арктическом архипелаге Северная Земля. Специалист по растительности Северной Земли Н.В. Матвеева сообщила мне в письме, что это чушь.

Княженика — многолетнее растение, высотой до 20–35 см (в тундре), цветёт обычно до начала июля, а уже в конце месяца — начале августа можно найти её зрелые плоды. Растение с длинным, тонким, ползучим и деревянистым корневищем, уходящим на глубину 15–25 см. Листья тройчатые, цветки одиночные, верхушечные, с пятью лепестками, тёмно-розового цвета. Плод — соч-

▶ Массовое плодоношение княженики

ная многокостянка, в зрелом виде сладкая на вкус, по величине и форме похожа на обыкновенную малину, но цвет её более сложный.

Чем «запала» мне в душу княженика? Помимо редкости, главным образом своим неповторимым запахом и вкусом ягод. Плоды княженики сочные, нежные, ароматные, чем-то напоминают ананас. Поэтому, взяв в рот несколько ягод и раздавив их языком, вполне ощущаешь, что ты в тундре, а лакомишься ананасом. Одна у ягоды «беда» — в отличие от малины, плод к плодоножке прирастает крепко. Отделить его непросто, а при старании ягода мнется. Мы всегда её ели вместе с чашечкой: срывали с плодоножкой, а отделяли уже во рту языком и зубами. Из многолетнего опыта сбора ягод в тундре я понял, что княженика — ягода не для массового сбора, а только ради удовольствия полакомиться одиночными плодами.

В последние годы появляется информация, что в таёжной зоне российских регионов — в Карелии, некоторых районах Архангельской области и Республики Коми — из-за интенсивной вырубki лесов княженика постепенно исчезает из сво-

▲ Цветки княженики

их природных биотопов. Однако любителям княженики сообщу обнадеживающий факт: её стали активно вводить в культуру как зимостойкое и декоративное растение, которое дает целебные и вкусные плоды. В конце XX века в Финляндии были получены три первые сорта княженики: Месма, Меспи и Пима. В ходе

дальнейшей селекции княженику обыкновенную скрестили с княженикой аляскинской, благодаря чему был получен высокоурожайный сорт Яламачин. Его ягоды отличаются превосходным ароматом. **УС**

Уральский государственный лесотехнический университет, ФГБОУ ВО

Лицензия серия 90Л01 номер 0009433.

Направления и специальности высшего профессионального образования

Экология и природопользование. Лесное дело. Ландшафтная архитектура. Землеустройство и кадастры. Природообустройство и водопользование. Садоводство.

Эксплуатация транспортно-технологических машин и комплексов. Технология транспортных процессов. Наземные транспортно-технологические средства (Специалитет). Наземные транспортно-технологические комплексы.

Технология и оборудование лесозаготовительных и деревообрабатывающих производств. Технологические машины и оборудование.

Строительство. Автоматизация технологических процессов и производств. Управление в технических системах.

Химическая технология. Биотехнология. Энерго- и ресурсосберегающие процессы в химической технологии, нефтехимии и биотехнологии. Техносферная безопасность. Технология полиграфического и упаковочного производства.

Экономика. Менеджмент. Управление качеством. Бизнес-информатика. Прикладная информатика. Экономическая безопасность (Специалитет).

Специальности среднего профессионального образования:

- Землеустройство; Земельно-имущественные отношения;
- Техническое обслуживание и ремонт автомобильного транспорта;
- Лесное и лесопарковое хозяйство. Садово-парковое и ландшафтное строительство;
- Технология деревообработки;
- Экономика и бухгалтерский учет (по отраслям). Менеджмент.

- Формы обучения: очная, заочная.
- Приём документов согласно правилам приема.
- Вступительные испытания по 3 предметам (ВПО).
- Для среднего профессионального образования (СПО) – без вступительных испытаний.
- Подготовительные курсы (ко всем видам вступительных испытаний).

1000 БЮДЖЕТНЫХ МЕСТ

г. Екатеринбург, Сибирский тракт, 37   Телефон: +7(343) 254-63-06 - приемная комиссия
 Проезд: автобусы № 1, 31, 32, 026, 047, 064, городская электричка. Остановка «Лесотехнический университет»
 Электронная почта: pk@usfeu.ru   Сайт: www.usfeu.ru

Корона Урала

...стремительно взметнувшись в заоблачную высь, открылась перед нами великолепная зубчатая вершина. На фоне предзакатного пожара она курится легким белым дымком, а по ее подножию неторопливо проплывают серые облака. Это красавица Манарага, настоящее чудо Приполярного Урала!

Е. П. Масленников, 1961.

Елена Шубницина

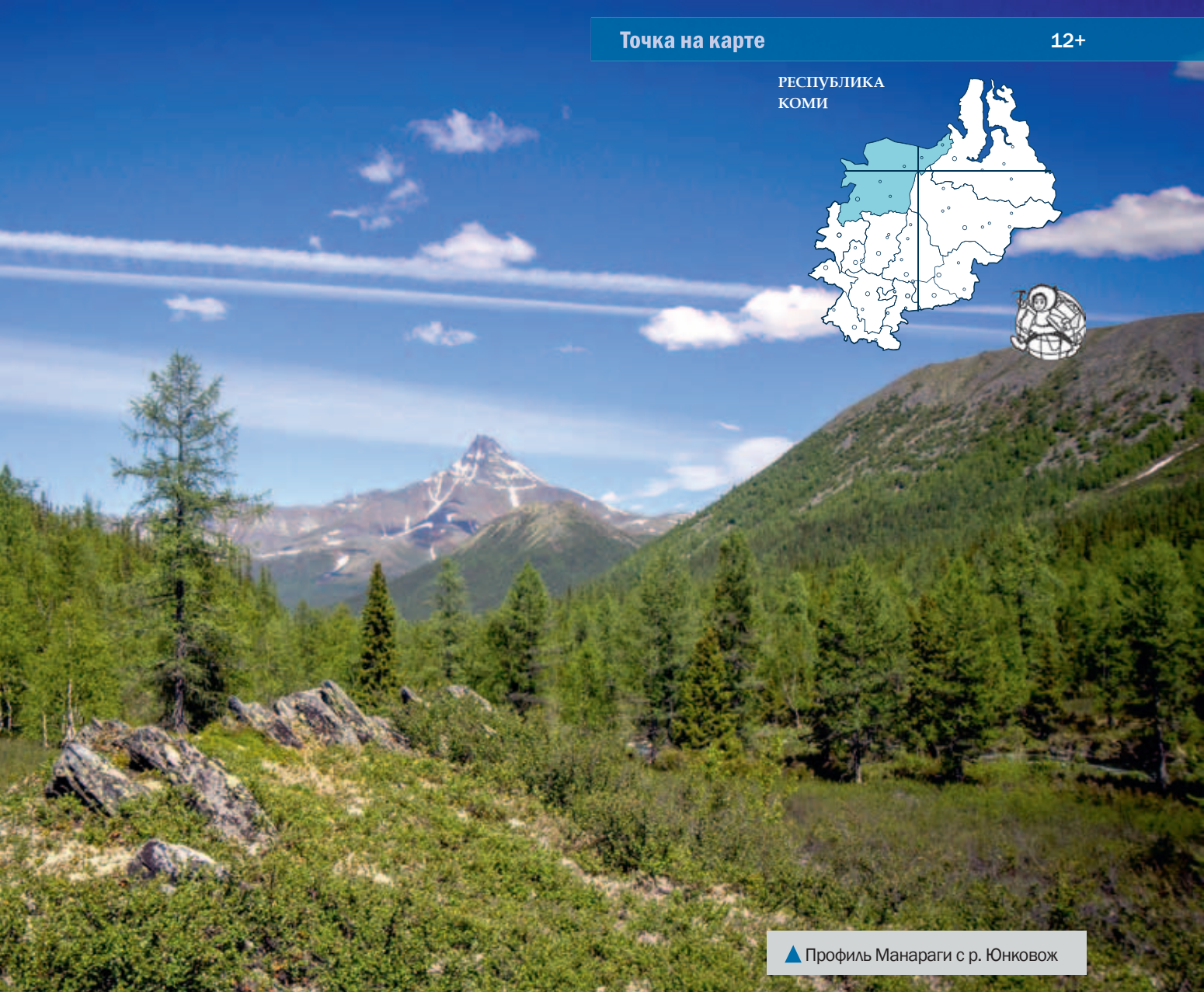
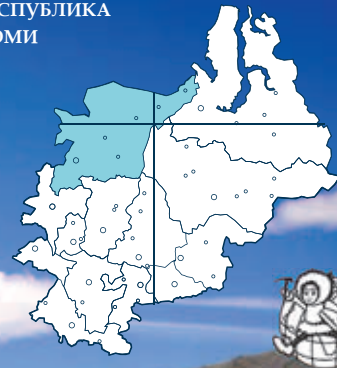
Кандидат технических наук. Более 15 лет работает в Национальном парке «Югыд ва» заместителем директора по науке. Область исследований — историческая география уральского Севера. «Вторая профессия» — фотография. Родилась и выросла в Екатеринбурге. Живет в Сыктывкаре.

Фото автора

Встречный ветер

РЕСПУБЛИКА
КОМИ

▲ Профиль Манараги с р. Юнковож

Если попросить любого туриста назвать самую красивую и известную вершину Приполярного Урала — это будет, без сомнения, Манарага. Непохожая обликом на окрестные горы, да и вообще ни на какие другие вершины, знаменитая «Медвежья лапа» издавна притягивала к себе взоры путешественников, по праву заслужив титул «Короны Урала». И сейчас любая туристская группа, планируя маршрут в этом районе, старается включить в него Манарагу.

Расположена гора в районе самых высоких уральских вершин — в отроге Исследовательского хребта, в правобережье реки Косью, которая, огибая ее массив, делает резкий поворот на 90 градусов.

На карту Манарагу впервые нанес в 1847 г. венгерский этнограф Антал Регули, побывавший в 1843–1845 гг. во время своего путешествия на Урал на плато Парнук, откуда Манарага хорошо видна. На его рукописной карте «Район высших вершин Урала» верши-

на показана, правда, на левом берегу р. Косью: под Манарагой Регули не был, а карту составлял со слов своего проводника Тёбинга.

Но известной гора стала после Североуральской экспедиции Императорского Русского Географического общества, а точнее — в 1856 году, когда вышла книга Э.К. Гофмана «Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой» по итогам работы экспедиции.

Отряд Гофмана в июне 1850 г. проехал по верховьям р. Косью-Манараги,

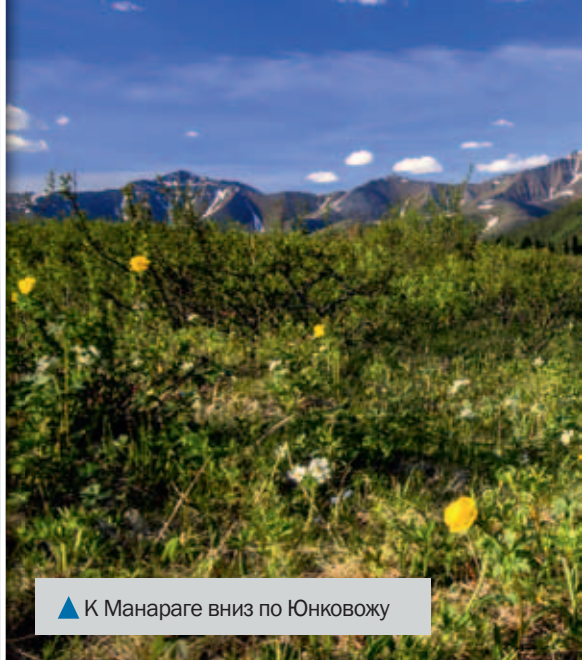

▲ Название горы на языке коми — Сизим-Юра или Уна-Юра-Из — не является калькой с более раннего, ненецкого, и означает «Семиголовая» или «Многоголовая» (от коми сизим — «семь», юр — «голова», уна — «много»).

▲ К Манараге вниз по Юнковожу

и художник экспедиции И.И. Бермелев сделал в этом районе несколько рисунков. Вот как описывает Гофман вид с верховьев р. Юнковож: «Извилина долины открыла перед нами боковой вид на Манарагу, и тогда его гвоздеобразный шпигц явился необыкновенно зубчатую вершиною».

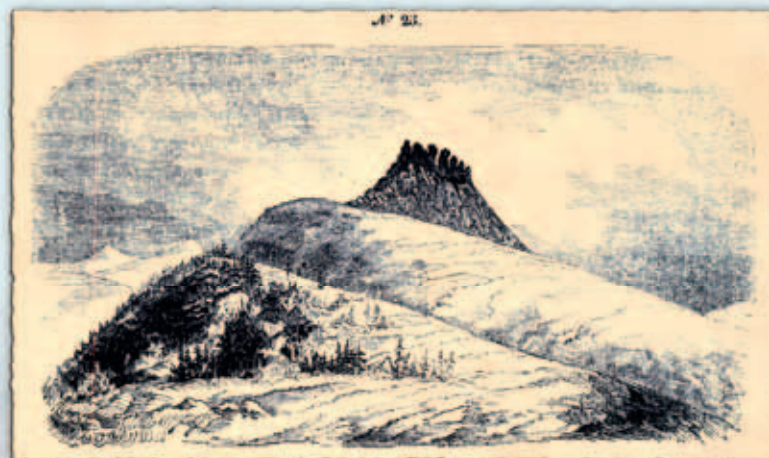
Гофман первым истолковал название горы: «По этой вершине гора получила свое самоедское имя, которое, по истолкованию нашего переводчика, значит «Медвежья Лапа». Спустя столетие А.К. Матвеев уточнил: ненецкое *мана* — «передняя лапа медведя» («рука»), *раха* — суффикс уподобления — «подобный». Вершину горы — рассеченный скальный гребень длиной около 1,5 км направлением с юго-запада на северо-восток — действительно можно сравнить с под-

▲ «Извилина долины открыла перед нами боковой вид на Манарагу, и тогда его гвоздеобразный шпигц явился необыкновенно зубчатою вершиною». Вид Манараги с верховьев р. Юнковож

▲ Гора Манарага на вставке к карте Регули

▲ На рисунке Бермелеева в гребне Манараги выделено семь вершин

нятой вверх широкой передней лапой медведя с выпущенными когтями. Кстати, юго-западный отрог Манараги так и называется по-русски — Медвежья Лапа. А неподалеку, в верховьях Капканвожа, находится гора Лжемана-рага, формой напоминающая «настоящую».

Название горы на языке коми — Сизим-Юра или Уна-Юра-Из — не является калькой с более раннего, ненецкого, и означает «Семиголовая» или «Многоголовая» (от коми *сизим* — «семь», *юр* — «голова», *уна* — «много»).

В гребне Манараги действительно выделяют семь «зубьев»-останцев, которым альпинисты дали собственные имена: Северная, Главная, Лопата, Голова, Парус, Мизинец и Южный жандарм. Самый простая для восхождения и самая популярная — Манарага Северная, или «первый зуб» (1598 м, 1 Б), на ней установлены триангуляционная вышка и тур; самая высокая — Главная, или «второй зуб» (1663 м, 2 Б) самая сложная — «Мизинец» (1592, 3 Б). Кроме главных башен, в гребне можно насчи-

тать еще несколько десятков «жандармов».

От вершинной скальной гряды Манараги во все стороны отходят несколько скальных гребней: западный — в долину р. Косью, южный с вершиной Медвежья Лапа также спускается к крутому повороту Косью в районе устья р. Юнковож. А северо-восточный гребень протянулся вдоль правого борта долины реки Манараги. Между гребнями с Манараги стекает несколько ручьев: с юго-восточной стороны — в реки Манарагу и Косью,

◀ Огибающая массив Манараги, река Косью делает резкий поворот на 90 градусов. Слева — массив Колоколен, справа — Медвежья Лапа и Манарага

с северо-западной — в приток Косью р. Капкан-вож.

Крутые лавиноопасные склоны, скальные выходы, каменные осыпи, снежники — все это делает гору непростой для восхождения. Попытки подняться на Манарагу предпринимались с самого начала эры туризма в Приполярье.

Первое известное восхождение на вершину было совершено в июле 1954 г. группой свердловских туристов под руководством Е. П. Масленникова. Полученная тогда при замере высоты

вершины отметка 1820 м использовалась при составлении топокарт до начала 1960-х.

Зато попытки взойти на Манарагу зимой продолжались несколько лет подряд. В феврале 1956 года свердловские туристы под руководством В. Королева подошли под вершину, но на зубья подняться без «кошек» не смогли. Год спустя штурмовать Манарагу снова пыталась сборная Свердловска под руководством В. Богомолова, но опять безуспешно. В 1958 году вынуждены были вернуться из-под вершины и не имевшие «кошек» казанцы, — их руководитель Л. Дятлов даже забросил с досады на «зуб» свой компас. В тот же год группа УПИ под руководством М. Аксельрода, специально отправившаяся на Приполярный Урал, чтобы покорить Манарагу, несмотря на наличие «кошек», из-за морозов и травмы участника даже не смогла предпринять такую попытку. И только в следующем, 1959 году удалось подняться на два зуба зимней Манараги — с «кошками» и веревками — казанским туристам под руководством В. Крылова, «закрывшего» этим походом звание мастера спорта.

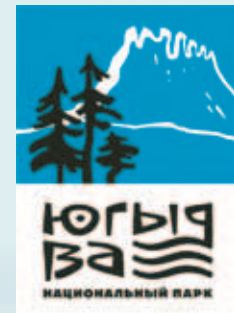
Траверс всех башен Манараги был впервые пройден летом 1991 г. группой М. Еремкина (Сыктывкар), с юго-запада на северо-восток (с 7-й на 1-ю башню). В 2003 г. объединенной экспедицией альпинистов Республики Коми и Марий Эл был пройден траверс Манараги с северо-востока на юго-запад (с 1-й на 7-ю башню); в марте 2006 г. этот маршрут был повторен — уже в зимних условиях — командой МАИ.

С вершины Манараги открывается прекрасный вид на запад, в сторону массива Колоколен, частично пе-

рекрытого второй справа — самой высокой — башней. На северо-востоке виден светлый массив Народной, на юго-востоке тянутся горные хребты с высокими вершинами — Блюхера, Защита, Югра, Мансинер и др.

Сама Манарага с различных сторон смотрится совершенно по-разному: с запада, из долины рек Профиль Манараги и Юнковож гора выглядит одиночным остроконечным шпилем, с юго-востока — долин ручьев Моренный, Повсяншор и Ломесьвож, с вершин безлесных хребтов левобережья р. Манараги — предстает «анфас», в виде изорванного скального гребня. Именно этот широко растиражированный ракурс является своеобразным брендом Приполярного Урала, а также «фирменным знаком» Национального парка «Югыд ва», на территории которого находится гора: не случайно абрис горы с семью зубьями украшает логотип парка.

Вот такая она — Манарага, красота и загадка Урала: одна на всех — и для каждого своя. Для кого-то — символ спортивных достижений. Для многих — место силы. И все же для большинства Манарага остается просто точкой на уральской земле, куда очень хочется попасть. **УС**

АВТОСТОПОМ В ГОРЫ

(Своими силами на Конжаковский Камень)

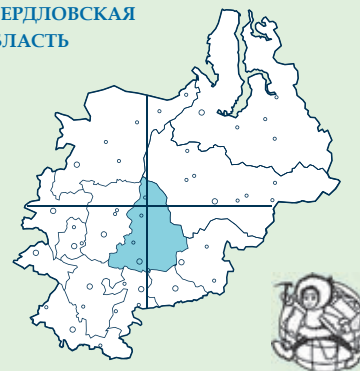

Сергей Бунзя

Родился в Екатеринбурге, учился на философском факультете УРГУ, пробовал себе в журналистике, работал в сфере грузоперевозок. Увлёкся написанием различных текстов довольно давно.

Фото Владимира Колосова

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Автостоп — бесплатное передвижение на попутном транспорте с согласия водителя. Я езджу автостопом уже три года. Автостоп удивительно расширил границы моего мира. Питер, Кавказ, Крым — вот обычные цели для автостопщика из глубины страны. И тут до меня внезапно дошло, что я живу на Урале.

Ну, Урал и Урал. Опорный край державы, слышали, знаем... Навязло в ушах. А ведь на Урале, как выясняется, действительно есть много интересного. Есть огромные скалы-шиханы в дремучих лесах. Есть пещеры, подобные Северной, Дивьей и Таежной, что тянутся в Свердловской области и Пермском крае на километры под землей. Есть в них сталактиты и сталагмиты, подземные озера. Есть самая глубокая подводная пещера в России — Ординская. Ее сухая часть составляет 300 метров. Глубина же только исследованных подводных ее ходов составляет более четырех с половиной километров под землю. Есть многочисленные скалистые хребты Южного Урала. Бакты, Нургуш, Зюраткуль, Зизлыгага, Иремель, Таганай — вот их названия. А главное, все эти красоты находятся прямо под боком. И путь до них в 200, 300, 400 километров — плевое дело для даже не очень опытного автостопщика.

Впечатлившись будто бы заново от осознания того факта, что я живу на Урале, я был рад тому, что товарищ пригласил меня принять участие в восхождении на гору Конжаковский Камень — высочайшую вершину Свердловской области, высота которой со-

ставляет 1569 метров. Ехать к горе, путь к которой начинается у дороги, ведущей к крошечному поселку Кытлым, я решил автостопом.

План был добраться автостопом до Карпинска, там встретиться на автостанции с двумя другими участниками похода и на кытлымском автобусе ехать до Стартовой поляны, с которой начинается путь к Конжаку. Уже в 5:45 я был на выезде из Екатеринбурга. Окраина района Уралмаш с торчащей поодаль, как будто из эпохи Звездных Войн появившейся, Белой Башней, растянулась вокруг меня. Стопить предстояло по Серовскому тракту, идущему на север.

Первая машина, застопленная после трех минут ожидания, подкинула меня лишь на 10 км. Вторая — «ГАЗель» с двумя экспедиторами, битком набитая мороженым, взяла меня до Нижнетагильской объездной.

Очарованный мягкой утренней погодой и легкими перистыми облачками на бездонном синем небе, я как-то позабыл про неутешительные прогнозы синоптиков про дожди в Нижнем Тагиле и снег в Карпинске. Болтая об Абхазии с экспедитором Вадимом, который служил там в армии, я пропустил момент,

когда небо над Тагилом впереди стало дождливо-темным. Еще можно было выйти из «ГАЗели» и попробовать поймать машину перед городом, не заходя под дождь, но было поздно. Машина уже мчалась по узкой Нижнетагильской объездной. А на лобовое стекло начали падать капли дождя. Сначала отдельные крапинки воды. Но через три минуты они превратились в струящееся море, еле смываемое дворниками.

— Однако тяжело тебе будет тут стопить! — сказал Вадим, глядя на то, что творилось за окном.

— Ничего, прорвемся! — бодро выдал я, хотя был совсем не так уж уверен, что все пройдет хорошо.

Наконец, «ГАЗель» высадила меня на огромной развязке, среди намочших от дождя косягов и уходящих под нахмуренным небом вдаль линий электропередач. Бодро просигналив, машина с мороженым удалилась в сторону Черноисточинска. Я остался один. На сером небе висели низкие влажные тучи. Дождь барабанил. Чертыхнувшись, я достал из рюкзака дождевик. Судя по тому, как резко похолодало, мне с моей легкой курточкой будет не так комфортно на улице, как я думал. А ведь мне предстоит еще больше двухсот километров пути на север, где еще холоднее! Что же говорить о Конжаке, где даже в июле, бывает, лежит снег? Похоже, о снаряжении я позаботился не так тщательно, как надо бы...

«И как мне теперь ехать?» — думал я, проходя через сеть огромных развязок, стопить на которых вообще не было смысла. Машины, проезжая, обдавали обочины брызгами. С северного неба дышало холодом. Наконец, дождь начал кончаться, а я нашел место, где только-только могла остановиться машина, исключая фуры. По странной случайности, именно на этом месте на столбе висел траурный венок. Я посмотрел на венок, на машины, на огромной скорости пронесшие мимо, снова на венок и решил попытаться счастья чуть подалее. Снова закинув рюкзак на плечи, я двинулся на север вдоль двух поросших лесом обрывов, между которых змеилась дорога.

Наконец через полчаса на длинном подъеме я застопил древнего «жигуленка», в котором ехало двое парней из Лобвы. Они пообещали подкинуть меня почти на двести километров. Оттуда до моей автостопной цели — Карпинска — оставалось плетное расстояние.

Следующий раз я ловил машину у автостанции Лобвы, где парни меня высадили. Не прошло и пяти минут, как остановился огромный, как трактор, внедорожник, марку которого я не разглядел. Водитель Игорь был местным бизнесменом, который по делам ехал напрямиком в Карпинск.

— Не в самое лучшее время едешь! — сказал он мне, узнав, зачем и куда я еду. — Весна, медведи только проснулись. Вода, как снег начал таять, их подняла, они голодные сейчас. Хватают все, что движется. И тебя могут. Так что, если услышишь рывканье их, пусть даже далеко в лесу, сразу беги прочь. Они разгоняются до шестидесяти километров за десять секунд.

— Почти до такой скорости, как мы сейчас едем? — уточнил я.

— Да. И, если вас трое, отступайте все вместе втроем. Тогда хоть какой-то шанс будет хоть что-то сделать. Тут был случай, как раз у дороги из Кытлыма в Карпинск, куда ты едешь. Мужик с собакой пошел капканы проверять. Собака медведя подняла, тот выскочил из берлоги, смотрит — человек стоит с двустволкой. А в двустволке — дробь на норку. Мужик выпалил — только зверя разозлил. Ну, медведь и откусил ему сразу полбашки...

— Помню, я в интернете читал год назад! — вспомнил я.

Мы ехали дальше, а по радио передавали про снегопад. Фуры, идущие нам навстречу из Североуральска, были все в снегу. Я, чуть отвыкший уже от снега за месяц весны, затосковал. Как там я буду на Конжаке и даже вечером, накануне, в лагере на Стартовой Поляне, в своей легкой курточке из «Декатлона»? Возможный уровень понижения температуры и снегопадов здесь, на севере, я явно недооценил.

Редкие снежинки, падающие с неба, превратились в густые снежные хлопья, когда мы прибыли в Карпинск. В дощатом сарайчике автовокзала я встретился с Лехой и Вовой, другими двумя участниками похода. После захода в магазин «Красное и белое», расположенный в ста метрах от автостанции, рядом с площадью перед мемориалом памяти ВОВ, мы двинулись на маршрутке в сторону Кытлыма. Высадились на Стартовой Поляне, над которой в снегу, падающем с неба, угадывались огромные горные вершины.

Тут я сразу решил вопрос с экипировкой. У мужика, вышедшего к нам из турбазы, расположенной прямо у стартовой поляны, я одолжил телогрейку. Теперь никакой мороз был мне не страшен. После ужина у костра и комфортной ночевки на берегу шумной реки Катыйшёр (спасибо теплому спальнику) мы вылезли из палатки. Снегопад прекратился. Над поляной в чистом прозрачном воздухе вставали огромные ярко-синие, поросшие лесом и белые сверху вершины. Чуть поодаль был виден гигантский снежный купол Большой Косьвы. Сам Конжаковский камень был чуть поодаль, за лесом. Над ним клубились облака.

После завтрака двинули вперед и наверх. Не буду подробно описывать весь 17-километровый подъем, тысячи шагов по глубокому снегу, где-то глубиной 10 сантиметров, а где-то по пояс. Пологий подъем привел в зону, где росли гигантские кедры с толстенными стволами и полукруглыми ветками, рядом с которыми сосны выглядели кро-

печными пигмеями. Чуть далее, когда мы вышли на Поляну Художников, их сменили тундровые березки сначала в мой рост, а потом в его половину. Потом они вообще стали по двадцать сантиметров в высоту. А вокруг уже расстились огромные просторы вершин исполинского Конжаковского хребта, представляющего собой что-то вроде огромной подковы. Мы шли наверх по пологой центральной его части, поднимаясь к гребню хребта, а синие, покрытые лесами «крылья», расходясь на десятки километров в стороны, оставались зади. Через правое крыло, вершину которого венчал Серебрянский камень, медленно переваливали белые облака, постепенно затягивая небо тут, наверху.

Чем дальше, тем выше. Синие, поросшие лесом вершины внизу оказывались все меньше видны за плотным огромным валом облаков с неба. Вокруг расширялось огромное, белое, наклонное Иовское плато с торчащими кое-где черными камнями, представляющее собой наклонный путь наверх, к верхней точке хребта. Вертя головой, я не мог различить, где кончается снег горы и начинается небо – все

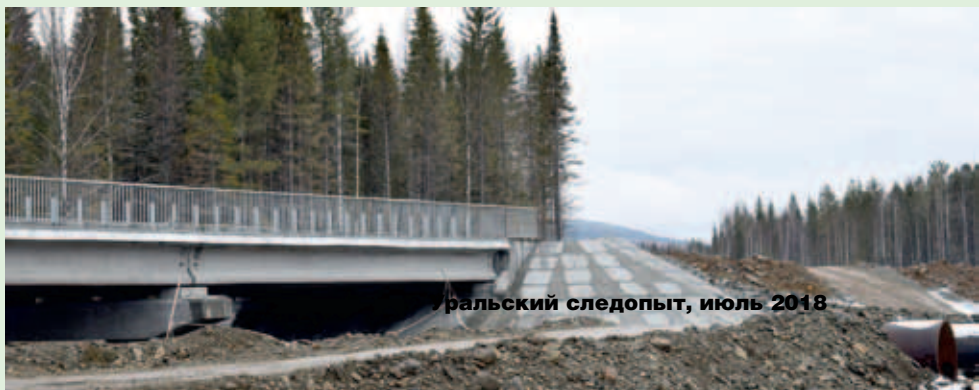
было одинакового белого цвета. Белизна становилась тотальной. Все сильнее дул из-за грани хребта ветер. Оглядываясь назад, я видел окошко в нижний мир с деревьями, холмами и облаками. Оно словно все больше отдалялось и закрывалось лохматыми прядями туч. Возникло впечатление, что мы переходим в другой, снежный мир, в другое измерение, где, может быть, бродят с гигантскими каменными дубинками снежные великаны из древних эпох. Белая гора вокруг становилась настолько огромной, что я невольно задал себе вопрос: где скрывалось это огромное, гигантское снежное поле хребта, когда мы были внизу? Ведь его даже почти не было видно из-за деревьев, со Стартовой поляны! Ответ пришел сам собой – гора, кажущаяся большой даже снизу, когда мы смотрели на нее из лагеря, на самом деле и была невообразимо гигантской. Просто ее размеры скрадывали перспектива и расстояние. А еще точнее, не она была такой уж гигантской, а все то, что окружало нас внизу, было крошечным. Но это было возможно понять человеку, только поднявшись сюда, в это белое царство камня, снега и льда.

До вершины оставалось меньше двух километров по пологому склону, когда мы трое приняли решение возвращаться. Еще час наверх по снегу, который здесь не бодро хрустел, как внизу, а медленно оседал под ногами, как желе, потом вниз почти двадцать километров, а времени было уже больше четырех... В лагерь же хотелось вернуться до темноты. Пошли назад и снова, как в обратной съемке, из бездны белесых облаков над хребтом выплыли через просвет в тучах синие горы, поросшие лесом, и далекие перспективы земли вдалеке. Обратный путь не запомнился

ничем примечательным, если не считать огромных следов, похожих на собачьи, но с чересчур острыми и глубокими вмятинами от когтей. Как будто в ответ, из леса раздался хриплый вой. Не знаю, были это волки или нет. Возможно, просто одичавшие собаки. Тем не менее, следы были очень убедительными. Я еще раз порадовался, что у меня в руках еловый дрын, которым можно не только упираться в камни и землю для опоры на ходу, но и отоварить какую-нибудь хищную зверушку по хребту. Правда, если ты один против волчьей стаи, поможет ли он?

В общем, поход на Конжак еще раз доказал, что фантастические красоты на Урале на расстоянии короткого автостопного перехода. И что они доступны всем, кто хочет до них добраться. Но не стоит забывать о: теплой одежде, теплом спальнике, теплой непромокаемой обуви и запасных носках. Ведь чем более турист опытный, тем больше в его внутреннем мире занимают непромокаемые носки и штаны с начесом. А фантастически красивые вершины остаются на периферии планов, как цель. Ведь те, кто не думает о теплых носках и необходимой одежде, в туризме не выживают. **УС**

Гравидан

Алексея Замкова

▲ А.А. Замков. 1928 г.

«Собачье сердце» — одно из самых известных произведений Михаила Булгакова. А после экранизации оно стало народным. Главная роль, великолепно сыгранная Евгением Евстигнеевым, давно разобрана на цитаты. Прототипом профессора Преображенского называют нескольких людей. Один из них, Алексей Андреевич Замков, десять месяцев жил на Урале.

В поисках эликсира молодости

Действие фантастической повести начинается в декабре 1924 года в Москве. Известный хирург Филипп Филиппович Преображенский, изучая проблему омоложения человека, решает провести эксперимент: пересадить гипофиз и семенные железы от человека собаке. Результат операции оказался неожиданным: пес Шарик принял человеческий облик. А дальше... Дальше вы знаете.

В главном герое современники сразу узнали дядю писателя и его квартиру. Николай Михайлович Покровский был врачом-гинекологом, однако опытами по омоложению он не занимался.

Впрочем, в 1920–1930-х годах недостаток в таких исследователях не было. Этические принципы того времени позволяли проводить самые сомнительные эксперименты.

Хирург Сергей Абрамович Воронин родился в России, а работал в Египте и Франции. Он провел тысячи операций по пересадке половых желез обезьяны человеку. Мир был в восторге от нового кудесника. Но уже через несколько лет пришло разочарование: оказалось, что никакой молодости пациентам привить не удалось.

Биолог Илья Иванович Иванов проводил опыты по созданию гибрида обезьяны и человека. Для этого он сначала отправился в Африку, а потом привез животных в СССР, основав Сухумский обезьяний питомник. Письма от женщин, желающих забеременеть от шимпанзе, поступали со всех концов страны.

Врач Алексей Андреевич Замков добился успеха, изучая мочу беремен-

ных женщин. История запомнила его как создателя первого в мире серийного гормонального препарата.

«Из крестьян, окончил Пажецкий корпус»

Алексей Замков родился в 1883 году в крестьянской семье. С 15 лет работал в московской артели. Участвовал в революции 1905 года, но позднее отошел от политики и всю жизнь повторял: «Людей надо лечить, а не убивать». Алексей непрерывно учился: окончил курсы бухгалтеров, сдал экзамен за курс гимназии, окончил медицинский факультет Московского университета.

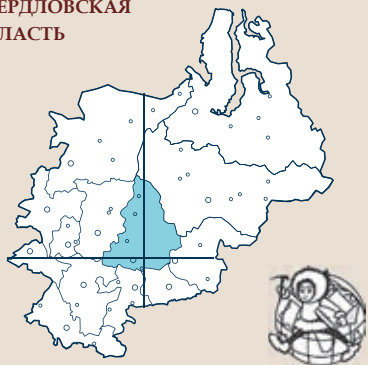
Есть у Замкова и другая биография. По ней он получил образование в Пажецком корпусе (где учились сыновья российской элиты), носил погоны полковника и был начальником госпиталей. Видимо, ему пришлось изменить свои анкетные данные, чтобы уберечься от репрессий молодого государства рабочих и крестьян. Но что бы ни было написано в бумагах, врач из Алексея Андреевича получился хороший, настоящий. О своей специальности он го-

Антон Лысков

Окончил математико-механический факультет Уральского университета, работает программистом. Историю родного края изучает в архивах, походах, беседах с интересными людьми. Публиковался в газетах «Новый компас» и «Уральская магистраль», журнале «Веси», краеведческих сборниках. Живет в Каменске-Уральском.

СВЕРДЛОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

► А.А. Замков

◀ Евгений Евстигнеев в роли профессора Преображенского

ворил так: хирург, уролог, эндокринолог.

Во время Первой мировой войны в московском госпитале он познакомился с сестрой милосердия Верой Игнатьевной Мухиной, богатой купеческой дочерью. В голодном 1918 году они поженились. В 1920-м родился сын Всеволод. Отец сам принял роды, а через несколько лет дома, на обеденном столе, оперативным путем спас сына от костного туберкулеза.

Рутинной врачебной работы Замкову было мало — в нем жил дух первооткрывателя, пытающегося найти скрытые резервы человеческого организма.

Рецепт гравидана

Уринотерапия известна давно, о ней знали еще Гиппократ и Авиценна. В 1920-х годах Замков изучает мочу беременных женщин, содержащую большое количество гормонов. Результатом исследований стал препарат гравидан (от латинского *graviditas* — беременность). Опыты на животных впечатляли: старые, слабые, полысевшие мыши после инъекций преображались: у них начинала блестеть шерсть, они давали здоровое потомство. Старый рысак, которого готовили к забой, показал рекордную резвость. Тогда доктор решился испытать лекарство на себе и ощутил, как оно повышает общий тонус организма, творческий потенциал и половую активность. Принимала гравидан и жена: он помогал Вере Игнатьевне работать над большими монументами.

Была в Замкове и предпринимательская жилка. Не дожидаясь окончания клинических испытаний и стабильных результатов, он предлагает «чудодейственный» препарат высшей советской элите. Его пациентами на-

▲ Алексей Замков

зывают Максима Горького, Клару Цеткин, Ивана Мичурина, Серго Орджоникидзе, Вячеслава Молотова, Михаила Калинина, Семена Буденного, руководителя разведки Яна Берзина, начальника сталинской охраны Карла Паукера и многих других.

Такая активность Замкова вызывает беспокойство его коллег. Одни считают его шарлатаном, другие просто завидуют. В 1930 году в газете «Известия» выходит разгромная статья. Алексея Андреевича увольняют из института экспериментальной биологии, где он работал. Решив, что перспектив в СССР у него нет, доктор с женой и сыном отправляются поездом на юг, чтобы нелегально перейти границу с Ираном.

Но органы ОГПУ не дремлют: по дороге семья арестована и возвращена в столицу. Жену и сына через пять дней отпустили, а Замков был осужден. Но наказание оказалось неожиданно мягким: 3 года ссылки в Воронеж с конфискацией имущества.

Помогли ли высокие покровители, но ссылка закончилась досрочно. В 1932 году Замков не только возвращается в Москву, но и становится директором вновь созданного государственного научно-исследовательского института урогравиданотерапии. Началось производство препарата и его поставки в больницы, поликлиники, санатории.

В 1936 году пункты гравиданотерапии появились и на Урале: в городской поликлинике города Кабаковского (ныне — Серов), в поликлинике и кожно-венерологическом диспансере станции Красноуфимской, поликлинике станции Чусовской, Советской больнице города Аша, железнодорожной больнице Уфы.

Слава Замкова гремела по всей стране. Пациентов — десятки тысяч. Гравиданом пытаются лечить все бо-

▲ Вера Мухина

лезни: инфекционные и глазные, сердечные и психические. Передовики производства рапортуют, что препарат позволяет им работать по 14 часов и перевыполнять план на 300 процентов. Гравидану даже посвящают поэму.

Вера Мухина оставалась в тени знаменитого мужа. Она считается скульптором, но ей уже скоро пятьдесят, а нет ни одного установленного памятника. Всемирное признание она получает только в 1937 году, когда мир увидит ее «Рабочего и колхозницу» на выставке в Париже.

А над Замковым начинают стучаться тучи... Эйфория от «чудесного» препарата прошла. Пациенты говорят, что гравидан им не помогает, вызывает привыкание и имеет побочные эффекты. Накопились вопросы у серьезных ученых и у власти. Все закончилось в 1938 году: институт урогравиданотерапии разгромлен, Замков слег с тяжелым инфарктом.

Оправившись после болезни, Алексей Андреевич устроился в здравпункт артели «Головные уборы».

Коттедж на берегу Исеты

С началом войны Замков порывается на фронт. Но его с больным сердцем на фронт и в госпитали не берут. Он трудится сверхштатным врачом в институте Склифосовского.

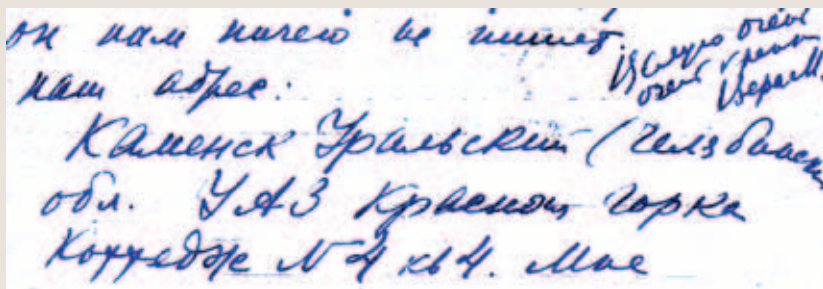
Вера Мухина работала в Управлении строительства Дворца Советов, в проектной мастерской. Правительство решило перебросить этот мощный трест на строительство Уральского алюминиевого завода, а его руководитель Андрей Никитич Прокофьев стал начальником «Уралалюминстроя». Вере Игнатьевне пришлось отправиться вместе со всеми.

Выехали всей семьей, вчетвером (вместе с подругой матери Веры, Ана-

▲ П. Кузнецов. Портрет А.А. Замкова. 1932 г.

▲ Фрагмент письма Веры Мухиной с каменским адресом

▶ Алексей Замков и Вера Мухина

стасией Степановной Соболевской, давно живущей с ними). Личные вещи уместились в три чемодана, а для главного груза понадобилось 24 ящика: архив института урогравиданотерапии Алексей Андреевич вез с собой. 18 дней пути в поезде из 110 теплушек... Добралась до Каменска-Уральского 30 октября 1941 года.

За первые военные месяцы население города выросло почти в три раза, с 50 до 140 тысяч человек. Людей некуда селить. Даже для семьи лауреата Сталинской премии Веры Мухиной смогли выделить только одну комнату. Зато в хорошем месте — в квартире № 4 коттеджа № 4 на берегу Исети, на огороженной и охраняемой территории, где жили руководители завода и строительства.

«Дом, где нас разместили, — красивый, надежный, теплый, кругом прекрасная природа. Одна стена на первом этаже — сплошь стеклянная с видом на реку. Говорят, что летом Исеть потрясающе красивая река, широкая и красивая, так как ниже нас плотина, но сейчас зима и все покрыто снегом».

Документы о работе А.А. Замкова в Каменске-Уральском до сих пор хранятся в городском архиве. Вот приказ горздравотдела: «Зачисляется в штат больницы УАЗа с 5 ноября 1941 года врачом-ординатором в хирургическое

отделение с окладом 400 рублей в месяц». Через месяц, 11 декабря, его переводят в амбулаторию УАЗа на хирургический прием с тем же небольшим окладом. Дальше — ежемесячные ведомости по расчету заработной платы.

Домой, в Москву!

Хотя быт вроде устроен, Замкову и Мухиной в Каменске-Уральском неуютно, они томятся здесь. Вера Игнатьевна так описывала свои ощущения: «Я себе места не нахожу, волнуюсь страшно, что сижу в этой проклятой дыре, а жизнь идет, кипит, и я ничего этого не знаю».

Но вернуться домой не так просто: свободно передвигаться по стране нельзя. В.И. Мухина пишет в Комитет по делам искусств: «Я слишком далеко от событий. Здесь тускло живет. Поэтому не держите меня здесь и скорее пришлите вызов». К ней присоединяется А.А. Замков: «В такой великий серьезный момент нашей Родины гравидан мог бы сыграть колоссальную роль. Мог бы опять помочь миллионам нашего населения, а не сотням, вот что так волнует меня. Поймите, товарищ нарком, очень тяжело сознавать, что я могу принести еще много пользы и почти бездействую».

В мае 1942-го Вера Игнатьевна получает вызов в столицу. Но — только она

одна. Теперь супруги общаются письмами: «Милая, дорогая Веруша! В горздравотделе принимают все возможные меры, чтоб меня не пустить. Но меня это не пугает. Я всеми силами буду спешить к тебе. Я опять колось гравиданом, ем рисовую кашу и силы начали как будто прибывать».

Тон следующего письма совсем иной: «Милая Веруша, мое пребывание здесь равносильно гибели. Я превратился в старика, которого едва держат ноги. Я не верю, что мне опять удастся возродить дело с гравиданом. Столько борьбы, сколько пакостей и гадостей вокруг этого дела меня окончательно сломили и парализовали мою волю и сковали моё желание к жизни. Ты прости, моя милая».

И вот, наконец, последний расчет зарплаты в амбулатории УАЗа — за август 1942 года. Разрешение получено. Замков едет в Москву. Умирать.

Дольше всех остается в Каменске-Уральском сын Всеволод. Ему поставлена задача: обязательно вывезти в столицу архив института. С большим грузом он долго не может сесть в поезд. Пропуская состав за составом, он понимает, что увидеть отца уже не успеет...

А Алексею Андреевичу в родной Москве будто становится лучше, в него возвращается жизнь. Но тут его настигает второй инфаркт. Создатель «эликсира вечной молодости» умирает 25 октября 1942 года в возрасте 59 лет.

Вера Мухина добила, чтобы мужа похоронили на престижном Новодевичьем кладбище. Свое место рядом с ним она заняла через 11 лет, в 1953 году.

Гравидан был исключен из списка медицинских препаратов в 1964-м. **УС**

◀ Коттедж № 4, построенный 80 лет назад как элитное жилье, скоро будет снесен

К 100-летию расстрела царской семьи

Царь называл ее Анютой

Старики, если вызвать их на откровенность, расскажут много удивительного и интересного. После таких рассказов начинаешь понимать, что камбарцы были участниками многих исторических событий, о которых мы обычно узнаем из книг и фильмов. Одну такую историю я и хочу рассказать.

Старшая дочь

Жила в Камбарском заводе Осинского уезда Пермской губернии (сегодня г. Камбарка Удмуртской республики) обычная семья. Отец Василий Андреевич Мичков был знатным портным, а «законная жена его» (так она записана в метрической книге Успенской церкви) Евдокия Стефановна вела домашнее хозяйство. 9 февраля 1890 года у них родилась дочь Анна. Затем еще три дочери: Екатерина, Анастасия и Ольга. В трудах и заботах о детях протекали годы. И все было хорошо, да грянула Первая мировая война. К тому времени Анна была уже замужем и носила фамилию Кузьминых. Ее мужа призывали на фронт. А семья ведь жила в основном на заработки мужчин, так что трудно пришлось и Анне.

В Ипатьевском доме

А тут еще и 1917 год. Две революции всю жизнь перевернули. В поисках заработка люди стали уезжать из родных мест. На следующий год уехала в Екатеринбург и Анна, оставив малолетнего сына Ивана с матерью.

Устроилась каким-то чудом на работу не куда-нибудь, а в дом купца Ипатьева, в котором к тому времени уже содержался в заточении бывший император Николай II с семьей. Возложили на Анну заботу о двух коровах, обеспечивающих царскую семью моло-

ком. Ухаживать за коровами для Анны было делом привычным, тем более что сена и муки для их кормления хватало.

В один из дней, подоив одну из коров, Анна поднялась в дом с ведром молока. «Анна, ты опять обеих коров в одно ведро подоила, смотри, молоко скиснет», — сделала ей замечание супруга царя Александра Федоровна. «Да вы что? — ответила ей женщина. — Это одна корова столько дает».

Процедив молоко, Анна вернулась в сарай доить вторую корову. Насыпав муки в ведро для мешанки, чтобы покормить скотину, услышала, что в хлев кто-то зашел. Оглянувшись, увидела царя с супругой. «Теперь мне понятно, почему коровы доятся ведрами», — сказал Николай Александрович. Одна из коров потянулась к нему мордой, которая вся была в муке, царь погладил животное. «Тебе не жалко, Анюта, столько муки класть?» — спросил он прислугу. «Да много ее, надолго хватит», — ответила бойкая женщина. С тех пор царь стал звать ее Анютой. Она понравилась царской семье своим трудолюбием и душевной открытостью (прежняя женщина, смотревшая за скотиной, была ленива, и коровы у нее не давали и половины того молока, что надаивала Анна).

Так как прислуги было мало, приходилось нашей землячке работать и на кухне, помогая готовить, пода-

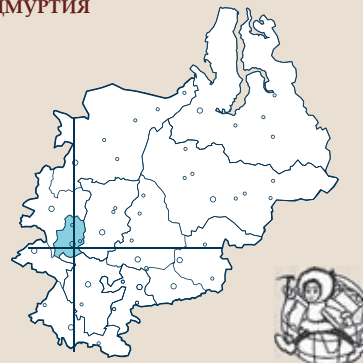
▲ Анна Кузьминых с матерью и сыном. 1916 г.

Рази́ф Мирза́ев

Образование среднее. С 1982-го по 2017 г. работал фотокорреспондентом районной газеты «Камская новь». Статьи, фоторепортажи печатались во многих газетах Удмуртии. Председатель отделения историков-архивистов Камбарского района. Заслуженный журналист Удмуртской республики. Награжден Императорской медалью «В честь 400-летия Дома Романовых. 1613–2013». Живет в г. Камбарке.

удмуртия

вать на стол. Видела она, что, когда царская семья обедала, охранники бесцеремонно брали со стола самое вкусное и тут же съедали.

Царевич Алексей был болен, вспоминала впоследствии Анна Васильевна, и отец всегда был возле него. И очень беспокоился, если по какой-то причине не мог быть рядом.

Дом был обнесен высоким забором, охрану несли вооруженные рабочие. В один из летних дней пришли люди в кожанках и устроили в комнатах обыск. Они перетряхнули все вещи, копались в книгах и белье. Все пленники и прислуга стояли на тех местах, где их застал обыск. Анюта оказалась в одной комнате с Николаем Александровичем. Царь стоял на коленях перед киотом и молился. Он ни разу не повернулся и не встал за все время унижительной процедуры. Один из чекистов, выворачивая чемоданы, матерно ругался, всячески обзывая царя. Испуганная Анюта стояла в дверях. В одном из чемоданов чекист нашел длинные черные кружева. Повертев их в руках, он кинул их Анюте: «Возьми, тебе пригодятся, ты еще молодая».

После обыска охрана в доме была полностью заменена и узники стали ждать чего-то страшного.

Фотография от царя

В один из последующих дней царь позвал Анюту к себе, долго благодарил ее за труд, говорил о том, что его дети ее полюбили. «Тебе надо уходить от нас», — сказал ей Николай Александрович. «На память о нас и за твоё усердие и доброту прими на память нашу семейную фотографию», — сказал

царь. Со слезами на глазах Анюта попрощалась со всей семьей и ушла, спрятав на себе эту фотографию. Возможно, уход из Ипатьевского дома спас ее от неприятностей.

Щука с мукой и луком

В Екатеринбурге она не осталась, уехала в Камбарку. Муж все еще где-то воевал, и не было о нем никаких известий. К ней сватались, но она всем отказывала. Супруг вернулся через 11 лет после ухода на фронт. Оказывается, ее Егор был в немецком плену. Вскоре у них родился второй сын — Сергей (впоследствии участник Великой Отечественной войны).

Анна Васильевна часто вспоминала о своей жизни в Екатеринбурге, рассказывала об этом и своей племяннице Зое, которая рано осталась без матери. Приходя к ней в гости, всегда приносила необычные угощения. Например, жареную щуку, фаршированную крупой с луком. «Такое блюдо готовили на царский стол», — говорила она.

Она нигде не работала и ходила в Успенскую церковь, молилась.

С годами у нее появилось страстное увлечение — голуби. Они жили у нее прямо в доме. Она говорила, что голуби, как люди, разговаривают с нею. От своих младших сестер она отличалась грамотностью, речью и манерами, так как успела, находясь в Екатеринбурге, впитать в себя быт и культуру общества в царской семье.

Всю жизнь она бережно хранила в сундуке черные кружева и большую коричневую фотографию царской семьи. После ее смерти фотография хранилась у племянницы на комод-

е, на виду у всех, но в конце 1980 годов она исчезла.

Перед смертью Анна говорила сыну Сергею о своем желании, чтобы в день ее похорон шел дождь, так как он смывает все грехи, а затем выглянуло бы солнце. Все так и случилось. Умерла она в сентябре 1954 года.

Никаких записей Анна Васильевна Кузьминых не оставила, время было такое, что чужим о службе царской семье рассказывать было нельзя. Ее основной слушательницей была племянница Зоя Григорьевна Жижина, со слов которой и записан этот рассказ.

После расстрела царской семьи и прислуги с 16 на 17 июля 1918 года в газетах появилось следующее сообщение:

«Расстрел Николая Романова

Москва, 19 июля. В последние дни столице красного Урала Екатеринбург усердно угрожала опасность: приближение чехословацких банд, в то же время был раскрыт новый заговор контрреволюционеров, имевших целью вырвать из рук советской власти коронованного палача. Ввиду этого Уральский областной совет постановил расстрелять Николая Романова, что и было приведено в исполнение во вторник, 16 июля; жена и сын Николая Романова отправлены в надежное место. Всероссийский ЦИК признал решение Уральского областного совета правильным.

Конфискация имущества царского дома.

Издан декрет о конфискации имущества низложенного русского царя и членов царского дома».

Газета «Труженник», г. Сарапул Вятской губернии от 26 июля 1918 года

▼ Дом Ипатьева. Гостиная, где проходила последняя церковная служба царской семьи. Фото Н. Введенского из книги Виталия Шитова «Дом Ипатьева» (2013).

«В наследство получили мы планету...»

Помните слова Маленького принца? «Проснулся утром — убери свою планету, иначе она вся зарастет баобабам!». Воспитанники первого в стране Оренбургского президентского кадетского училища в Год экологии совершили немало добрых, полезных и масштабных экологических дел. Баобаб равнодушия и безответственности на планете кадета — дерево запрещенное. Мальчишки, будущие офицеры, научились спрашивать: что лично я сделал, чтобы мир вокруг стал чище и красивее?

И вот что отвечают они сами.

Два государства — одна река

Кирилл Тарасенко, кадет 51-го взвода:

— Летом я участвовал в XXI российско-казахстанской историко-культурной, экологической экспедиции по реке Урал, которая была посвящена Году экологии в России. Ею руководила моя бабушка Елена Тарасенко. Участвовали взрослые и дети. Экспедиция объединяет усилия России и Казахстана по сохранению экологии наших рек.

Экспедиция стартовала в Илекском районе Оренбургской обла-

сти, затем отправилась вниз по Уралу в Западно-Казахстанскую область, в город Уральск. Мы прошли на байдарках по рекам Илек, Урал и Чаган. Я впервые сам взял в руки весла, а управлять байдаркой меня учил заслуженный путешественник России, мастер спорта и заслуженный турист России Александр Петрович Фесенко. Мы участвовали в открытии памятного знака, посвященного Дню Урала в поселке Илек, в конференциях и акциях по очистке речных берегов.

После экспедиции мы с мамой поехали в столицу Казахстана Астану, где проходила выставка «ЭКСПО-2017». Она была посвящена энергии будущего и экологии. Мы побывали в пави-

ОРЕНБУРГСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Александр Старых

Окончил Оренбургский гос. педагогический институт. Кандидат филологических наук. Преподавал в школе. Возглавлял издание газет «Оренбургская неделя» и «Вечерний Оренбург». В настоящее время — руководитель пресс-центра Оренбургского президентского кадетского училища. Член Союза писателей России. Автор книг «За благодатным огнем» (2005), «Своих не бросают» (2009). Живет в Оренбурге.

Иллюстрации
предоставлены автором

◀ Кирилл Тарасенко дает интервью казахскому телеканалу

льоне России, и я многое узнал о достижениях своей страны, новых открытиях по альтернативной энергетике и зеленых технологиях. Посмотрел павильоны представителей разных стран. Все было потрясающе интересно.

Справка: Первая казахстанско-российская историко-культурная, экологическая и спортивная экспедиция по реке Урал и ее притокам стартовала двадцать один год назад. Цель международного сплава – изучение вопросов рационального использования биоресурсов, сохранения флоры и фауны поймы Урала, привлечение внимания руководства двух стран и общественности к проблемам сохранения и защиты экосистемы бассейна реки и необходимости совместных действий.

Участники экспедиций развивают культурные связи и укрепляют дружбу и сотрудничество между Россией и Казахстаном. Все эти годы в составе экспедиций работали ученые-экологи, краеведы, археологи, историки, представители политических партий, законодательной и исполнительной власти, журналисты, студенты и учащиеся.

Любимому Уралу – чистые берега!

Данил Кожевников, кадет 33-го взвода:

– В конце купального сезона после горожан на берегах Урала оста-

ются горы мусора. И каждую осень школьники и студенты, взрослые и дети выходят, чтобы его убрать. Среди них, конечно, и мы! В прошлом году собралось полторы тысячи добровольцев.

Чтобы было веселее работать, организаторы придумали соревнование «Экоспорт». Все участники разделились на две большие команды и стали собирать и сортировать мусор в разноцветные пакеты – отдельно бумагу, пластик, стекло, жестяные банки и остальной мусор. Мы соперничали со студентами университетов и медицинской академии. В итоге все собрали почти одинаковое количество мусора. Нам вручили дипломы и сладкие подарки.

Чего только не увидишь на берегах батюшки-Урала! Нашли в кустах даже обломки пианино! Какой же пример взрослые подают детям и окружающим!

Проводить акцию по очистке берегов – отличная идея. Но еще лучше, если бы каждый отдыхающий сам убирал за собой мусор!

Живи, кадетский родник!

Михаил Бордюг, кадет 33-го взвода:

– Вместе с командиром взвода и преподавателями кафедры есте-

ственных наук в теплые выходные дни мы сажались в автобус и ехали в Шарлыкский район, где на окраине села находится наш подшефный родник. Раньше он был открытый и чистый и из него брало воду все село, но в последние годы ручей заилился, зарос травой и кустарником.

С помощью учебной экспресс-лаборатории мы проверили воду в источнике на жёсткость, наличие солей тяжелых металлов и степень минерализации. По всем параметрам вода оказалась пригодной для питья.

В ходе нескольких десантов мы очистили территорию от листвы, вырубали кусты, убрали бурьян и ветки. После этого установили и покрасили стол, лавку и закрепили табличку «Родник Зеркло». Глава Зерклинского сельсовета Николай Николаевич Пугаев поблагодарил нас и наших педагогов за труды и устроил для всех чаепитие.

Егор Викторов, кадет 23-го взвода:

– А мы каждый выходной, вооружившись лопатами, отправлялись в Сакмарский район. В окрестностях села Янгиз-Марьевка на берегу речки обнаружили замечательный родник. Чтобы сохранить его не только для современников, но и для потомков, мы вместе с воспитателями, педагогами и родителями решили очистить и облагородить прилегающую к нему территорию. Сказано – сделано: кадет слова на ветер не бросает. Такой родник обязательно должен жить!

Во второй половине октября мы закончили все работы и провели торжественное открытие возрожденного источника. На камне прикрепили табличку со стихами:

*У родника остановись, прохожий,
Его однажды возродил кадет.
Попей воды и в этой жизни тоже
Оставь и ты свой благодарный след!*

УС

▼ Памятный знак в честь учреждения Дня Урала

▼ Под разными флагами по одной реке

Цветная палитра Урала

Михаил Попов

Доцент кафедры минералогии Уральского государственного горного университета, кандидат геолого-минералогических наук.

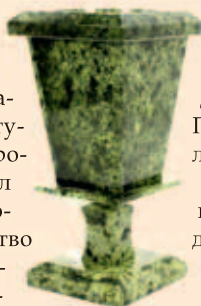
Камень змеиной кожи

На вопрос, что такое змеевик, большинство жителей Урала и, в особенности Свердловской области, ответят — это камень, который используется человеком в качестве поделочного материала. А если подобный вопрос возникнет насчет серпентинита,

Змеевик — местное уральское название серпентинита. По одной из версий, название произошло от латинского слова *serpens*, «змея», по сходству рисунка обработанного камня со змеиной кожей. По другой версии, название произошло из-за того, что на серпентинитах никогда не видели ползающих змей (он их отпугивает).

История использования змеевиков

В качестве поделочного камня используется в Европе более 400 лет. В Германии из него делали аптекарские сосуды, туалетные приборы, надгробия. В России змеевик стал пользоваться популярностью (как и большинство вновь найденных поделочных камней) после откры-

тия в 18 веке богатых залежей этого камня на Урале. Чаще всего змеевики находили попутно с открытием других полезных ископаемых, строительством дорог и зданий. В старину из него изготавливали сервизы, сохранившиеся в Гатчинском и Павловском дворцах Санкт-Петербурга, а также столешницы, вазы, шкатулки. В 20 веке уральским змеевиком (Григорьевское м-е) делали станции Московского метро (Щелковская, Первомайская, Спортивная) и Ека-

то мало кто (кроме специалистов) сможет сказать что-то вразумительное. Но если внимательно посмотреть, то окажется, что это одно и то же. А где можно найти змеевик — всюду на урале — ответит и специалист, и любитель.

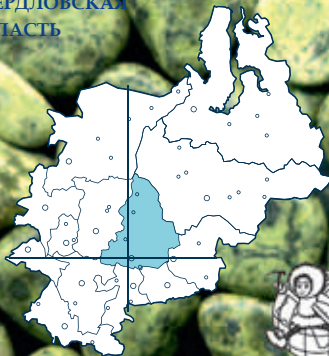

теринбургского метро (Космонавтов, Уральская), а также многие общественные здания и комплексы в Екатеринбурге (Цирк, Дендропарк). С середины 18 века благородные разновидности змеевика использовались для производства ювелирных и камнерезных изделий.

Известные месторождения змеевика на Урале

Самое известное, из близко расположенных к Екатеринбургу, — Григорьевское месторождение благородных (художественно-декоративных) змеевиков. Оно расположено в границах горного от-

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Камень, который лежит под ногами в виде скал,
а отполируешь...

ОБРАЗЕЦ МИНЕРАЛА
предоставлен Уральским Центром камня

Серпентинит

Фират Нурмухаметов,
директор Уральского Центра камня.

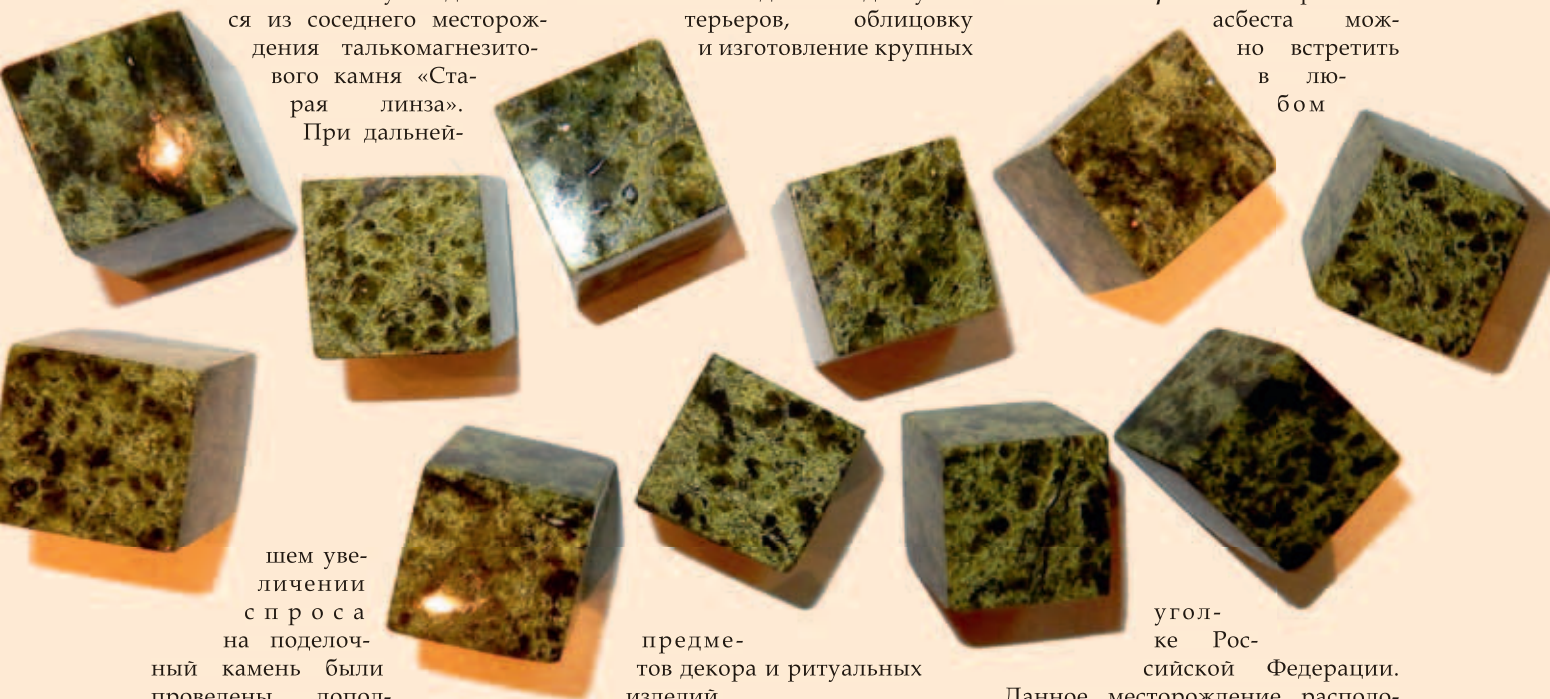
вода Шабровского талькового комбината (20 км от г. Екатеринбург, п. Шабры) и находится территориально между карьером талькомагнезита «Новая Линза» и карьером «Старая Линза». Изначально змеевик попутно добывался из соседнего месторождения талькомагнезитового камня «Старая линза».

При дальней-

в результате которых появилось это месторождение. Около п. Шабры находится еще одно крупное действующее месторождение змеевика — *Южно-Шабровское*, которое было открыто в конце 20 века. Камень с него идет на отделку интерьеров, облицовку и изготовление крупных

ское (Чусовское) месторождение благородного змеевика. Оно разрабатывалось с конца XVIII века для нужд Екатеринбургской гранитной фабрики.

Изделия из змеевика с *Баженовского месторождения* хризотил-асбеста можно встретить в любом

шем увеличении спроста на поделочный камень были проведены дополнительные геологоразведочные работы геологоуправлением ОАО «УГСЭ» (Уралгеология) и трестом «Уралкварцсамоцветы»,

предметов декора и ритуальных изделий.

Недалеко от Екатеринбурга (в 15–18 км южнее Шабровского месторождения, на правом берегу реки Чусовой) находится *Мрамор-*

уголке Российской Федерации.

Данное месторождение расположено в 100 км на северо-восток от г. Екатеринбурга (в пределах г. Асбест). Месторождение было открыто в 1885 г. Змеевики на месторож-

дении являются вмещающими пустыми породами. До конца 80-х годов 20 столетия данные породы вывозили на отвалы, но в начале 90-х их стали активно использовать в качестве красивого ювелирно-поделочного камня.

Встречаются небольшие месторождения змеевиков под г. Нижний Тагил, п. Нейво-Шайтанский, г. Алапаевск. На Южном Урале месторождения змеевика разрабатываются под г. Миасс, «Гора Кукушка» (2,5 км от п. Маук, Челябинская обл.), в районе Карабаша (Карабашское месторождение), Верхне-Уфалея («Волчья гора»). Кроме производства облицовочного камня, месторождения змеевика отрабатываются на строительный камень. К западу от г. Златоуст (Челябинская обл.) находится известное *Медведевское месторождение офиокальцита* (редкая разновидность серпентинита, образованного на контакте с карбонатами). В 12 км юго-западнее города Сатка (Челябинская обл.) находится другое месторождение офиокальцита.

Что такое змеевик

Если мы посмотрим научное определение змеевика, то получим достаточно сухой малопонятный ответ. *Змеевик — плотная горная порода (не путать с минералом серпентин), образовавшаяся в результате изменения (серпентинизации) гипербазитов при метаморфизме магматических пород группы перидотита, иногда также доломитов и доломитовых известняков.*

На самом деле змеевик (серпенти-

нит) — это ультраосновная порода с непостоянным составом, которая состоит из 4–10 минералов. Основную массу серпентинитов (75–90%) составляют минералы из *группы серпентина*. Всего в этой группе более 20 минеральных видов, а в уральских серпентинитах чаще всего встречаются *клиноорто-хризотиль, антигорит, лизардит, амезит*. В тектонических зонах (зеркала скольжения) образуется *офит* (благородный серпентин). Они представляют собой плотные тонкокристаллические и спутанно-волоконистые агрегаты. Минералы группы серпентина имеют различные цвета: зеленовато-жёлтый (хризотил, лизардит), серый, белый (антигорит, амезит), голубовато-сиреневый (хризотил, амезит), оливково-зелёный (офит). В основном в результате такого строения змеевика — это вязкие, крепкие породы, которые принимают любые формы при резке. Благодаря низкой твердости порода хорошо обрабатывается и принимает полировку. Декоративность уральских змеевиков

зависит от необычной текстуры (характеристика породы, которая описывает ориентировку и взаимное расположение минералов в породе). Для них характерны пестелчатая, полосчатая, пятнистая текстуры.

В качестве второстепенных минералов в уральских серпентинитах могут встречаться включения *граната, оливина, пироксена, амфиболов*, а также *магнетит, хромит*, карбонаты (*кальцит, доломит*), *талек, хлорит*.

Разновидности змеевика на Урале

Бовенит — бледно-зеленый, иногда просвечивающийся, нефритоподобный серпентин.

Офиокальцит (серпентинитовый мрамор) — контактово-метаморфизованный доломитовый известняк, змеевик с пятнами кальцита или доломита.

Офит — благородный серпентин, используемый как ювелирный камень.

Известный российский минералог академик А.Е. Ферсман выделял три сорта уральских змеевиков: «Темно-зеленая разность с черными пятнами называется *моховиком* и подвергается обработке кустарями Екатеринбурга и Мраморского. Вторую разновидность составляет *благородный змеевик* — *офит*, представляющий желто-зеленый камень однородной окраски с приятным просвечиванием по краям. Он применялся на Екатеринбургской гранильной фабрике, где из него изготовлялись листья и стебли к плодам для объемной мозаики. Этот сорт змеевика более редок и образует лишь вторичные прожилки в сплошной змеевиковой породе. Наконец, третий сорт змеевика представляет собой плотную мелкочешуйчатую породу, идущую в большом количестве у уральских кустарей и на гранильных фабриках для вытачивания

основ чаши и ваз, на которые наклеивается каменная фанера (русская мозаика). Этот сорт широко шел в 30-х годах прошлого столетия для аптекарских ступок Медицинского департамента».

Применение змеевика

Благородный змеевик иногда очень похож на нефрит («новый жад»). Его и красивые декоративные разновидности (в основном с Баженовского месторождения) обрабатывают кабошоном, в виде бусин и пластин. Из поделочного змеевика изготавливают чаши, статуэтки, шка-тулки, вазы. В украшениях он хорошо сочетается с бронзой, серебром, обсидианом черного цвета, родонитом, белым мрамором. Крупноблочные змеевики идут на облицовку, изготовление крупных форм декора (столешниц, каминов, фонтанов, колонн) и ритуальных изделий (памятников, надгробий, барельефов).

Змеевик в литературе

Змеевик не избалован опусами. Видно, поэты и писатели не смогли рассмотреть в нем природную красоту и живость красок, которую подметили уральские камнерезы и ювелиры, а жаль...

*Есть зеленый камень — змеевик,
Неприглядный, на змею похожий.
Что же к шею, милый, так приник?
Все целуешь, парень мой пригожий!*

*Думаешь, весна пришла опять,
Затоскуешь, заколдуешь счастье?
Вдруг не девица судьба твоя,
Чье-то позабытое ненастье...*

*Жди, бросайся в омут с головой,
Не забыть тебе той девы милой!
С кожей змеи идешь домой...
Змеевик! Какой же он унылый...*

Алина Макарова

▲ В 2008 году был установлен монумент из змеевика в географическом центре Свердловской области. Пейзажная нежно-зеленого цвета плита размером 240 на 160 и 30 сантиметров толщиной. Цвет символизирует природу Свердловской области, покрытую лесными массивами, а белые и темные прожилки — горы и реки, стекающие с Уральских гор. Фото Виктора Байдукова

Уральская родина Евгения Петряева

КИРОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Владимир Семибратов

Родился в 1959 году в д. Медовый Ключ Кировской области. Окончил исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. Кандидат культурологии. Член Союза писателей России и Национального союза библиофилов. Автор более 250 научных публикаций и ряда книг по культурологии и краеведению. Живет в г. Кирове.

▼ Экслибрис Е.Д. Петряева.
Автор Р. Копылов

Писатель-литературовед Е. Д. Петряев — один из крупнейших исследователей культурного прошлого российской провинции. Благодаря его трудам стали известны имена многих делателей на ниве просвещения, образования, науки, краеведения. Имя Евгения Дмитриевича, тесно связанного своей судьбой с Уралом и Сибирью, ассоциируется прежде всего с Вятской землёй, в столице которой он прожил три последних десятилетия своей жизни. Не случайно воспоминания о нём, опубликованные в 2004 году в столичном альманахе «Библиофилы России», патриарх отечественного книгознания О. Г. Ласунский назвал так: «Петряев-град на вятских берегах».

В многочисленных Кировских публикациях о Е. Д. Петряеве его уральское происхождение, как правило, лишь констатируется. Например, в изданном в 1960 году библиографическом справочнике «Писатели Кировской области» читаем:

«Родился 18 февраля 1913 года в Берёзовском заводе около Екатеринбург (теперь город Берёзовский Свердловской области).

Отец Е. Д. Петряева был почтовым служащим, мать — сельской учительницей».

Через 12 лет в справочном издании «Литературный Киров» сам писатель более подробно охарактеризует место своего рождения, приведёт некоторые данные о родителях и предках. Эти сведения будут повторены им в последующем переиздании книги в 1982 году, а затем в очерке «Книжные дороги», напечатанном в книгах «Записки книголоба» (Киров, 1978) и «Живая память» (Москва, 1984).

Берёзовский завод возник в 1748 году, став первым в России центром золотодобычи. Уже в 1773-м в составленном воеводой Ф. А. Полуниным и академиком Г. Ф. Миллером «Географическом лексиконе Российского государства» ему была дана такая характеристика:

«Берёзовской золотомывательной завод казенной, Сибирской губернии в Екатеринбургском округе, при вершине реки Пышмы, не далеко от Екатеринбурга. Тут же и Пышминской или Становой золотомывательной казенной же завод, названный по Становому озеру, из которого река Пышма истекает, да ко оным принадлежат и Уктуской и Вержуктуской заводы, а ко всем четырем для работы приписано 6748 душ крестьянских».

Среди этих «душ» было немало старообрядцев. Собственно, и начало будущему городу положил «раскольник» Е. С. Марков, обнаруживший в этих местах золотые россыпи. В посвящённом ему сказе «Золотые дайки» П. П. Бажов пишет (здесь и далее в квадратных скобках пояснения наши):

«Ерофей-то из Шарташа происходил. Коренной тамошний житель. А в Шарташе в ту пору самое что ни есть кержацкое гнездо было свито. Когда ещё нашего города [Екатеринбурга] и в помине не было, туда, на глухое место у озера, и набежало скитников-начётчиков с разных концов. Иные, сказывают, с Выгорецких каких-то пустынь, другие — с Керженца-реки». Среди тех, кого с основанием на Урале железодельных заводов «каменная сила зацепила», и оказался Е. С. Марков, который «золотого змея из земли выпустил».

Предки Е. Д. Петряева с материнской стороны Мазеины также исповедовали «старую» веру. Видимо, это он и имел в виду, когда в 1970 году писал в Одессу своему интересующемуся родословной брату Константину, что встречались «среди них бунтари и грамотеи». Живя в Берёзовском заводе с самого его основания, Мазеины «были рудокопами», а в 1820 годах «один из них состоял унтер-штейгером».

К исконному православию тяготели и предки писателя по отцу, что явствует из упомянутого выше письма, в котором о них говорится следующее:

«Древние корни Петряевых были где-то в Рьльске Курской губернии. Немало из них погибло от рук Малюты Скуратова. Осталась мелкота, однодворцы.

В шестой «Родословной книге» есть герб 1676 года — красная кирпичная

стена и на её фоне два перекрещенных карабина.

Обедневшие потомки славились как оружейники. Работали у Демидова в Туле. Другие селились под Москвой, на земле. Там есть деревня Петряевка.

А *связавшиеся с расколом* [курсив наш] шли к Архангельску. Оставаясь вольными мастеровыми, пришли на Урал в конце XVIII века в Берёзовский завод.

Два брата Петряевых, ещё юношами, были присланы с «Монетки» (Москва) [имеется в виду Московский монетный двор]. Отсюда начинаются две линии потомственных горняков. Некоторые вышли в штейгеры, хотя учиться много не приходилось.

При Николае I в Екатеринбурге, на Волчьей улице (теперь её нет), был дом лекаря Петряева, а в Берёзовском были Петряевы конторщики, писари,

но сведений о них мало. Один из них был автором «Повествования о Малюте Скуратове».

Наш дед работал на бегунной фабрике [мельница, на которой размельчали золотосодержащую руду], считался машинистом. Писал (насколько помню) кривыми [полуустав?] и крупными буквами. Любил читать, хорошо пел, отличался остроумием, привлекательностью, артистизмом.

То же было присуще и отцу, пока его не согнула страшная жизнь.

Брат деда, Алексей Алексеевич, работал в заводоуправлении и считался знатоком горного дела. Он состоял членом УОЛЕ [Уральское общество любителей естествознания]. На известной выставке Урала и Сибири, в 90-х годах, получил серебряную медаль. <...>

Кузеном (или дядей) Ильи Алексеевича [деда Е.Д. Петряева] был Александр Михайлович Петряев, полиглот, потом драгоман [переводчик] нашего посольства в Константинополе. О нём писал Лев Любимов в книге «На чужбине» (М., 1963).

О нём много рассказывали в 1918–1919 годах, но я, естественно, ничего не понимал. Помню только, что говорили слово «Дарданеллы», которое мне почему-то особенно нравилось. Об этом проливе у А.М. есть книжка.

Дети Ильи Алексеевича рано остались без матери. Семьи рассеялись. Германская война поглотила взрослых мужчин и фамилия исчезла. <...>

Из выдающихся людей надо вспомнить Николая Петряева, фор-

тификатора, переводчика и литератора начала XIX века, автора массы книг. Он был, по-видимому, дедом А.М. — драгомана».

Отец Е.Д. Петряева Дмитрий Ильич (1886–1943), по словам писателя, «смог получить лишь начальное образование в заводской школе, но был очень начитан, любил родную литературу, писал стихи и считался знатоком уральской старины».

Будучи «легка на подъём», семья почтового служащего часто меняла место своего жительства, в результате чего Петряевы «жили в сёлах: Ленеvском (возле Режа), Усть-Хмельёвке и Меркушине (в 50 верстах от Верхотурья), в Нижне-Турунском заводе, на Исовских платиновых приисках (у Качканара)».

Поскольку родители Евгения Дмитриевича рано разошлись, родную мать ему заменила М.Г. Востротина (1895–1924) — «дочь литейного мастера из Каслей, тоже учительница», рано научившая своего пасынка чтению. Её неожиданная смерть стала большим потрясением для мужа, который «в срок лет стал совершенно седым».

«Мы жили в нужде, порой голодали, — вспоминал о той поре Е.Д. Петряев, — но на необходимые книги отец никогда не жалел денег».

Восприняв от родителя «самый живой интерес к нашему прошлому», в частности, к родной уральской старине, Евгений Дмитриевич живо сохранял его на протяжении всей своей жизни. Не случайно на Каменном Поясе его чтут как крупного писателя-ураловеда. **VG**

Шестой Пепеляев

В руках подполковника медицинской службы Аркадия Николаевича Пепеляева, о котором мой рассказ, хранились секретнейшие документы, касающиеся расстрела царской семьи в известном всему миру Ипатьевском доме. Когда под ударами красных войск распался Восточный фронт и колчаковцы стремительно покатались от г. Глазова за Волгу, за Урал и дальше от Омска до Иркутска, министр внутренних дел в правительстве адмирала Колчака Виктор Пепеляев передал бумаги брату-врачу Аркадию на сбережение.

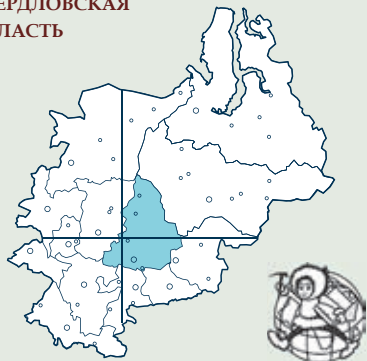
◀ Аркадий Николаевич Пепеляев

Валерий Привалихин

Окончил Томский госуниверситет. Работал в областной газете «Красное знамя». Рассказы, очерки, статьи печатались во многих российских изданиях, включая «Уральский следопыт». Автор книг: «Умягчение злых сердец», «Цена выстрела — жизнь», «Клад адмирала» и рассказов для детей. Пять лет занимался исследованием Нарымской царской политической ссылки, истории строительства Транссиба. Живет в г. Орехово-Зуево.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Если бы Аркадий сумел уберечь эти документы, мы бы, видимо, знали много больше о том, что произошло в Екатеринбурге и окрестностях в июльскую ночь 1918 года. Но не сберег эти бумаги военврач Пепеляев, в Иркутске в 1920-м они попали-таки в руки чекистов...

Это «Метрическое свидетельство» сохранилось в семейном архиве потомков Аркадия Пепеляева, проживающих в Омске.

«По указу Его Императорского Величества Томская духовная консистория сим свидетельствует, что в метрической книге, хранящейся в архиве оной, градо-Томской ротарестантской Александро-Невской церкви за тысяча восемьсот восемьдесят восьмой (1888) год в части 1-й о родившихся, под № 3-м мужеска пола записано Января двадцать третьего (23) родился, 31 крещен Аркадий. Родители: капитан 3-й роты Томского резервного кадрового пехотного батальона Николай Михайлович Пепеляев и законная жена его Клавдия Егоровна, оба православного вероисповедания. Восприимниками были: советник Томского губернского правления Михаил Григорьевич Пепеляев и дочь Томского мещанина девица Любовь Егоровна Некрасова. Таинство крещения совершал священник Иоанн Васильков.

Томск, Января 11 дня 1889 года».

Аркадий был третьим ребенком в большой семье Пепеляевых. Томские детские годы его были недолгими. Выбрав путь отца, решив стать военным, он поехал в Омск, поступил в Омский кадетский корпус. По окончании корпуса путь его был в Петербург, где он в декабре 1912 года с отличием окончил Военно-медицинскую академию, и в новенькой, сверкающей золотыми офицерскими погонами, форме военврача вернулся в родную Сибирь. Сначала в Тюмени служил в должности младшего ординатора военного лазарета, потом, вскоре, его перевели в Омск, в военный госпиталь.

Наверное, не ошибусь, сказав, что период жизни с 1910 по 1914 годы был самым счастливым в жизни Аркадия Пепеляева. Наполнявшие эти годы события полны простого человеческого счастья. Участь в кадетском корпусе, он познакомился с красавицей-дочерью одного из своих преподавателей полковника Г.П. Якубинского Анной Георгиевной Якубинской. Еще будучи слушателем академии, женился на ней по взаимной любви, у них родились две дочки — Татьяна, а следом Нина. Он жил семейной жизнью в окружении родных и друзей. Днем — не тяготившая служба, вечерами — либо они в гостях, либо к ним гости. А еще — театр, книги, музыка. Он недурно играл на фортепьяно и иногда часами позволял себе предаваться этому занятию. Назначение

▲ На фронте Первой мировой

старшим врачом транспорта в марте 1914-го, командировки, связанные с этой новой должностью, только вносили разнообразие в дела служебные.

Всё круто изменила в этом, почти гражданском укладе жизни объявленная на Ильин день в 1914-м война с Германией. Как врач военно-санитарного транспорта, Аркадий Пепеляев в первую очередь подлежал отправке на фронт. Сформировав по приказу начальства военно-санитарный поезд, военврач Пепеляев уже в конце августа 1914-го был на театре военных действий, на передовой в X армии Юго-Западного фронта. Вместе с женой, окончившей курсы сестер милосердия.

О том, каким был воином и врачом Аркадий Пепеляев в Действующей армии, свидетельствуют полученные за неполные два года боёв четыре ордена: два — Святого Станислава и два — Святой Анны. Не многие врачи могли похвалиться таким успехом. Для этого нужно было и вывозить раненых из-под огня в тыл, и оперировать буквально в нескольких километрах, а то и в сотнях метров от переднего края в полевом подвижном госпитале № 525, где он был главным врачом.

Но в стране уже шли необратимые политические перемены. От его личной храбрости, честного служения

Отечеству очень мало что зависело. Отречение царя, потом — Февральская, Октябрьская революции... Армия разваливалась. К тому же новая власть старалась старослужащих отправить по домам. Пробыв в походах на русско-германо-австрийской войне с 26 августа 1914-го по 12 декабря 1917-го, А. Н. Пепеляев с женой вернулись в Омск. В марте 1918-го с военной службы Аркадий Николаевич уволился, поступил врачом-эпидемиологом в городскую больницу. В этом качестве и застала его Гражданская война. Временное Сибирское правительство мобилизовало капитана медицинской службы и отправило в Тюмень. Туда, где он шесть лет назад начинал карьеру военного врача-офицера. Вряд ли он помнил, как произошла смена власти в Омске, потому что в этот период его свалил сыпной тиф, от которого он оправился, вернулся домой только в апреле 1919-го.

И снова потекли военные будни, фронтовая жизнь. Только теперь уже неприятелем был не немец, а свои, русские. Красные. Впрочем, его делом было лечить раненых в этом братоубийстве воинов. Его родные братья — министр внутренних дел в правительстве адмирала А. В. Колчака Виктор Николаевич и командующий Первой Сибирской армией Анатолий Николаевич были непримиримыми врагами большевизма, он, по большому счету, — никогда. Его делом, признанием, долгом было врачевание. Хотя, конечно, убеждения знаменитых и высокопоставленных в колчаковском окружении старшего и младшего братьев были и его убеждениями...

◀ А. Н. Пепеляев с женой и дочерьми

После блестящих побед в первой половине 1919-го армия адмирала Колчака к осени стала сдавать, началось отступление. Под ударами Красной армии 14 ноября был оставлен Омск, 14 декабря — Новониколаевск... Подполковник медицинской службы Аркадий Пепеляев отступал в стане белых как врач, сопровождая раненых. Отступление превратилось в бегство, прекратившееся для Аркадия в Иркутске. Здесь же, в Иркутске, он встретил горестное известие, что его старший брат Виктор, в ноябре-декабре девятнадцатого занимавший пост премьер-министра в правительстве А. В. Колчака, расстрелян вместе с адмиралом без суда и следствия в ночь на 7 февраля 1920 года в Знаменском предместье Иркутска, на стрелке р. Ушаковки и р. Ангары... В Иркутске же вскоре после того, как это случилось, Аркадий Николаевич был впервые арестован большевиками и пробыл под стражей два месяца. Арестован за хранение бумаг брата Виктора, касающихся расстрела в Екатеринбурге царской семьи. По одним сведениям, бумаги эти еще в Омске передал ему с просьбой спрятать лично брат Виктор Николаевич, как министр внутренних дел, курировавший ход следствия по событиям в Ипатьевском доме, по другим — эти бумаги следователя Н. Соколова отда-

ла Аркадию Николаевичу жена брата-премьера Евстолия Васильевна в Иркутске, сразу после расстрела мужа. (После расстрела мужа Евстолия Васильевна Пепеляева-Оболенская вместе с дочерью уехала в Москву, жила на Кутузовском проспекте и умерла в 1960-м... — В.П.). Последнее подтверждает и хранящаяся в Омске, в архиве ФСБ, бумага из дела № 12385. Вот как отвечал на допросе арестованный уже 23 июля 1941 года А. Н. Пепеляев на вопросы лейтенанта-гэбиста Луговина об этих бумагах:

« — Подвергались ли репрессиям при советской власти?

— В 1920 году я был арестован органами ВЧК и находился под арестом примерно два месяца.

— За что?

— За хранение личных документов брата...

— Что за документы?

— Личные письма брата, его дневники и материалы следствия о расстреле семьи Романовых.

— Каким образом документы оказались у вас?

— Принесла жена брата и попросила сохранить.

— С какой целью хранили документы брата, когда он уже был расстрелян?

— Хотелось сохранить память о брате. Жена его не решилась хранить, выполнял ее просьбу.

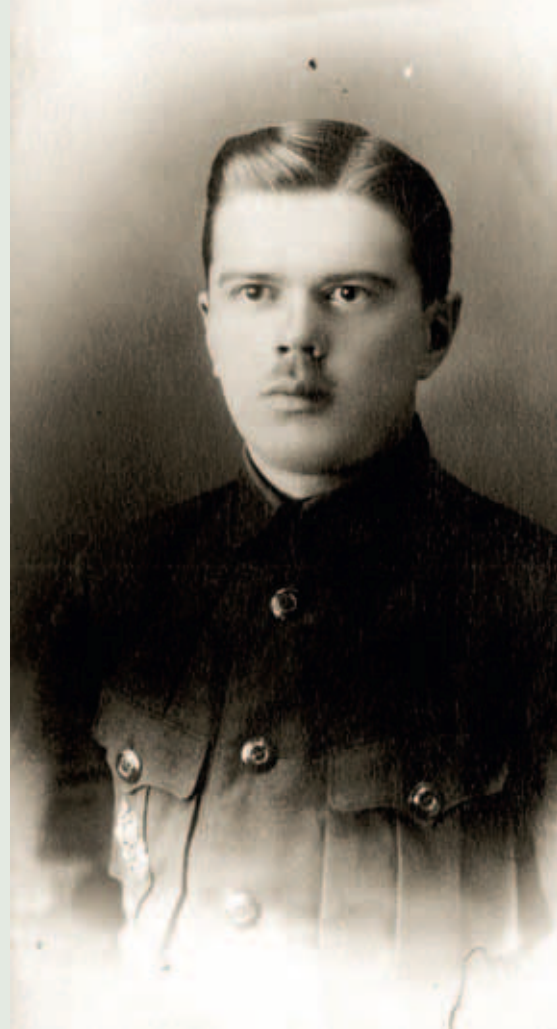
— Каким образом документы оказались в ВЧК?

— Документы хранились в отдушином фундаменте дома. Их обнаружил работник, который работал по ремонту, и передал их в ВЧК.

Еще тогда, в 1920-м, в Иркутске его могли расстрелять. Достаточным поводом были уже эти найденные бумаги, наличие таких братьев, как колча-

ковские 28-летний генерал-лейтенант командарм 1-й Сибирской армии Анатолий Пепеляев, 35-летний премьер-министр Виктор Пепеляев. Не расстреляли. Выпустили. Возможно, тогда в Иркутске понимали, что перед ними действительно человек далекий от политики, если уж не сумел спрятать секретные документы. И не было тогда еще планов по выявлению «врагов народа». Словом, не расстреляли, даже не отправили в лагерь, дали возможность вернуться в Омск и продолжать заниматься врачебной практикой... Возможно, нужны были врачи.

Возвратившись в Омск, Аркадий Николаевич продолжал практиковать как врач-отоларинголог. Был известен в Омске как опытный врач, к нему шли лечиться и ярые сторонники, и столь же ярые противники советской власти. Словом, все, кто нуждался в квалифицированной медицинской помощи. Воспитывал дочерей (младшая, Нина, окончила музыкальное училище и начала работать в Театре драмы, старшая, Татьяна, выучилась на врача). Но все-таки большую часть свободного времени отдавал медицине — много читал специальной литературы... Прошлое свое, родственников своих скрывать ему было глупо, о нём, где надо, всё знали. Аркадий Николаевич переписывался — разрешали — и с братом Анатолием, отбывавшим срок в Ярославской тюрьме, и с сестрой Верой, и с матерью Клавдией Георгиевной, которые жили в эмиграции в Харбине. Помогал им, как мог, материально. В 1928 году купил себе пятикомнатный дом на улице Крестовоздвиженской, переименованной в честь местного революционера в улицу Ра-

▲ В Тюмени

биновича... В органы его вызывали, кажется, чуть ли не единственный раз. И то не по делу братьев, не по делу о его личном прошлом. Вызывали с требованием сдать имеющееся у него золото. Почему-то считали, будто он имеет много золотых вещей. Он не имел. Но, подчиняясь требованию, пошел, прихватив с собой золотые обручальные кольца и цепочку жены Анны Георгиевны. На обручальные колечки и на легкую, как пух, цепочку, по воспоминаниям дочери Нины Аркадьевны, взглянули и сказали: «Спрячьте и идите. Мы были о вас лучшего мнения, доктор Пепеляев». Он вернулся домой смущенный, сконфуженный...

Эх, если бы всё и всегда так идиллически кончалось в органах. Приблизился год 1937-й, репрессии были в разгаре. Врач Пепеляев чувствовал, что рано или поздно беда не обойдет и его дом, за ним придут, готовился. Сжёг все бумаги, уничтожил фотографии, альбомы, которые каким-то образом могли повредить ему, его се-

◀ Арест 23 июня 1941 года

мье. Не приходили на удивление долго. Уже и классово не чуждые, в доску свои, из батраков и крестьян, рабочих и черноработных один за другим исчезали как «враги народа». Тайными путями пришла чёрная весть: расстреляны в конце 1937-го или в начале 1938-го братья Анатолий и Михаил... А его всё не трогали.

Пришли за ним на другой день после начала Великой Отечественной войны. 23 июня 1941-го... Всё перерыв в доме, не найдя ничего крамольного, увезли. И — два года не было от него ни звука. Жена и дочери думали, что и в живых его нет. Однако он был жив, находился в лагере в городе Мариинске, прислал оттуда весточку. Потом еще и еще. Просил не беспокоиться, все нормально, работает по специальности в лагерях. Не раз, находясь в заточении в одном из мариинских лагерей, обращался к начальству с просьбой отправить его на фронт. Как военврач с его опытом работы в военно-полевых условиях он там больше мог пригодиться, нежели в лагере. Ему отказывали.

У 95-летней дочери Аркадия Николаевича Нины Аркадьевны Пепеляевой (она имела возможность, но не сменила фамилию в замужестве) хранятся бережно письма и открытки отца из мест заключения. Трудно читать их без волнения. Из Мариинска Кемеровской области, п/я № 2471/а. В г. Омск на ул. Рабиновича, 136. Жене и детям. «28/II.45 г. Дорогая Нюра! (Так А.Г. Пепеляев смолоду звал жену. — В.П.). Вчера послал тебе письмо. Чувствую себя немного лучше, но всё же еще не совсем избавился от гриппа; эти два дня был даже освобожден от работы, потому что охрип и не мог говорить; погода изменилась, сильные морозы прошли, но всё же настоящего тепла нет. Празднуете ли вы теперь Масленицу, отелится ли корова? Нюра, когда отелится корова и у вас будет много молока, пришли мне, пожалуйста, масла, теперь у меня посылочное масло всё кончилось и чувствуется уже недостаток жиров, а купить мне сейчас не на что, денег не посылай, они ни к чему, так как их выдают малыми суммами. Ну. Пока. Всего хорошего желаю вам всем, здоровья, а особенно Нине. Целую. Ваш Аркадий». Или еще: «16/IV/45 г. Дорогая Танечка! Получил твою открытку вместе с маминкой; ты пишешь уже хорошо, суп я варю, как ты мне написала, выходит хороший. Как ты перенесла свою болезнь — корь? Не болит ли у тебя ушко? Какое ты сейчас носишь пальто и есть ли у тебя ботинки с ка-

лошами — напиши мне обо всем этом открытку, я буду ждать. Целую тебя. Твой папа. Аркадий».

Боевой военврач-подполковник, герой Первой мировой, не раз смотревший смерти в лицо, переживший столько, что на несколько жизней вперед достанет... Благодаря высокопоставленному брату, хорошо знавший адмирала А.В. Колчака, не однажды накоротке встречавшийся с ним, вольно или нет, но посвященный в жизнь адмирала и как частного человека, и как военного, и политика, хоть, может, и не читавший документов об убийстве царской семьи, но слышавший, опять-таки от брата, о страшных подробностях трагедии, разыгравшейся в Ипатьевском доме, об отношениях руководства сибирского русского Белого движения с чехами, с фран-

цузскими и английскими советниками...

Имя Аркадия Николаевича Пепеляева и нынче в Санкт-Петербурге, в военно-медицинской академии, можно видеть в списке имен выпускников, окончивших академию с отличием... Чаял ли он когда-нибудь выйти на волю, еще пожить по-людски? Среди детей, внуков? Наверное.

Не привелось... Спустя год с небольшим, в конце мая 1946 года, из Мариинска в Омск пришла «молния» (тогда срочные телеграммы называли «молниями»). «Молния омска рабиновича 136 пепеляева мариинска состояние здоровья тепеляева безнадежно развязка днями нач госпиталя». Слать телеграммы о заключенных, о врагах тем паче, было запрещено строжайше. Наверное, Аркадия Николаевича Пепеляева в лагере

ВАШЕ ЗДОРОВЬЕ В ВАШИХ РУКАХ!

Малый и большой бассейны Спортивного центра «Верх-Исетский» ждут вас!
Обучение плаванию детей (от 1 года) и взрослых, свободное плавание,
работа в группах и индивидуальные занятия.

◀ К.Г. Пепеляева-Некрасова
— мама

генерал-лейтенант Н. М. Пепеляев умер в Томске 21 ноября 1916 г.; старший брат Виктор, премьер-министр в последнем составе правительства адмирала Колчака был расстрелян 7 февраля 1920 г. в Иркутске; генерал-лейтенант Анатолий Пепеляев, командарм 1-й Сибирской армии после 13 лет заключения в Ярославской тюрьме расстрелян вместе с братом Михаилом, бывшим ротмистром, 14 января 1938 г. в Новосибирске; младший из братьев кадет Логгин пал в бою в январе 1919 года. К их сестрам — Вере и Екатерине — судьба оказалась более милостивой. Они жили в эмиграции в г. Харбине вместе с матерью Клавдией Егоровной. **УС**

▼ В.Н. Пепеляева-Попова — сестра

очень уважали, любили. Потому, видимо, и рискнули. И это «Тепеляева», «Петеляева», сдается мне, специально так написано. Как о человеке плохо знакомом и безразличном.

Жена Анна Георгиевна хотела тотчас выехать. Это было не так просто — добиться разрешения на выезд в Мариинск. Но нашелся все-таки высокопоставленный омский обкомовский работник, который на свой страх и риск не побоялся выдать нужную бумагу... Анна Георгиевна, верная жена и друг, однополчанка по походам в Первой мировой, выехала в Мариинск. 26 мая 1946 года от нее пришла телеграмма дочерям: «Папа скончался двадцать четвертого утром живым не застала живу <u> хороших людей может выеду после похорон».

Анна Георгиевна, Нюра, похоронила мужа. Похороны, поскольку жене (вдове) «врага народа» запрещено было на них присутствовать, а она все же присутствовала, выглядели нелепо, горько, трагично. На телеге, в которую была запряжена лошадь, стоял гроб с телом. По пути от госпиталя к кладбищу за траурной повозкой шли два охранника с винтовками... Неведомо, кого уж и от кого они охраняли. А рядышком, сбоку по тротуару, шла, спотыкаясь на ходу, глотая горькие слезы, Анна Георгиевна...

Так закончил свои дни последний (шестой) из оставшихся в живых к тому времени мужчин из славного рода Пепеляевых... Отец его

Мы продолжаем документальное повествование о судьбе Надежды Половцовой, именем которой был назван сталерельсовый завод, поселок при нем, а потом и город Надеждинск (ныне г. Серов Свердловской области). Читателя ждут встречи с людьми, окружавшими Надежду: архитектором Месмахером, инженером А. Ауэрбахом, вел. княгиней Елизаветой Федоровной и другими. События их жизни происходят в Санкт-Петербурге, Ивангороде на р. Нарове, в деревне Рапти под Лугой и на Среднем Урале. Недавно Серовскому металлургическому заводу было возвращено имя Надежды Половцовой.

«В нашей истории снам принадлежит решающая роль».

Томас Манн.
«Иосиф и его братья».

Белая горлица

((Сны Надежды Половцовой))

Юний Горбунов

Писатель, историк издательского дела в России, автор сценария документального фильма и биографии Ф. Павленкова, нескольких книг, многих статей и очерков. Составитель материалов для словаря «Писательницы России» (более 15 тыс. имен). Редактор отдела истории и краеведения в нашем журнале.

СВЕРДЛОВСКАЯ
ОБЛАСТЬ

Сон в летнюю ночь

— С Месмахером не знаю, как и быть, — обмолвился однажды Половцов. — Умница. Училищем и музеем увлечен. Устали не знает. Одна у него беда — всю работу готов взять на себя. У Кракау под руками путается со своими советами. Все бы классы вел один. А уж в музее — так дноет и но-чует. Дело-то, я считаю, наше общее, не его одного забава. Ты бы поговорила с ним, Надежда. Как попечительница. Меня он только что слушает, а ворочит по-своему.

Надежда опустила глаза: конечно, разве не он, Половцов, один в Училище и музее хозяин?

Архитектору Максимилиану Месмахеру она была ровесница — сейчас обоим время шло к сорока семи. Рисовальным училищем его еще папаша «заразил» своими неоглядными проектами: женские классы, филиалы по всей стране, музей мировых декоративно-прикладных творений... Во всем доверял архитектуре, а тот и разохотился. В сущности, и богатство, и бедность в своих апогеях одинаково раскрепостительны. Богатству мудрено потерять, а бедности — нечего. Месмахер

и барон оба были лютеранской веры, но разного достатка: рано умерший отец Максимилиана, каретный мастер, никакого наследства жене и трем сыновьям не оставил. Места в жизни братья добивались сами.

В 1880-м Половцов пригласил Месмахера занять пост директора Училища, а в 1885 году профессор архитектуры Максимилиан Месмахер начал в Солянном городке лучшее свое творение — музей Центрального училища технического рисования барона Штиглица.

В это же примерно время он, как бы между делом, взялся за перепланировку и обновление интерьеров дома Половцовых на Большой Морской — того самого, что Надежда получила от папаша в приданое к свадьбе. Особняк Штиглица на Английской набережной был продан с большой уступкой одному из великих князей.

Половцов, освоившись в должности Государственного секретаря, решил обзавестись в своем доме шикарным залом для гостевых приемов, любительских спектаклей и маскарадов, а также семейной портретной галереей — пер-

◀ Особняк А. А. Половцова на Большой Морской, 52 (ныне ул. Герцена). Сейчас — Дом архитектора

— Вот, Максимилиан Егорович, примите от меня вашему музею.

«Вашему» вылетело невольно, но нисколько ее не смутило. А он, кажется, принял как еще один подарок. Именно ее интуитивное «вашему» его к хозяйке сразу и расположило.

Открывал коробку осторожно, но и нетерпеливо. Глянув, долго стоял молча:

— Фирма «Томас Вебб и сыновья!» Боже! Сударыня Надежда Михайловна, откуда вы узнали, что я завершаю оформление английского стеклянного собрания?

вым делом и всенепременно помнил о престиже. Декор зала сочетал придворную пышность с изыском парижской гостиной: мрамор, уникальные гобелены, выполненные по рисункам Рубенса и некогда подаренные Наполеоном Александру I, богатого орнамента паркет, зеркала, двери, инкрустированные золоченой бронзой, а по стенам тоже золоченые бра... Зал получил название Бронзового и смотрелся чудесным творением.

Галерею портретов семьи Госсекретаря составили работы французских художников Дюрана и Жалабера, а также соотечественника Ивана Крамского. Себя он обессмертил также бюстом творения Марка Антокольского. Пышность своих дворцовых покоев Половцов воспринимал как должное, считал, что его место при дворе и их семейный капитал сами по себе к тому обязывают. Да ведь и пышность-то не какая-нибудь купеческая, а в высоком европейском стиле. Надежда принимала галерею и зал царственно и бесстрастно. Ее портреты в галерее остались тому свидетелями.

Знакомство с Месмахером было у нее, что называется, шапочное: он встречал хозяйку низким поклоном, она — величавым движением головы. В заботы архитектора не мешалась. Оба молчаливо согласились с тем, что Бронзовый зал и галерея вовсе не их, а державная прихоть. Но друг к другу исподволь присматривались. Наверно, чувствовали, что встреча таки назревает.

Сейчас Надежда терялась — как бы к нему подойти. Половцов — так тот умел. И по плечу похлопать, и держать на расстоянии. Но тут ее будто кто толкнул: да вазочки-то английской работы, алмазами ограненные! Она купила их на парижской всемирной выставке,

▶ Музей Центрального училища технического рисования. На антресолях — скульптура барона Штиглица

где оказалась вместе с сыном, Петром. Целая семья-коллекция затейливых посудин — разного размера, формы, цвета и декора. По стеклу разбежались цветы, листья, бабочки... Давно бы этому рукоделию место в музейной витрине, да никак не хотелось расставаться. Глянет — и явится ей, как Пит, тогда четырехлетний мальчуган, потянулся к вазочкам ручонками и не успокоился, пока не купила.

Но ведь что не дорого, того не дарят. И время, кажется, пришло.

Встретились в одном из музейных залов.

— Я не знала этого.

— Да ведь ваш подарок — лучший его венец! Пойдемте, пойдемте, вы увидите сами и согласитесь.

Забыв в руке одну из вазочек, он забегал вперед, возвращался, даже брал ненароком под руку и все говорил, говорил. А Надежда старалась уловить хотя бы толику фальши в его восторженном порыве. И не слышала ее.

Они вошли в Елизаветинский зал музея. Восемь окон, глядевших на Соляной переулок, щедро заливали его светом дня. Зал был лишен итальянской или французской пышности. Раз-

ве что светлая позолота потолка, стекающая на стены. Здесь все было прозрачно, и царили стекло, хрусталь, фарфор, керамика. И прежде всего яшмовые, под фарфор, сервизы, вазы, туалеты английского новатора-керамиста Джозайи Веджвуда. Потом посуда, бокалы, рюмки из хрустала, который ведь родом из Англии.

— Это был его величество случай, — торопил слова Месмахер. — Как и ваше здесь появление, сударыня. Англичане принялись плавить стекло на каменном угле и, чтобы увеличить плавкость, добавляли в стеклянную массу свинец. И неожиданно получили хрусталь — тяжелое стекло! Пытаясь его «облегчить», стали гранить алмазом — и открыли беспримечную способность хрустала — преломлять лучи!

Он поднял руку с дареной вазочкой, и она заиграла, заискрилась в играх света.

— Вот здесь место вашей коллекции. Именно ее воздушной легкости и природного декора недоставало нашему английскому стеклу! Видите, бабочка-то ведь порхает на алмазной грани!

— Да вы поэт, Максимилиан Егорович!

— Нет, нет, я не поэт. Я только счастлив, сударыня. Мной владеет восторг в этих стенах, в этих классах, среди этих глаз, на меня обращенных. Мне кажется, что наши с вами ученики, проживя здесь, в объездах образцов прекрасного, плохого в жизни совершить не смогут.

— Вы так думаете, Максимилиан?

Надежда видела его матового стекла лицо в овале темных бакенбардов и как-то смятенно думала, почему

◀ **Бронзовый зал в особняке А.А. Половцова**

некоторые люди, волнуясь, бледнеют, а не горят ланитами. Сказала же совсем другое, словно это были не ее слова:

— А руины сирийской Пальмиры после набега просвещенных римлян? А идеал красоты Рафаэля в окружении иезуитов и инквизиции? А дворцы и парки Версаля об руку с нетерпимостью парижских коммунаров... Максимилиан, примерам несть числа! Вы так прямо соотносите рукотворную красоту и божественную душу?..

Говорила, а смотрела на него во все глаза. «Он не может, нет, он никому не сможет причинить зла... Им правит совесть! И она, эта совесть, все-все хочет сделать сама. Она-то и питает его творческий эгоизм, так пугающий Половцова».

Месмахер не успел ответить. Его уже звали, искали по этажам. Ответили только его глаза — упрямые, неуступчивые. Да и надо ли было ей словесно его ответа?

Тем маем 1889-го сон не мог не посетить Надежду. Ведь наши сны всегда бывают сотканы из реалий пиршества жизни.

После встречи с Месмахером той же субботой Половцовы в числе близких ко двору персон провели вечер в театре Эрмитажа. Специально для царской семьи, послов и придворных здесь давали новинку российской сцены — балетный спектакль по комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь» на музыку Мендельсона-Бартольди.

Нельзя было случиться ничему, более сопутствующему ее настроению. Любовные приключения в сказочном лесу афинских горожан всех мастей от ремесленников и городских попов до самого царя эльфов и его супруги, спровоцированные лесным духом; пышные костюмы героев лесного карнавала времен уже Людовика XV и маркизы Помпадур; затем поздний ужин

▲ **Пристань на берегу Черменецкого озера**

в гербовом зале Эрмитажа под музыку невидимого оркестра... Небывалое веселье и восторг обуяли Надежду. Она едва сдерживалась, чтобы оставаться в своем обычном образе и не найти в волнении руку сидевшей рядом за круглым в десять кувертов столом великой княгини Елизаветы Федоровны.

А воскресным полднем она была уже в Рапгах. Здесь проводила лето Анна с тремя своими малышами и в ожидании четвертого. На Черменецком озере спускали на воду первый в этих краях пароход. Половцов, как хозяин торжества, был в центре внимания. Невидаль собрала население всей округи. Анины мальчишки, обряженные по случаю события в матроски и бескозырки в лентях с якорями, носились по палубе за старшим 7-летним Димой. Анна боялась, чтобы не свалились в воду, а Надежде опять было весело. Даже слабое горло, закутанное от майской свежести толстым шарфом, не тревожило ее сегодня.

Если бы Надежду спросили, чем вызвана ее эйфория, она бы, скорее, назвала ее беспричинной.

Во сне у нее тоже был ночной афинский лес, освещаемый лунным светом и зигзагами светлячков, но все шекспировские его обитатели заявляли о себе лишь голосами, а налицо были только она, Макс и Горлица. Порхали ночные бабочки, опускаясь на руки и плечи, и скрытый в дубраве оркестр играл Мендельсона.

Макс явился Наде молодым, каким она его не знала. Только бледность лица и неуступчивые глаза выдавали его сегодняшнего. Он держал в руке букет незабудок. Но по мере его приближения цветы увеличивались в размере и оказались позванивающими на стебельках стеклянными вазочками. Макс протянул ей букет и поцеловал, найдя ее открытые губы.

— Я люблю вас, сударыня. А вы?
— А как это — люблю? — спросила Надя.

— Не шутите так. Я спрашиваю серьезно: вы любите меня?

— Я так не умею, Макс.

И он исчез. Темная дубрава вдруг отозвалась людским нестройным гомоном, слышались то хохот, то слезы, а из зелени ее выпорхнула Горлица. Она была так же переменчива: то принимала облик девы, а то являлась птицей.

— Что у тебя в руках, Богатична? — спросила Горлица-птица.

— Это цветы. Их подарил мне Макс. Он поцеловал меня.

— И ты... ты приняла цветы и поцелуй? — тотчас обернувшись девой, спросила Горлица. И в ее лице, в ее глазах Наде почудилась смесь досады и смятения. — А как же этот... как же твой Алебастровый?

— Ах, да, — медленно вспоминала Надя. Вазочки позванивали в ее руках. — Но ведь Макс и цветы... Горлица, это что-то совсем другое!

— Что же другое, Богатична?

— Я не знаю. Но Макс сказал, что это любовь.

— Он так сказал? — Горлица-дева смотрела на нее, и ее вопрос раздался словно бы на весь лес, заглушив все его голоса. Он звучал разными интонациями — иронией, удивлением, восторгом. «Он... так... сказал?!» — волнами разнеслось по лесу и понеслось далеко-далеко.

— А ты помнишь, Богатична, наш райский сад, где мы, юноши и девы, безмятежно резвились и порхали. На тебе не было даже этого небесомого платицца, помнишь? Ну, ну же! Вспомнивай, подруга. Райские кущи, первые человеки в своем первобытном облике... Сад полон плодов... И одна из дев приняла из рук юноши... помнишь? — Горлица-дева смотрела на нее глазами, полными мольбы и удивления. — Они лишились... Они стали смертными, подруга...

Надя молчала растерянно. Руки и губы ее дрожали. Голоса леса удалились, и слышен был только звон вазочек, совсем отличный от звуков дубравы.

— Я понимаю твои узы с Алебастровым, твоими детьми и внуками... — продолжала Горлица-дева. — Так было условлено, так замыслил Всевышний. Но... остановись, подруга! Макс сказал «любовь»? Но ведь он только назвал нашу общую с тобой вечную божественную сущность. Разве мы посланы в эту юдоль даровать людям что-то другое?

— Я помню... да, да, — растерялась Надя. — Вселить любовь... одушевить...

— Вот-вот! Значит, твой Макс сейчас раздает букеты всем обитателям леса? И целует их? А что же они? Слышишь?

Лес обнял их своими кущами, и различились возгласы молодых людей, красавицы Гермии, ремесленников, царя и царицы фей и эльфов, неслись крики раздора, отчаяния. И звон Надиных стеклянных вазочек теперь согласно вторил голосам леса.

— Думаешь, они вот так буйствуют от избытка любви ко всем окружающим?

— Он сказал... — бормотала Надя, — он сказал, что любит меня...

— Тебя, Богатична? — как-то деланно расхохоталась Горлица. — А ты? Ты? Ты любишь детей, внуков, Макса? И все?

Чтобы было больше в этих восклицаниях-вопросах Горлица-девы — недоумения? Тоски? Зависти? И чего оставалось больше в дальнейших ее словах?

— Эту «любовь» люди придумали на свой короткий отрезок жизни, вот такой житейской бытности, какая царит сейчас в афинском лесу. Они уходят в свою маленькую конечную любовь, которая мало чем разнится от себялюбия. Нашли себе удобное «божка». Твой Алебастровый в альковной тиши случайно не читал тебе «Фауста»? Помнишь ли слова морского старца Нерезя:

О люди! В сердце будите вы злость!

С богами вы желаете сравняться

И над собой не можете подняться.

(Пер. Б. Пастернака)

Или Алебастровый таких откровений не любит? Знай, подруга, только ты, бессмертная и бесконечная, всех можешь наделить любовью.

— Я знаю, Горлица. Но Макс сказал, что любит меня, а не всех...

► В. Шекспир. «Сон в летнюю ночь». Джон Симмонс. Титания (царица фей и эльфов)

Стихло в лесу. Только вазочки чуть-чуть позванивали в руках у Нади. Двое стояли обнявшись.

— Милая моя Богатична! — Горлица-дева склонилась к Наде головой. — Я, кажется, тожехватила этой плотской отравы... Расскажи мне про Макса. Какие у него глаза, руки, голос?

На пятидесятом, кажется, году жизни Максимилиан Месмахер буднично и сразу решил обзавестись семьей. Со стороны выглядело так. Однажды вошел он в старший женский класс училища. Девочки встали, приветствуя директора. Десятки глаз влюбленно и преданно смотрели на него. Минуту-другую Месмахер стоял молча, обводя глазами учениц. Эх, знали бы они, что вершилось в классе в эти минуты! Взгляд Месмахера остановился на Вареньке Андре. Почему остановился? А вспомнил давешний ее акварельный с натуры рисунок — и потеплело. На ватмане — пейзаж с дубом и поляной. А под рисунком... вдруг вереница детских лиц-головок с разными формами причесок. И пейзаж хорош, и головки ничего себе. Ну, решил, значит, так тому и быть.

Вечером они вдвоем долго бродили по безлюдным залам музея. Открываешь дверь — темнота. Нет, что-то непременно мерцает таинственно и влекуще. Потом зажигаются канделябры. Таинственное становится явным.

Музей Училища технического рисования был главным делом и детищем всей жизни Месмахера. Было, что спал

► Зал Музея Штиглица

по четыре часа в сутки, руководил рабочими и учениками, которые расписывали потолки, покрывали резьбой и мозаикой панели, создал 350 рабочих чертежей, калек, шаблонов и моделей. Музей был не только держателем 15 тысяч произведений декоративно-прикладного искусства всех времен и народов, но, по его же мысли, стал инструментом повседневной учебной практики и эстетического воспитания. Бессленный директор, Месмахер вникал во все мелочи и подробности архитектурно-строительного, отделочного, учебного и воспитательного процессов.

Вот зал древнерусского искусства, весело названный Теремком. Пилонны, арки и своды по рисункам Месмахера расписаны растительным узором и смотрятся живыми цветочными полянами. В витринах — иконы, оклады, образа, складни, шитые разноцветными шелками, а на вышивках обилие жемчужных зерен — любимой невидальи на Руси.

Они присели на одну из лавок, что тянутся вдоль стен, накрытую бархатом.

В Египетском зале постояли, касаясь плечами, у изображения кошки едва ли не шестого века до нашей эры, у бронзовой статуэтки Бога с птичьей головой и у такой же, золотом инкрустированной, фигурки священного быка Аписа со змеей на голове...

Копия скульптуры мадонны из собора Парижской богородицы встретила их в зале средневековой готики. Они шли, уже держась за руки. Лиможские эмали, деревянные перепле-

ты книг, накрытые пластинами из золота и серебра со сканью и драгоценными камнями, стрелчатой формы мебель... Все это словно бы провожало их глазами.

Пышный зал Козимо Медичи раннего итальянского возрождения... Портреты двух представителей рода Медичи, созданные русскими мастерами Салтыковым и Шелошенковым. По настоянию Месмахера они работали над ними в самой галерее Уффици. А богатый набор плакеток XV–XVII веков был удачно куплен им в Вене на распродаже чье-то собрания. Половцов то и дело спроваживал Месмахера на европейские ярмарки, чтобы директор хоть неделю не мельтешил в музее и классах.

А вот и Зал печей с уникальным собранием русских изразцовых красавиц-печин княжеско-боярских хором.

Заглянули в библиотеку. Полки с фолиантами... Собрание гравюр... Коллекция бабочек...

Их прогулка была одновременно знакомством, признанием и венчанием. Ничего не было сказано, а предметы прекрасного, словно бы оживавшие под их взглядами, слышали все.

Потом были залы Генриха II, Людовика XIII. В последнем они не зажигали огня. Месмахер остановился у коллекции английского стекла, взял в руки вазочку Половцовой, долго смотрел, как переливаются в гранях хрустала лунные блики, и поставил на место. Теперь они стояли близко друг к другу, и Варя по-детски обвила руками его шею, спрятав лицо в бороде, а потом стала целовать лицо, бакенбарды, щеки. Суматошно, словно могли отнять...

Препятствием для церковного венчания оказалась разность вероисповеданий: Варя была православной, а Максимилиан — лютеранином. Месмахер не спешил. Торопилась Варя. Наконец, ей надоело ждать и она напросилась с ним в Германию. Там их и обвенчали.

Месмахер по-прежнему жил не столько дома, сколько в Училище и музее. Все до мельчайших деталей оставалось под его приглядом. Художник Петров-Водкин, воспитанник Училища, на всю жизнь запечатлел в памяти фигуру в седой вьющейся шевелюре Саваофа, что вездесуще, как дух, носилась по коридорам и залам. Бывало при этом, что пенсне директора не удерживалось на носу, а беспомощно болталось на черной ленте. Все в этих стенах согревалось, одушевлялось его прикосновением. И негде было утнездить-

ся скверне, распре, злу. Душа торжествовала.

А потом наступил 1896-й. В апреле в присутствии царской семьи и двора открылся музей Рисовального училища — с молебном в Венецианском зале, с гимном «Боже, царя храни» певческого хора, обходом всех музейных залов. Месмахер при этом сопровождал императрицу, а Половцов — императора. Оценки слышались в степени превосходной. Надежда присутствовала, а словно бы и не было ее. Дома металась в жару ее одиннадцатилетняя внучка, тоже Надя. 7 мая ее не станет...

В мае коронация Николая II и императрицы Александры Федоровны в Успенском соборе Кремля. Народная трагедия на Ходынском поле, где погибло более тысячи москвичей...

Летом скончался от менингита первенец Максимилиана и Вари — трехлетний Максим.

Открытые двери музея в том же году неозвученно затворились для самого создателя и директора. Половцов давно мечтал обратиться в акции капитал, завещанный Штиглицем Училищу и музею. Это, наконец, и случилось в 1896-м. Но коса Половцова нашла на камень Месмахера. Сенатор забыл все восторги и комплименты создателю и вдохновителю музея, которые, когда было выгодно, расточал даже перед императором. Теперь же он коротко и зло пишет в дневнике: «Тяжелая борьба с Месмахерами и в особенности с младшим братом (Максимилианом. — Ю.Г.), несомненно грубым, невоспитанным и цинически самолюбивым человеком...». Итог «борьбы» был, разумеется, predetermined. «Воспитание» сенатора Половцова на весах Фемиды подбросило высоко вверх чашу с «воспитанием» профессора архитектуры Месмахера. Максимилиан Егорович подал в отставку. Она была тотчас же принята, и в 1897-м супруги Месмахер уехали на житье в Дрезден. Ученики вручили учителю прощальный адрес.

► М.Е. Месмахер в главном зале Музея. 1897 г.

**ФОНД ПРЕЗИДЕНТСКИХ
ГРАНТОВ**

Проект Виталия Воловича
Координатор проекта
Юний Горбунов

История России.

ПЕРМСКИЙ КРАЙ

Светлана Горностаева

Уроженка села Села. После десятилетия окончила Кунгурский сельскохозяйственный техникум, работала агрономом. С 1993-го по 1999-й — художественный руководитель Дома культуры. С 2000-го заведует филиалом № 7, МБУК «Чусовская районная центральная библиотека имени А. С. Пушкина». Занимается краеведением. Из собранных воспоминаний земляков и исторических фотографий составила альбом «Край, в котором живешь ты».

Иллюстрации из фотофонда
сельской библиотеки

Река Чусовая (Фотоэкспедиция) Село Села

«Собиратель» Ральников

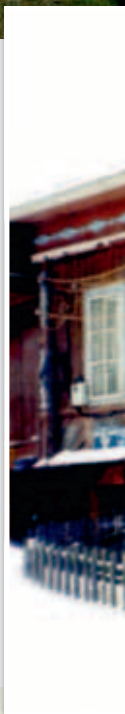
Что за странное у нашей малой родины название: село Села сельского поселения? Село на селе и селом погоняет. Справочник Е. Шумилова «Тимошка Пермитин из деревни Пермьяки» объясняет: «Сёла (селище) — оставленное, заросшее место бывшего поселения». И добавляет, что село это известно с 1647 года как «деревня на Селах», а в 1763-м именуется «деревня Сельская».

Еще одна историческая запись — 1869 года — сообщает о нескольких деревнях: Нижние Села при реке Чусовой, Верхние Села при реке Селянке, Сельская Копниха при реке Селянке и Сельское Одно при ней же. И чуть ли не каждое из этих местечек величается тем, что утверди-

лось на уже обжитом месте какого-то древнего поселения.

Так ли это было, пойдя сейчас проверь. Но факт остается фактом: рассыпанное деревнями по Чусовой и ее притоку речке Селянке село предстояло собрать и этим собирателем, как утверждает предание, стал в 1890-х годах начинающий лесопромышленник Егор Степанович Раль-

► Место деревни Заболотье. Память о ней хранит обустроенный и освященный родник, куда жители Сел ездят за водой и искупаться

Уральский следопыт, июль 2018

◀ Вид на село с горы Поповки.
Фото Натальи Пинигиной

ников из деревни Заболотье. Приглядел заброшенное селище на реке Чусовой, удобное для лесосплава, местность ему приглянулась, и принялся он с братьями строить улицу крепких домов, собирая население рассыпанных по округе деревень.

Братьев у Егора Степановича было пятеро. Каждый имел по дому, вел хозяйство. Торговали лесом, добытым камнем, сплавливая добытое летом по Чусовой, а зимой — на лошадаках. Через реку для удобства работ ходил паром.

Дома у Ральниковых стояли богатые. На полу постлан линолеум, тканые половики. К тому времени в Селе собралось уже 60 дворов с сот-

▶ Ильинская церковь в недавнее время.

ней мужского и более сотни женского населения. Первую улицу, естественно, называли Ральниковской. (Теперь это улица Набережная). В 1895 году в Селах поднялась деревянная Ильинская церковь и «деревня на Селах» стала именоваться селом.

Вот то, что удалось собрать по немногим источникам и рассказам старожилов.

▲ Дом Егора Ральникова

Церковь и клуб

Село к этому времени окрепло и поднялось. Ярмарок, правда, не собирало, как соседние Верхнечусовские Городки, но помимо Ильинской церкви обзавелось и церковно-приходской школой, и, что любопытно, народной библиотекой с солидным по тому времени (1914 г.) бюджетом в 250 руб.

В 2013 году с женщинами-селянками встретила корреспон-

дент газеты «Чусовской рабочий» С. Гаевская. Благодарно воспользуясь ее статьей в газете пятилетней давности.

Одной из собеседниц была Зоя Александровна Порозкова. Ей довелось начинать свое образование в той самой церковно-приходской школе, пока в 30-х годах не построили новую. Помнила Зоя Александровна, как со старушки-церкви

снимали колокола. Не сбрасывали, как часто тогда бывало, а осторожно на веревках спускали вниз. Выносили иконы, церковную утварь.

Зоя Александровна родилась в тот год, когда в село вошли колчаковцы. Потом в ее семье рассказывали: прибегает соседка, кричит матери: «Старшенькую-то спрячь в голбец, стреляют ведь по улице. Меньшую-то, небойсь, Бог вынесет, а нет — так не жалко, не понимает еще ничего. Зое было тогда две недели.

Другая собеседница — соседка Анфиса Григорьевна Гайдарова.

— Не знаю я, что тебе из старой жизни рассказать. Бери вон табуретку, не торчи посреди комнаты. Я всю жизнь бухгалтером и лаборантом в колхозе работала. Учиться особо некогда было — с 16 лет на работе. Да и на фронте была, на Волховском. Радисткой добровольно пошла. Вот муж, тот много лет директором совхоза состоял.

Собеседницы сохранили крупицы памяти о жизни села, начиная с 30-х годов.

В пору безверия храмы на Руси сменили профессию. Какой-то стал складом или мастерской, а какой-то — учреждением культуры. Вот и Ильинская церковь обзавелась вывеской «Клуб». Бабушки просят заведующего А. Стародубцева:

— Покрась хоть ты ее белой краской, как раньше было.

◀ На ступенях клуба-церкви

— Молодые, бывает, спрашивают: «Что вы нам дали, что сделали за 70 советских лет?» Я тоже такое слышу и думаю: «А кто вы такие, чтобы вам только давать? Молодые, здоровые, руки-ноги-голова на месте — что еще надо?»

Жили тогда на селе тяжело, работали от зари до зари — но весело. Никаких «организаторов досуга» не требовалось: сами собирались на танцы, игры, посиделки, праздники.

Кино было немое, гармонист играл на гармошке, а грамотные читали тексты. Ребята располага-

▶ Школьницы Села

И вспоминают. Была церковь белая, обнесена оградой вместе с мраморными надгробиями на могилах церковнослужителей. Девчонками они бегали смотреть на венчание. Если свадьба была богатая, то называлась «с полным светом» — зажигали большую двухъярусную люстру.

— Электрическую?

— Куда там! — смеются собеседницы. — Электричество у нас провели только в войну, а до тех пор были керосиновые лампы. У иных хозяев — красивые, с фарфоровыми абажурами, бисером украшенными.

Главный праздник в селе бывал на Ильин-пророка. Съезжалась вся округа. Женщины в старинных нарядах водили хороводы. На каждый праздник ли похороны собирались «глядельщики» из старшего поколения: сами не веселятся-плачут,

а только глядят, обсуждают. Им предлагалось подносить чарочки.

А какой сад с беседкой был напротив сельсовета! Потом на его месте вырыли силосную яму.

лись на полу, взрослые — на скамейках. У входа размещалась аппаратура «Динамо». Опоздавших заставляли крутить ручку киноаппарата.

Чуть позже появилось первое радио в наушниках, а потом и репродукторы.

Церковь-клуб отапливали огромные печи. Их топили так, что к ним невозможно было прикоснуться.

Клубные работники выезжали на поля и фермы с концертами. Ездили на фестивали в соседние деревни. Заводилой культурных программ была Лия Нисуловна Ибрафилова. А первой запевалой Зоя Филипповна Федосеева. Её всегда было слышно издали — поет, значит, праздник.

◀ Коллектив бухгалтерии колхоза «Труд»

◀ Школа, где занимались юные музыканты

Трудодни и медные трубы

Жители села — потомственные животноводы и овощеводы. В 1927-м селянин Матвей Дружинин организовал здесь Товарищество по обработке земли — ТОЗ. Селяне объединились, приведя с собой кто лошадь, кто поросят, а кто и коровушку — кто что мог. Все от мала до велика работали за трудодни по десять часов в сутки. Земля принадлежала ТОЗу. Взять с общественного поля хотя бы колосок считалось воровством. Было накладно и невыгодно держать скотину в личном хозяйстве — сенокос тоже приходилось зарабатывать за трудодни.

Занимались скотоводством, а также прямо на полях выращивали капусту, морковь, огурцы, помидоры. Все делалось вручную: полив, прополка, окучивание. Ночью общественное добро караулил «сторожила». Осенью наработанное сообщество сдавало государству — пришлывала баржа и все увозила в Пермь (с 1940-го по 1957-й — Мологов).

В 1929 году ТОЗ преобразовался в колхоз «Труд», в него влились все хозяйства окрестных деревень. Первым председателем был Астафий Николаевич Порозков.

В 1968-м колхоз был реорганизован в совхоз с тем же названием. В 1994-м он стал Товариществом с ограниченной ответственностью (ТОО), а в 1999-м — Сельскохозяйственным производственным кооперативом (СПК) все с тем же символическим названием «Труд» и только в 2004-м стал именоваться СПК «Ключи».

В годы Великой Отечественной войны в Селы с Крестовского острова в Ленинграде перебазировалась Музыкальная школа Военно-морского флота. В ней обучались музыкально одаренные сироты из детских домов, окончившие четыре класса начальной школы. В течение трех лет школа готовила оркестровых музыкантов для Балтийского и других флотов. Общее образование юные музыканты получали в объеме семи классов. Преподавалось и военно-морское дело. В годы войны один набор учащихся был проведен в Пермской области. В Селах занятия шли в помещении школы.

С пермским набором прибыл в Селы в качестве педагога Евгений Иванович Воробьев. Уроженец Челябинской области, он тоже был детдомовец. В 1939 году окончил физико-математический факультет Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена и работал в Музыкальной школе ВМФ. О пребывании в Селах Евгений Иванович оставил красноречивые воспоминания.

Жизнь юных музыкантов в Селах сахаром не назовешь, но еще труднее приходилось преподавателям. Столоваться вместе с воспитанниками им не разрешали, а перевели на полуголодный паек горожан, а потом стали выдавать только половину, приравняв к сельским жителям. Школьная повариха выпросила у начальства разрешение варить для преподавателей баланду из селедочных голов, которые все равно выбрасывались. Словом, голод преследовал постоянно.

Пожилый дирижер и преподаватель сольфеджио О. П. Егизарян осмелился спросить замполита школы, справедливо ли питать воспитанников лучше, чем их наставников, и получил такой ответ: «Воспитанники в будущем станут полезными государству». Видимо, он имел в виду преклонный возраст большинства преподавателей, не переживших войну.

Бороться с нуждой и голодом можно было только подрабатывая по совместительству в колхозе за натуроплату. На заработанный трудодень колхозники авансом получали полкилограмма муки.

Попросил и Воробьев у бригадира работы. Работа нашлась. Приехали на лошади к большому полю. На краю возвышался вал навоза, доставленного сюда еще зимой. Ему предстояло равномерно разбро-

▶ Главный транспорт Села

▲ Бессмертный полк

сать удобрение по всему полю... Домой явился измученным до предела, но довольным: не подкачал. На другой день перевели на копку силосных траншей. На этой земляной работе за длинный трудовой день больше трудодня не платили.

Каждую осень работал на уборке картофеля. Один трудодень записывали за 110 ведер выкопанной картошки. Работали вилами, а иной раз давали лошадь, чтобы выпаживать клубни.

Однажды пригласили на покос. Косить не умел. Начались муки: коса то и дело втыкалась в землю, руки немели от чрезмерных усилий. Но через несколько дней он уже усвоил «урок», даже от перекуров отказывался, чтобы заработать побольше.

Перед самой реэвакуацией один заработал 100 трудодней. За них ему прислали всего 500 рублей, тогда как колхозникам начис-

лили на трудодень по 8 килограммов зерна. В то время в Ленинграде один килограмм хлеба стоил 50 рублей.

Фронт и тыл

В альбоме, который собирала многие годы, помимо экскурсов в давнюю историю села, удалось записать немало воспоминаний и справок, собрать фотографий односельчан, многих из которых уже нет в живых. Самый большой раздел в альбоме посвящен ветеранам фронта и тыла. Жаль только, что не все фотографии в подлинниках – оригиналы пришлось возвращать родственникам.

Приведу несколько отрывков из воспоминаний.

Вот что по моей просьбе написал Анатолий Селиверстович Лыков: «В 1942 году Верхне-Городковский военкомат призвал сотни парней служить Родине. Моим родителям пришлось смириться, что поступил по-мужски. Ведь на призыв приехало и много стариков.

▲ З.А. Порозкова

Военному делу обучался под Москвой в Гороховецком лагере.

Мне было 18 лет, а я уже ходил в атаку и видел врага как свои пять пальцев.

После Карельского фронта отправили на Курскую дугу минером. Однажды мы оказались между двух огней. С одной стороны наши, с другой – фашисты, а посередине – минное поле. Минер один раз ошибается...

Потом был кавалерийский корпус первой гвардии: где танки не проходили, ставили нас для стыковки. Отступать нельзя...

После Германии – Чехословакия, Венгрия, Румыния... Пришлось поработать и в контрразведке. Только в 1946 году вернулся домой.

Вспоминает Зоя Александровна Порозкова: «В детстве частенько бегала в Ильинскую церковь – детских садов не было. В школе дол-

▼ А.С. Лыков

▼ Ветераны у памятника

▲ Улица Села. Фото Екатерины Новиковой

го не принимали в пионеры. Пришлось отречься — такой был закон.

В 1934 году поступила в Молотовский педагогический техникум. Помощи из дома не было, но за хорошую учебу получала стипендию — 60 руб. Подзарабатывала и на поле.

В 1937-м распределили в г. Кушву Свердловской области. Вела начальные классы. Перед тем, как уехать из дома, случилась трагедия — арестовали отца Рычкова Александра Николаевича. Он прошел три войны, работал в колхозе, а его признали врагом народа и в 38-м расстреляли. Семье тоже пришлось нелегко.

В войну мужчин, в том числе и коллег-учителей, забрали на фронт. Классы были большие, 40–45 человек. Учили в две смены. Пришлось осваивать и преподавать русский язык и литературу, а одно время в 5 классе — даже математику. Бегала за помощью и советом в Верхнечусовские Городки к Марии Федоровне Мирошиной, старшей учительнице.

Пришлось поработать и воспитателем, и в библиотеке, и в клубе. Но всегда оставалась преподавателем, о чем не жалею.

На закате жизни пришла радость: нашла могилу моего отца — у Свердловска на 10-м километре. Внуки привезли фото мемориаль-

ного комплекса. Я горжусь своим отцом — всю жизнь прожила в доме, им построенном».

Сегодняшнее чусовское село Села по-прежнему живет сельским хозяйством. Работники ООО «Ключи» выращивают зерновые, содержат скот (коров, телят). Молоко на переработку отправляют в город Чусовой. Работает колбасный цех, где производят фарш и колбасу для продажи населению. Директор предприятия Виталий Геннадьевич Бобриков — Почетный гражданин Чусовского района.

Село Села — центральная усадьба Сельского сельского поселения. На его территории проживает 1280 человек. В состав поселения входят соседние деревни: Верейно, Байкалово, Забегаево, Шалыги, Березник, Ключи, Плесо. В 1976 году был разработан проект планировки и застройки центральной усадьбы. За прошедшие

30 лет построено более 30 одноэтажных и двухквартирных домов. Сейчас в селе Села работают школа (180 учащихся), фельдшерско-акушерский пункт, культурно-досуговый центр, библиотека и магазины. Есть детский сад (примерно 30 детей), маловат для села. Решается вопрос о строительстве нового. Строится часовенка. По селу проложен водопровод с водоразборными колонками. Теплосети проведены в каждую квартиру. Улицы освещены и заасфальтированы. Появились таблички с их названиями. ООО «Ключи» возводит дома для своих работников и помогает администрации сельского поселения, участвует в краевых конкурсах-тендерах.

Гидрография округа представлена рекой Чусовой и впадающей в нее речкой Селянкой. Ее пойма занята сенокосом и пашней. Берег Чусовой крут и не задернован.

ФОНД ПРЕЗИДЕНТСКИХ ГРАНТОВ

► Культурно-досуговый центр. Фото Екатерины Новиковой

▲ 1980-е годы. Фото Павла Пермякова

▶ Е.А. Пермякова с внуками. 1980-е гг.
Фото Павла Пермякова

Деревня Шалыги

В каждое нечастое посещение деревни Шалыги она начинается для меня с придорожного безымянного памятника-пирамидки, меченного синей краской. Это памятник неизвестному солдату Гражданской войны. В пору моего школьного детства учащиеся и жители села Села и деревни Шалыги ухаживали за ним. Сейчас памятник практически забыт. Никто в деревне не скажет точно, кто здесь упокоен. Да и вся-то деревня скукожилась, обезлюдела и печально доживает свой век. Здесь едва теплится только память.

Выделяются два-три дома старой постройки. Один из них достался в наследство от отца Павлу Ивановичу Пермякову. Если речь пойдет о прошлом деревни, исторических фотографиях, вам непременно кивнут в сторону Павла Ивановича. Он не только здешний уроженец и старожил, но и в некотором роде хранитель истории Шалыг, знаток законов и тайн реки Чусовой. 15 лет работал гидрологом Верхнегородковской метеостанции и Пермской гидрометобсерватории. Наблюдал за режимом реки, проводил зимние и летние инспекции речных постов. Увлеченно говорит о водонапорной башне с немецким плунжерным насосом, качавшим воду из реки на колхозную ферму. Или о колодце, вырытом для той же цели на самом бе-

регу Чусовой. Думали, будет в нем речная вода, а там оказалась родниковая, 5,5 градуса зимой и летом. Когда был помоложе, увлекался фотографией.

Деревня Шалыги, как утверждает справочник Е. Шумилова, известна с 1623–1624 годов и звалась тогда деревней Шалыгиной. Судя по переписи 1647 года, здесь жил тогда Гришка Васильев сын Шалыгин. А Павел Иванович добавляет к этому, что шалыгой подорожной называют кнут, погонялку.

Вспоминает, что в деревне со времен, говорят, Ермака стояла часовенка. В советское время ее переименовали в магазин, а потом ее архитектурой заинтересовались краеведы, разобрали и увезли в Музей реки Чусовой. Была школа-четырёхлетка, а в Селах — восьмилетняя. Кузница работала в деревне, жителей поили три колодца, родник...

Прежде по берегу Чусовой тянулись Средние, Нижние Шалыги, а чуть отступив от реки, были и Верхние. Нынче остались недлинной улицей только Шалыги. Здесь недалеко чуть ниже по Чусовой в 1929-м геофизики обнаружили залежание нефти.

▲ Шалыги зимой. Справа магазин-часовня и водонапорная башня. Фото Павла Пермякова

Но деревня Шалыги осталась чисто сельским поселением.

Вот собрались уже немногие старожилы на скамейке возле дома бывшей деревенской старосты Надежды Петровны Кутлаковой и течет неспешная беседа о былом.

Люди жили заботами колхоза «Труд», молочно-товарной фермы. Первая профессия женщин — дояр-

ка, мужчин — разнорабочий. Трактор был один, вспоминает Почетная доярка Тамара Андреевна Павлова, все делали на лошадах — муж Иван Петрович, отец Николай Дмитриевич.

Надежда Петровна принесла фотографию, где снят ее дядя, участник финской и Великой Отечественной войн Ефим Александрович Бобриков.

Сейчас в Шалыгах вместе с дачниками обитает чуть больше полусотни жителей. ▼

▼ Колхозники деревни Шалыги. Начало 80-х гг.

Фото автора

УРАЛЬСКИЙ **снегонбим**
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снегонбим**
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снегонбим**
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снегонбим**
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снегонбим**
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снегонбим**
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снегонбим**
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снегонбим**
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снегонбим**
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снегонбим**
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снегонбим**
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снегонбим**
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снегонбим**
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снегонбим**
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снегонбим**
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снегонбим**
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снегонбим**
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снегонбим**
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снегонбим**
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ **снегонбим**
www.uralstalker.com

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
следопыт
www uralstalker.com

Июль 2018

Аэлита

50

Законы Вселенной

РОМАН ВЛАСОВ

Имя для дочери

50

69

Координаты чудес

ЕЛЕНА КАЗАНКИНА

Синяя Змея

69

Имя для дочери

Роман Власов

Родился в 1986 г. в городе Москве. Рос и учился, пока однажды не окончил ВМиК МГУ. Тогда начал работать в игровой индустрии. Сначала геймдизайнером и сценаристом. Выпустил приключенческую игру «Архивы НКД: Охота на фюрера» и ей до сих пор гордится. После переквалифицировался в программиста и профессиональных поводов для гордости стало меньше, но денег стало больше. Параллельно в жизни появились одна за другой жена и дочь. В данный момент продолжает работать программистом уже в компании «Консультант Плюс». Также преподаёт в школе — ведёт исследовательские проекты в области информатики.

Девять новых заказов. Семь из дома престарелых в какой-то деревне далеко-далеко на юге — обычная рутина. Ещё два от четы инвалидов — намного интереснее.

И письмо.

Отправитель незнакомый. И заголовок странный. Очень. Возможно, какая-то ошибка.

Сначала он медленно и тщательно читает один за другим тексты заказов. Делает пометки в истрёпанной тетради. Накидывает по свежим впечатлениям пару схем. Перечёркивает одну. Пишет: «Сложно, подумать».

Переходит к письму. Медлит, прежде чем открыть. Смотрит ещё раз на заголовок. «Родилась дочь. Нужно выбрать имя».

Читает. Письмо короткое. Всего три предложения.

Последнее: «Завтра ждём в роддоме».

Он сидит некоторое время без движения. Воздух сухой, тяжёлый. Жужжит терминал. Снаружи прижались к окну чёрные листья клёна. Где-то в подполе тонко, жалобно пищит мышь.

Записывает в тетради: «Имена: Агния, Мара, Тамила, Юна». Дополняет: «Выбрать!» Подчёркивает двумя чертами.

> **Агния**

Обводит имя Агния. Ставит после три вопроса.

> **Мара**

Обводит имя Мара. Рисует рядом лицо. Одно, другое. Лица выходят страшными.

> **Тамила**

Обводит имя Тамила. Пишет что-то неразборчиво в скобках. Вымарывает.

> **Юна**

Обводит имя Юна. Пожимает плечами. Заходится кашлем. Бьёт по груди кулаком.

Девять месяцев назад это произошло.

Она шагнула из снежной вьюги в его дом. Отряхнулась. Сняла шлем. По-хозяйски огляделась. «Погодка!» — сказала. Волосы спутанные, давно невытые. На щеках румянец. Толстые перчатки пахнут бензином.

— Привет! От Радости я.

— Здравствуйте, — ответил он.

Потом они пили чай. В корзинке лежало шесть пирожков. Она куталась в старый материн плед — из щелей в окнах дуло, было холодно. Болтала с набитым ртом. Что-то про изменяющийся мир, про Технообщину. Он слушал. Кивал. Черкал в блокноте.

Как звали её? Не говорила. Он бы запомнил. Записал.

Дальше — вечер. Они играли в шахматы. На истёртой, заляпанной доске. Она заметила фугляр на шкафу и взвизгнула: «Я отсюда не уйду, пока вы со мной не сыграете! Шахматы... это же... колоссально!»

Он поддавался и проиграл первую партию. Потом перестал поддаваться и неожиданно снова проиграл. Причём как-то быстро и безнадежно. На третью партию он настроился уже как следует. Перед каждым ходом подолгу думал, мусолил во рту карандаш, даже достал с нижней полки шкафа клеенную-переклеенную книгу «Дети играют в шахматы» и пролистал несколько страниц с дебютами. По этой книге учил его когда-то отец.

Гостя тоже была вся в игре. Сложила руки поченически, подалась вперёд, закусил губу, восклицала при каждом его удачном ходе что-то в духе «Ужас какой!».

В итоге он всё-таки победил. С огромным трудом.

С удовольствием вспоминает один за другим все ходы. Пугается где-то на середине партии и уже

направляется было искать дневник с записями, но останавливается на полушаге.

Дочь!

Наливает остывшей воды из чайника. Наблюдает, как свет лампы отражается в стенках стакана. Пьёт короткими глотками.

Дочь. Имя. Нужно выбрать.

Агния, Мара, Тамила... Та-ми-ла... Юна.

> **Агния**

— Какой взгляд!.. Суровый. Аж жуть берёт... Кто это?

— Агния. Она грозит.

— Кому?

— Каждому. Потому что все мы живём неправильно.

— Дорогая, не надо так переживать, — сказала гостя и осторожно погладила идола по деревянным волосам. Засмеялась. Потом спросила:

— Скажите, а вы сами в это всё верите?

— Во что?

— Не знаю, в Великое Пламя, наверное. Чему тут у вас все поклоняются?..

— Пламени... Но это не так просто. Если хотите... Я тут размышлял немного на эту тему...

— Какой вы забавный всё-таки!

— Почему?

— Всё время смотрите в эти свои дневники...

Смешно!

Она расхохоталась, запрокинув голову. Он тоже весь расплылся в улыбке.

Разговор этот был уже утром. Её грязный мотоциклетный комбинезон валялся в углу. Сама она сидела на кровати в его старой однобортной тужурке, скрестив ноги. Прекрасные голые ноги с отчётливыми голубыми венами.

> **Мара**

Ведьма. Скрюченная косматая ведьма. На сизом бородавчатом лице безобразный рот с кривыми зубами. Мара.

Ей носят в дар мышей, и она поедает их живьём вместе с хвостиками.

Ещё ей носят новорождённых младенцев. Она проводит грязным пальцем по их животам, ухает, хохочет. Или молчит. Смотрит только подслеповатыми глазами...

Но случилось так, что однажды извечный порядок вещей был нарушен. В одной семье родился ребёнок. Отцом был молодой учёный. Не местный. Приехал издалека, из сияющего тысячей огней стольного города. И он не захотел показывать младенца ведьме. «Зачем?» — спросил он. И мать не смогла его убедить. С тяжёлым сердцем смирилась.

Тогда хвори одна страшней другой приключились с новорождённым. Еле теплилась жизнь в крохотном тельце. Все говорили учёному: «Иди к Маре. Падай на колени. Моли о пощаде! Иначе — конец!» Но он был непреклонен.

И мальчик выздоровел.

А ведьма вскоре исчезла. Как? Куда? Никто не знает.

Сказка о Маре. Вот, что он помнил об этом имени.

И ещё Марой звали одну чудную облезлую кошку, которая давным-давно уже умерла.

> Тамила

Маленькая девочка в квадратных очках с толстыми дужками. Она появились рядом с их домом на следующий день после переезда. Сделала несколько кругов по улице, заглянула через забор.

Отец крикнул ей весело, дескать, заходи. Она зашла мелкими шагками, встала, потупилась.

Их семьи были чем-то похожи. Мать — коренная, местная. Отец — другой.

Её мать — склочная баба с родимым пятном во всю щеку. Вытирает испачканные землёй руки о передник и вечно орёт — такой он её запомнил. А отец — тихий, худой, с прямой спиной, в белой отглаженной рубашке. Везёт на телеге сено на рынок... Потомок какого-то знатного рода. Этот род, конечно, здорово ощипала Технообщина... Но что-то такое в её отце осталось. И в самой Тамиле.

Они подружились.

Лето. Мареве. Маленький пруд под сенью деревьев. «Хочу, чтобы в мире не было ссор, — говорила она. — Чтобы никто ни на какого никогда не кричал...» И плакала.

Добрая маленькая девочка.

Стала толстой доброй тёткой. Переехала в соседний посёлок... Он помогал ей как-то с составлением заявки на домашнего робота. Она поила его чаем. Вокруг были дети. Приносились, уносились, давали советы, хватали подгнившие яблоки из облупленного эмалированного ведра, тузили друг друга, хохотали.

Хорошее имя Тамила.

> Юна

Аппарат назывался ЮНА. По фамилиям его конструкторов. Он упал на севере, в лесу, не так уж далеко от этих мест. Ухнул в мгновение ока, со страшным грохотом. Но капсула выдержала. Человек внутри остался жив. Побывал в космосе и вернулся. Впервые за всю историю.

Это был грандиозный успех Технообщины. Успех новой формы организации общества. Когда планированием и принятием решений занимаются не люди, а вычислительные системы. А люди лишь поддерживают их работу и исполняют их решения.

И очень символично, что на слуху осталось имя аппарата, а не его пилота. Именно аппарат стал героем. В честь него стали писать песни, снимать фильмы, называть детей...

Но что теперь означает это имя? Юна? Может, это символ больших, но не сбывшихся ожиданий? Ведь тот запуск так и остался единственным удачным... Да и сама Технообщина с тех пор сильно изменилась. И непонятно в какую сторону.

Следующее утро.

Молчан выходит на улицу в одних подштанниках.

Тихо. Зябко. Только-только начинает светать.

Обливается холодной водой из бочки, фыркает. К груди пристаёт кленовый лист. Молчан смотрит на него, отлепливает.

Уже совсем скоро все вокруг будет жёлтое, красное, бурое. Но пока лето ещё держится.

Отдышался. Теперь чистит зубы электрической щёткой. Сморкается.

Делает зарядку. Приседания, махи, прыжки на месте.

Тем прекрасным утром он тоже делал зарядку. А она высунулась из окна — растрёпанная, круглая, милая — и хохотала. Сказала потом, что очень смешно взлетала в воздух его борода.

Это утро тоже отчего-то прекрасно. Свежее, ясное, другое какое-то. Не такое, как вчера.

Одно плохо — работа, новые заказы, сроки... Теперь всё это придётся отложить. А заказы при том непростые, интересные...

Взять эту чету инвалидов: муж — бывший шахтёр — потерял руки из-за несчастного случая десять лет назад. И вроде всё — жизнь закончена, осталось только смириться и терпеть... Но вот выходит декрет от электронного правительства о кон-

тролируемом будущем. Делайте, де, любые заказы, а машинки посчитают, как их наиболее эффективным способом выполнить. И этот инвалид захотел себе новые механические руки. Не какие-то ущербные протезы. А настоящие руки. Ничего похожего никто никогда не делал.

И задача Молчана теперь — запрос этот переформулировать, перевести на машинный язык и отправить в систему. Да не просто отправить, а чтобы эту задачу взяли в работу, чтобы не затёрли, не отложили. А по первым прикидкам там чуть ли не отдельный институт надо создавать... Значит, нужно найти какие-то похожие заявки, скрепить вместе, обосновать... Тяжело! Но возможно!.. Такая работа...

Он тщательно одевается. Болотного цвета брюки, чистая рубашка для служб в храме, отцовский потёртый пиджак, носовой платок... Но платков нет. Ни одного. Раньше были. Год или два, или десять назад.

Вздыхает, причёсывается. Гребешок пластиковый, зелёный, с двумя отломанными зубчиками. Ему тоже лет десять.

Достаёт из-под стола рюкзак. Протирает тряпчатой пылью. Кладёт внутрь флягу с водой и несколько чистых тетрадей. Запирает на ключ все шкафы.

Обходит вокруг свою хибару и идёт к большому дому. Это дом, в котором он вырос. Сейчас окна и двери наглухо заколочены. На крыше — птичьи гнезда, крыльцо утопает в сорняках.

Садится на покосившуюся скамеечку у окна. На дорожку.

Основная часть деревни находится на другом берегу. Здесь — несколько разваливающихся домов, прогнивший пирс и храм Великого Пламени, покрытый облупившейся оранжевой краской.

Он проходит мимо и смотрит на храм сквозь дыру в ограде. Когда-то верховной жрицей здесь

была его мать. Шествовала в широком плаще с узорами по своим владениям. Медленно. Грозно.

С её смертью и включением деревни в Технообщину храм быстро захирел. Иногда, по большим праздникам, здесь служил жрец из районного центра, но это уже было не то, совсем не то.

В прозрачном синем небе вьётся стая птиц. Сами маленькие, с длинными жёлтыми клювами — время от времени пронзительно кричат. Будто ругаются.

Река широкая, спокойная. Блестит от лучей утреннего солнца. На пирсе тёмная фигура в тулупе. Согнулась в три погибели. Держит удочку.

Это Горбатый. Второй и последний обитатель этого берега.

Самое интересное в Горбатом — это его нос. Не горб. Горб вполне обычный. А нос — нет. Прямой, с широкими волосатыми ноздрями. Слишком торчащий. Нагло, презрительно торчащий...

Презрительно к кому? Чему? Когда-то он уже рассуждал на эту тему. Даже записал в дневник... Презрительно к опасности? Презрительно к людям? Презрительно к Технообщине?.. Что-то в этом духе...

Сидит, нахохлившись. Смотрит исподлобья. Его тулуп весь в прорехах и дурно пахнет. Очень дурно.

— Доброе утро, товарищ. Мне бы на ту сторону...

Горбатый сверлит его глазами, двигает челюстью, но ничего не отвечает.

— Товарищ, если позволите... — снова принимается Молчан, но почему-то осекается. Замирает в растерянности.

Наконец Горбатый спрашивает:

— Зачем?

— Что, простите?..

— Зачем на ту сторону?

— Дочь родилась. В столице.

Ещё пауза. В реке среди кувшинок дёргается поплавок. Рыбак подсекает и снимает с крючка среднего размера леща. Кидает в ведро.

— Пошли, — говорит.

В молчании они бредут к лодке. Напрямую, через впадающий в реку ручей. Хлюпают болотные сапоги. Кружатся стрекозы. Прячется под корягу, шевеля усами, сом.

Дошли, сняли брезент, столкнули лодку в воду. Горбатый садится на вёсла.

— От кого дочь? — спрашивает.

— Если позволите...

— А! От той. На снегоходе. Помню. Без головы.

— Без головы?

— Да. Как назовёшь?

— Кого?

— Дочь.

> Агния

— Агния... — Он крутит головой, хрюкает, оценивает. — Это хорошо.

— Да...

— Агния — жрица, покровительница, хозяйка... Жаль, мать твоя не дожила. Вот кто был хозяйка так хозяйка.

— Да...

— При ней всё было по-другому. Большая была деревня. Шумная. Весёлая. И все знали: что-то плохо — иди к ней. Она направит. И накажет, и наградит, и суд совершит. По справедливости. По воле Великого Пламени... Да, Пламя жило в каждом доме. И в моей хате мальцы пищали. Где теперь? Нет. Упорхнули с мамкой.

Он хрюкает несколько раз, вытирается рукавом, продолжает:

— Ты думаешь, почему я пить стал? Потому что Технообщина пришла и сказала: не существует ва-

шего Пламени, и вечного ничего нет, а после смерти мы — тьфу, и исчезли без следа. Только и вспоминай... А это... Это мерзкая ложь! Но жрица наша не может возразить — нет её больше, а сын её и сам...

Он осекается, некоторое время молчит, бормочет:

— Агния — хорошее имя. — И тут же добавляет с усилием... Не просто с усилием, с каким-то колоссальным внутренним напряжением:

— Мы будем бороться. И знай, мы ждём тебя...

И верим, ты спасёшь нас. Возвращайся. С дочерью.

— Куда? — спрашивает Молчан.

Горбатый морщит лоб.

— Просто возвращайся сюда. В деревню. Не оставайся там...

> **Мара**

— Мара... Сильной будет женщиной, это хорошо... — говорит он. — Сейчас нужна сила. Нехорошие дела творятся. Технообщина эта. Безбожие. Пережить, перетерпеть...

Смачно сплёвывает за борт.

— Вот у меня нет сил. Меня размазало... И вся моя судьба... Я же сам теперь её хозяин, да? Пламени нет и слушаться больше некого... Моя судьба — сиди, молчи, уди рыбу, получай задарма жратву. Загнивай.

— Мы могли бы что-то подкорректировать. Для этого достаточно подать заявку в электронное правительство. Форма очень простая. Со своей стороны я готов...

— Не надо! — прерывает Горбатый. — Не надо мне подачек. Не хочу мараться...

Он налегает на вёсла и хрипит:

— Я теперь сам за себя! Меня теперь не проведёшь!

> **Тамила**

Горбатый качает головой и произносит:

— Не надо.

— В смысле?

— Ты же гулял с Тамиллой, пока она, того, не отчала.

— Прошу прощения, но я не...

— Слушай, дело говорю. Гулял. Не понравится это твоей новой. Бывших не любят они. Бабы. Моя вот тоже...

Он перестаёт грести и дёргает головой, словно отгоняя наваждение.

— Была моя, да не моя... — шепчет. Снова берётся за весла.

— Короче, не надо. Да и курица она, эта Тамилла. Не живут сейчас такие.

— Она хорошая, честная женщина.

— Ты на ней не женился, а?

— Нет.

— А урод этот из посёлка её бросил?

— Да.

— И она охапку детей одна тянет. А?

— Да.

Течение сильное, лодку чуть сносит, и Горбатый налегает на весла. Пыхтит. На шее выступает пот.

Некоторое время они не разговаривают.

— Ну не курица? — спрашивает наконец.

> **Юна**

— Юна... Ну, даёшь... Тьфу, мерзота, — он смачно сплёвывает в реку. — Значит, ты всё-таки из этих. Ага.

— Почему?

— Потому что это *их* имя.

— Чьё?

— Их. Технообщины. Врагов.

Он плюётся ещё и продолжает с яростью:

— Их никто не звал! Мы жили в нашей деревне, как отцы, деды, прадеды. А они пришли и устро-

или всё это... Помнишь эти лыбящиеся хари?... Роботы их, сортиры красивые, звон этот из телевизора... Звон-звон-звон, как раньше мы плохо жили: и то не так, и это не этак — а сейчас мы заживём, так заживём; честно, по справедливости, по плану! Ага, нах такую справедливость!..

— Но Юна...

Горбатый с силой налегает на весла.

— ЮНА — это машина. Рычаги, кнопки, мозг компьютерный... А внутри был человек. И кто знает про этого человека? Как его звали? А ведь он был главным в полете! Он был пламенем... В этом суть. Зырь: они хотят сделать из нас машины. Все эти программы, правила — это способ нас контролировать. Нас программировать!.. А души наши, всполохи огня мирового — загасить, растоптать... Несчастные мы несчастные...

Когда лодка уже почти касается носом противоположного берега, Горбатый наклоняется вперёд и говорит:

— Ты умный, да. Ты сразу понял, куда дует ветер. И отрёкся от нашей веры. Самым первым. Мы помним.

— Простите, но...

Он отрыгивает, выпускает облако вони, прикрывает рот рукавом, скалится.

— Мы не осуждаем. Новый мир — новые правила.

— Но...

— Главное — пусть дочь знает, откуда вышла. Свои корни. Нашу деревню. Бабку-жрицу... И тогда она сама найдёт путь к Пламени.

Лодка причаливает.

Другой берег. Здесь всегда была жизнь. Школа, почта, магазин, пожарная вышка, остановка автобуса. Одноэтажные деревянные дома с резными

ставнями, зелёные сады вокруг, низкие заборчики, картофельные поля. На разбитых улочках — дети, собаки, козы, гуси.

Молчан давно здесь не был. Несколько лет. Теперь он идёт по заросшей, едва видной тропинке к остановке. Смотрит на знакомые дворы, дома. Все запущенные, покосившиеся, заросшие...

Здесь жил дед, который построил самолёт. Все мальчишки помогали ему. Самолёт был неказистым, страшным, но все же смог подняться в воздух и даже перелететь на другой берег. Это было счастье.

А здесь обитал дядя, которого однажды ночью зарубили топором и бросили в ближайший ручей. Мирный дядя. Попивал, конечно. Но по пьяни не буйствовал. Плакал все больше. Убийцу не нашли. Хотя и не искали, кажется.

В небе над домом дяди висит аппарат, отдалённо напоминающий голову чёртика. Из прямоугольного беззубого рта во все стороны тянутся провода. На кончиках антенн-рогов мигают лампочки. Это местный сервер Технообщины. Хотя поток сообщений через него небольшой, он часто отключается без причины. Молчан грозит ему кулаком. Едва заметно улыбается.

Вот и автобусная остановка. Вся какая-то волнообразная, металлическая, гладкая, новая. Такая, что и не поймёшь сразу, остановка ли это. Всё-таки остановка. С табло и встроенным терминалом электронного правительства. Ничего не работает. В углу терминала кто-то успел нарисовать похабное слово.

— Ты с того белега, да?

Мальчуган лет пяти. Беленький, ясноглазый, чумазый. В больших не по размеру штанах с вытянутыми коленками. В руках держит резиновый мяч.

— Да.
 — Привет!
 — ...Доброе утро.
 — А где твой *голл*? — спрашивает мальчуган и чихает.
 — ...Голл?
 — Ну... голл. Такой, — он показывает на спину. — У вас тем все такие, *голлтые*. Ты же с той стороны?
 — А! Горб!
 — Угу.
 — У меня нет.
 — Угу.
 Мальчуган ещё раз чихает. Разговор заходит в тупик.
 — Ты не знаешь случайно, когда придёт автобус?

Он пожимает плечами и отвечает:

— Сколо. А куда ты едешь?
 — В столицу. У меня дочь родилась...
 — Маленькая?
 — Не знаю. Маленькая, полагаю.
 — Должна быть маленькая.
 — О...
 — А как назовёшь? Буля, наверное?
 — Буля?
 — Всех маленьких девочек называют Буля.

Б-у-у-у-у-ля! Смешно.

— Я назову её...

>Агния

— Бууу, — говорит мальчуган и подбрасывает мяч.

>Мара

— Пщ, — говорит мальчуган и подбрасывает мяч.

>Тамила

— А мама говорит... — произносит было мальчуган, но останавливается на полуслове, чешет нос и подбрасывает мяч.

>Юна

— Беееее, — говорит мальчуган и подбрасывает мяч.

Автобус. Появляется из-за леса. Медленно тахтит по кочкам. Маленький, жёлтый, грязный.

К этому времени Молчан уже дремлет. Бросил на траву рюкзак, сел, прислонился к нему, скрестил ноги, повернул лицо к солнцу, прикрыл глаза.

На пастбище за деревней мычат коровы, скрипит ржавый флюгер на ближайшем заброшенном доме, каркает ворона, крикают утки, шумит лес.

Родилась дочь... Такие дела...

Автобус подъезжает к остановке. Кренился на правый бок. Стёкла опущены. Салон весь забит. В окнах головы. Квадратные, металлические головы разных размеров... Не люди. Роботы.

— Деревня Вороний Куст! — громогласно объявляет водитель. Дородная тётка в шерстяной шапке и оранжевом жилете.

— Мелкий, давай на выход! — орёт после паузы. Внутри начинается какое-то копошение, но никто не появляется. Тётка вздыхает так, что дрожит весь автобус, задом выбирается из своей кабины и заходит в салон.

— Ну-ка убрали свои клешни из прохода! Ты, длинный, голову пригнул! Вот так! И нечего пищать.

Наконец она выкидывает на улицу маленького робота на гусеницах. В лапках он держит что-то, отдалённо напоминающее метлу. Глянув по сторонам, он тут же подползает к остановке, брызгает едкой жидкостью на похабную надпись и принимается тереть.

— О... Ты ко мне что ли, красавец? — спрашивает тётка-водитель у Молчана.

— Да.

— Ну, заходи, — открывает она дверь кабины.

— А туда?.. — указывает он на салон с роботами.

— Они там друг на друге штабелями лежат. Железяки хреновы. Не поместишься.

В кабине тесно, пахнет супом, везде шелуха от семечек. Громко играет музыка. Старые песни. Из детства.

Сидеть приходится на маленьком откидном стуле, подогнув ноги. В бок упирается огнетушитель. Неудобно.

Едут.

— Развожу вот, понимаешь, — говорит тётка. — Всю кровь выпили болваны эти. Говорили: они умные, что люди. Сами будут входить, выходить, все дела делать, ты им только остановки объявляй. Ага, накося выкуси!

— А зачем вы их, простите?..

— Потому что больше некому. По расписанию транспорт им сделают через полгода. Понимаешь, да? План, загрузка, то, сё... А я вози!.. Но зато вот честно скажу, что они там обещают в электронном правительстве, всё выполняют. И вовремя! Тютелька в тютельку!..

— Да... — Молчан кивает.

— Не знаю уж, кто там всё решает, машины — не машины, главное, чтобы результат был, я так рассуждаю... Вот ломался у меня автобус — пылесос, знаешь, древний, заслуженный, с норовом... Подожди-ка... Эй! Не орать там!.. Слышал, да? Распищались! Кнопку зажало у кого-то, и пошло... Так вот, сломался мой пылесос. Я думаю, ну сейчас пойдёт бюрократия, но нет! Посчитали, повертели, красной лампочкой помигали из ящика их-

него — и через час ремонтника прислали. Первой категории ремонтника, не хухры-мухры. Вот так вот! Важное дело делаю! Роботов развожу!

Молчан кивает ещё раз.

— Слушай, красавец, а ты-то куда намылился? Чего не на работе? Чего план не выполняешь, как все люди?

— У меня дочь родилась. В столице. Еду.

— О! Ну поздравляю папаша! От души, от души... Как назовёшь?

>Агния

Тётка цокает языком.

— Не в почёте сейчас такие имена... Но если в деревне будете жить, то сойдёт.

Молчан ничего не отвечает. Рассматривает старые рекламные объявления на пожелтевшей газете. Куплю, продам, обменяю... Теперь ничего этого нет. Ни «куплю», ни «продам», ни бумажных газет, ни объявлений, ничего.

— По мне так, конечно, давно пора было всю эту пламенную братию разгонять, — продолжает тётка. — Ну хорошо, ну вот Бог. Я верю в Бога. Я вот честно говорю... Много лет прожила. Понимаю, что не так просто всё тут у нас вертится. Тут кто-то должен и за рулём сидеть, и масло в мотор вовремя подливать. Ну как бы мир наша — это автобус, понял, да? Не поедет сам автобус. Развалится, заржавеет, и все дела... Ну так вот. Бог есть. Но почему же своими посланниками он выбрал этих прохиндеев? Все такие расфуфыренные в халатах. Банных!.. Подайте, де, служителям Великого Пламени. А у самих морда от жратвы трескается... А те, кто не прохиндеи, те того. — Крутит пальцем у виска. — Видела раз, как демонов один изгонял. Сначала бил палкой мужичка со всей силы. Потом забрался к нему на спину и давай

кругами ездить. Оба вопят истошно: и жрец, и мужичок — ужас!

Молчан вспоминает, как сам в юности высказывал что-то подобное матери. Та сидела, закрыв глаза. Мозолистые руки лежали на подлокотнике кресла. Слушала. Потом сказала усталым, простуженным голосом: «Дурачок ты. Смотришь на стену, а видишь лишь грязь на кирпичках». Грязь на кирпичках... Да...

>Мара

Тётка хохочет:

— Ты чё, красавец, сбрендил?

— Простите...

— Кикиморой бы ещё назвал. Хорошее имя. Кикимора. Звучное.

Молчан предпочитает ничего не отвечать. Смотрит в окно. По полю медленно едет трактор. За ним аккуратно ступает с кочки на кочку похожий на цаплю механизм. Время от времени берёт длинным клювом пробы грунта. Обучается.

— Слушай, это мода что ли такая на это?

— На что?

— Ну, на сказочные эти имена. Мара, там, Яга...

Кошечка вот знаю одного, малолетку... Кошечка, ёлки-моталки...

Он снова ничего не отвечает.

— Я всё поняла. Ты чудик!.. Послушай меня, чудик, опытного человека, не называй дочь Марой. В школе все дразнить будут. Дети они такие, знаешь... А у нас тут особенно. Где в городе, оно, может, и ничего... В общем, надо оно тебе? Не надо! Я говорю.

>Тамила

Тётка шарит одной рукой в ящике и ставит в магнитофон древнюю как мир кассету. Высокий мужской голос запекает:

— Ох, Тамила, краса моя, Тамила... Ла-ла-ла...

Она мурлыкает в такт.

Молчан прислоняет голову к стеклу между салоном и кабиной, прикрывает глаза.

— Хорошее имя! — говорит тётка. — Наше. Простое.

— Ага.

— У тебя ещё дети есть?

— Нет.

— Припоздился ты. Ну ничего, теперь будет кому молоко тебе в старости принести... Семья — это семья. Ничего не попишешь. Слышала я о новых всяких делах в городах... Что молодёжь вытворяет. Нет, не к добру это... Технообщина Технообщиной, а семья семьёй. Пусть не трогают! Верно говорю?

— Да...

— Я вообще считаю, нужно плюнуть на это всё. Идеи, программы, роботы... Надо просто жить. Жить и всё!

Автобус забирается на холм. Дорога извивается внизу замысловатыми петлями и ныряет в лес далеко-далеко впереди. Жить и всё...

— И вам с Тамилочкой этого желаю!.. — добавляет тётка.

>Юна

— Покорять космос, значит, решили, а? — поспеивается тётка.

— Если позволите, я...

— Да ладно. Я же шучу. И потом, разве покорять космос — это плохо? Я в новостях слышала что для благодетелей наших, машин-вычислителей — это сейчас самая важная задача... С другой стороны, ну вот поднимется человек в космос. По-настоящему. Зачем это надо-то? Что он там увидит?

— Не знаю, — отвечает Молчан.

Тётка смотрит на него с некоторым удивлением.

— Ха, а я думала ты идейный. Идейные так не говорят. Зачем тогда имя такое выбрал?

Взял бы чего попроще.

— Так... получилось.

— Ну да, ну да, — она снова посмеивается. — Жена небось?

Молчан смотрит на плывущие по небу облака, раздумывает. Жена. Прекрасная розовощёкая жена в мотокомбинезоне... Как же всё-таки удивительно, что они встретились, что она забралась в его глухую, миром забытую деревню...

— Ей, не грусти, папаша! — пихает его кулаком в плечо тётка.

Автобус приезжает на следующую остановку. Такую же красивую и блестящую.

Она стоит на опушке леса. Рядом просека, закрытая ржавым шлагбаумом, и выдавшая виды сторожка.

Выходит лесник. Статный. Видимо, молодой.

На голове фуражка и тёмные очки.

Бум-бум-бум — это роботы один за другим вытираются наружу. Неуклюже спрыгивают со ступенек, наталкиваются друг на друга, падают, встают и с грехом пополам строятся в шеренги. В салоне теперь маячат всего две квадратные головы.

Лесник достаёт откуда-то планшет и зычным голосом начинает переключку.

— Видал, а? — говорит тётка. — Тут какая-то большая стройка затевается. Аэродром или что-то в таком духе.

— Угу, — отвечает Молчан.

— Слушай, красавец... Что-то хотела спросить и забыла. Дырявая голова.

Скоро они уже должны приехать. Впереди видны пятиэтажки райцентра. Молчан схематич-

но записывает в дневник мысли после утреннего разговора с Горбатым. «Люди — машины». «Люди — огонь». Подчёркивает двумя чертами слово «машины». Ставит жирный знак вопроса. Интересно, что бы сказал отец?

— А! Вспомнила! Ты чем занимаешься-то, а?

— Я программист-консультант. Помогаю составлять запросы в электронное правительство. Старикам, инвалидам... — Молчан говорит ровным голосом, будто на автомате. Продолжает черкать в блокноте.

— Это дело, это дело... Слушай, у меня тут есть юноша один... Хороший. Но вот всё у него, знаешь, не складывается с этими новыми правилами... То девки какие-то, то работу прогуляет... То одно, то другое. Пропадает парень... А руки у него золотые. Может, глянешь на него? Подправишь что?

— Да, но... Инициатива должна идти от человека. Я только могу переформулировать запрос на техническом языке. Там есть некие правила. Несложные, но...

— Инициатива будет! — Она взмахивает рукой. — Короче, я тебе брошу контактик в сети, а? Молчан пожимает плечами.

— Да, но...

— Вот и хорошо. Вот и хорошо, — быстро говорит она. — Всё устроится... Очень ладно будет.

В райцентре Молчан бывал всего три раза в жизни. Дважды с отцом в детстве и один раз для знакомства со своим координатором.

Отцу было везде хорошо, и везде у него была куча друзей из прошлой жизни. Молчан смутно помнил какие-то бесконечные застолья, песни, танцы... Было шумно, весело. А отец в этой круговерти ещё и успевал что-то записывать. Он был

лингвистом, этнографом. Всю жизнь работал над книгой о жизни в этих северных краях. Проклятой книгой.

Глухой тупик. Пыльные стекла. Безликие кирпичные коробки вокруг. Везде асфальт. Серые буквы на вывеске: «Библиотека». Где-то внутри координатор.

Странно получилось, что библиотекарь раздаёт теперь задачи программистам. С другой стороны, почему странно? Сам Молчан тоже должен был стать жрецом, но не стал. Технообщина определила ему другое, самое эффективное по беспристрастным расчётам занятие. В новом мире каждому позволено начать с чистого листа.

Молчан толкает дверь и входит.

— Великое Пламя! — она вскакивает, несётся к нему и кидается на шею. — Это я! Это я всё наделала! Прости меня! Дура я! Дура! Всё порчу только!

Непривычно. Странно. Непонятно.

Стеллажи с книгами теряются в полутьме. Между ними горит белым светом экран терминала. Не один. Два. Три. Целая станция. На столе под лампой недопитая чашка кофе, зеркало, пакет с орешками, несколько яблочных огрызков, открытый гляцевый журнал с платьями.

— Ну как ты, бедняжка? Держишься? — спрашивает она.

Координатора зовут Рада. Маленькая, худая, остроносая. На плечах чёрный платок. Глаза печальные. А сейчас ещё и влажные от слез.

Молчан пожимает плечами, слегка отстраняется.

— Ну говори же, говори!

— Здравствуйте.

— О, Великое Пламя! Скорее проходи-проходи, садись сюда, за стол. Как стыдно!.. Забываешь всё.

Теряешь... Есть же правила, да? Простые правила... Человеческие. А когда вокруг эти судьбы. Одна, другая, третья... Не моё это, ох, не моё... Будешь чай?

Он кивает.

Пьют чай. Рада суетится, причитает, всплещивает руками. И вот вроде уже успокаивается, садится и вдруг снова вскакивает.

— Не хочу сидеть напротив! Это как экзамен. Ненавижу экзамены. Давай посидим лучше рядышком как друзья. Мы не друзья, я знаю, но мне приятно так думать... Ладно? Хорошо! Скажи наконец, как ты? Ты здоров? Ты не обиделся на меня?..

— Я?

— Ох, вот имя у меня — Радость... Ну вот какая Радость? Глупость я. Суета...

Она мечется ещё некоторое время, а потом без перехода продолжает:

— Это же я послала к тебе ту женщину! Не помню уж, как звали её. Никак не звали. На большущем снегоходе... Я гадала-гадала, кто это — никак не могла разобраться. Вот ты сразу понял по её виду?

— Нет.

— Вот и я тоже. Даже мыслей не было. А оказалось, что она серверный инженер. По нашей жалобе приехала. На то, что соединение с сетью в твоей деревне постоянно падает. Ну я и отправила её к тебе... Ну и рассказала всё про тебя, конечно. Какой ты хороший.

Он хочет что-то произнести, но не успевает.

Рада снова раздражается слезами:

— Ну я же не знала, что так будет! Не знала!..

— А что... случилось? — спрашивает Молчан наконец.

— Как что случилось?.. Она же!.. Она же!.. Эта женщина!.. Она же совратила тебя! А ты же жрец! Ты давал обет!

— Нет.

— Как нет? Как нет?.. Ты жрец Пламени. Ты отшельник. Святой. Только ото всех это скрываешь.

— Это неправда, — он медленно качает головой.

— Но мне же говорил... Мне говорил...

Она садится, трёт виски, потом вдруг откидывается на спинку стула, раскручивается и принимается хохотать. Весело у неё получается. Легко. Задорно. Как у настоящей Радости.

— Твой отец мне говорил! Вот кто. Он же постоянно заходил в библиотеку, пока в городе жил. Сразу после развода. Такой классный старикан! Мы с ним подружились!.. Но дуралей! Прямо как ты. Всё перепутал, наверное... Это что же получается? Это получается, вы женитесь теперь?

— Не знаю.

— Так это я сваха получилась? Вот уж ни думала, ни гадала!.. Сваха-координатор. Есть, что в отчёт за пятилетку вписать. Глядишь, община премию выпишет! Ишь ты! Жених! А то бы так и просидел всю жизнь в своей конуре...

Вдруг она снова мрачнеет. Это происходит без всякого перехода. Мгновенно.

— С другой стороны, вспоминая эту парочку, твоих родителей. Твой прекрасный отец и твоя... мать.

— Не надо про мать...

— Не надо, так не надо... Ну и потом, не встретят они друг друга, не было бы и тебя, а?.. Теперь вот ещё одна душа к нам прилетела откуда ни возьмись... Дитя Технообщины. Да... Мальчик, девочка?

— Девочка.

— Как назовёте, уже решили?

>Агния

— И ты мне будешь рассказывать, что ты не жрец?

— Нет.

Рада встаёт и убегает куда-то в полумрак библиотеки. Раздаётся грохот, шум падения, тихая ругань. Появляется с книгой подмышкой.

— Я ничего не имею против жрецов. Вот вообще, — говорит она. — Если честно, я считаю, что нельзя так было с ними поступать. Что-то тут в общине не додумано. Это же вера! Люди верят! Тысячи людей! И сейчас что произошло? Они все разом перестали верить? Вот и нет! Они затаились... И чего у них там зреет внутри, я не знаю. И хорошо, если там, с ними, есть такие люди, как ты... Я наткнулась тут на книгу...

Книга старая, потрепанная. На обложке красные волнистые узоры. Читает торжественным голосом:

— «Всё в мире из огня. Мир есть, был и будет вечным огнём, мерами затухающий и мерами возгорающийся».

— «Мерами затухающий и мерами возгорающийся»... Классно... — добавляет она и улыбается. — Это книга о становлении веры! О борьбе! И интересно, что мозгами ты вроде на стороне Технообщины... Ну потому что... Ну потому что понятно. А вот сердцем... Как-то пафосно получается... Ну извини, не скажешь по-другому... Сердцем ты с этими угрюмыми бородачами.

Молчан поглаживает свою бороду. Получилось машинально. Рада смущается.

— Ой, извини, я совсем не имела в виду... — она не заканчивает предложение, трёт лицо руками и без перехода снова продолжает говорить. — Там

кровавая история на самом деле... И не хочется, чтобы такое когда-нибудь повторилось. Короче, если ты там, с этими людьми, я спокойна.

— Но я не там.

Она пропускает это мимо ушей.

>Мара

— Мара? Серьёзно?

— Да.

— Как ведьму?

— Да.

— Колоссально! Ты как знал...

Она осматривает ближайшие к столу стеллажи, находит журнал и протягивает ему:

— Я тут прочитала одну статью про легенду о Маре. Очень интересно! Очень! И ты знаешь, я прямо влюбилась в эту ведьму в итоге... Странно, да? Знаешь, какая там главная мысль? Что Мара на самом деле была добрым ангелом вот этой вот дремучей деревни... Её все боялись, но она никогда ничего плохого никому не сделала...

— Она ела мышей...

— Пф. Тоже мне мыши! Это антураж. Чтобы убедительнее все смотрелось. Она помогала людям поверить в себя... Давала такое психологическое плацебо в виде театрального представления. Я сложно сказала, да? Это из книги!.. Мара — это олицетворение животной человеческой силы. И она противопоставляется учёному, который пришёл из мира разума...

— Какому учёному?

— Который пришёл из мира разума! Который отказался от её помощи для лечения ребёнка... Ты что, не помнишь?.. Так вот, когда он отказался, тогда и другие увидели, что Мара не нужна. И она ушла. А она-то на самом деле очень нужна! Осо-

бенно сейчас. Потому что мы слишком полагаемся на разум. На логику... И мы слабеем от этого. Вот такие дела.

>Тамила

— Ты врешь, — говорит она.

— Я не вру.

— Извини, тогда молчу.

— Что... не так?

— Ну... — она отворачивает голову к стене. —

Ты не обижайся, но это унылая хренота, банальщина... Имя — это же ключ. Ключ к характеру человеку. А этих миленьких скромненьких Тамил, их же сейчас пруд пруди... И это имя ну вот вообще ничего не означает. Не выделяется, и хорошо... Ой, подожди-ка!

Рада принимается что-то быстро-быстро набирать на клавиатуре. Говорит:

— Группа инородных имён. «Томная», «Томиться», «Мучиться»... Ну что это такое?.. Твоей дочери нужно мощное, необычное, звучное имя! Со смыслом!.. Тамила Молчановна — блеск. Слов нет.

— Я знаю очень хорошую женщину по имени Тамила.

— Вот и женился бы на этой очень хорошей женщине!.. Ой, извини-извини... Опять я со своим языком. Посидим, выдохнем. Так... Не собираетесь помириться с отцом?

Вопрос застаёт Молчана врасплох.

— Нет, — выдавливает он.

— А стоило бы. Он очень хороший человек. И лингвист. Такое бы мог имя придумать — закачаешься!

— Не хочу.

— Ладно.

>Юна

— Знаешь... — она осекается.

— Что?
— Знаешь, мне кажется, что ты заигрался.
— Почему?
— Потому что ты идёшь против себя. Против своей природы, своих корней. Я же всё о тебе знаю.

— Полагаю, не всё...

Рада с ухмылкой приподнимает брови:

— Всё. Я твой координатор. И умная женщина. Даже в тот момент, когда ты отрекался от Пламени, от своей веры, ты делал это не по настоящему. Ты делал это назло.

— Нет.

— Может, не назло. Может, с умыслом. Чтобы стать тайным жрецом и помогать запутавшимся, сбитым с толку верующим. Повторяю: я не считаю, что это плохо! Это достойная цель!

Она снова вскакивает, кидается куда-то, но тут же возвращается, замирает, выпаливает:

— Ты — сын своей матери! Это важно. Ты такой же мрачный и задумчивый, и одинокий... Но это не главное! Главное, ты — соль этой твоей замшелой деревни. Ты сидишь там на своём берегу, и думаешь, что про тебя все забыли. Но это не так! Кто-то боится тебя, кто-то дивится тобой, а кто-то тихо на тебя надеется... Поверь мне. Потому что ты наследник, потому что ты вырос с ними, потому что ты умный в конце концов... Других таких умных у них нет.

— Но это...

— Это жизнь, дорогой Молчан. В Технообщине таких как ты много. Лучше тебя много. А в деревне ты такой один. И когда ты называешь свою дочь Юной... Ты уходишь от них. Совсем. В другой мир. Ты этого хочешь?

Он вздыхает и ничего не отвечает.

Вечереет. Становится зябко. Он идёт по направлению к вокзалу через какую-то стройку. Под ногами хлюпает. В грязевых лужах отражаются яркие фонари на кранах. Сами краны высокие, изогнутые. Связаны между собой тонкими блестящими нитями. По нитям гуляют туда-сюда маленькие роботы-шарики.

После разговора с Радостью голова всё ещё гудит. Слишком много слов. Слишком много всего. Надо остановиться, подумать, разложить по полочкам, записать, но времени нет. Уже совсем скоро уходит последний поезд в столицу.

Тук-тук-тук. Какой странный звук от башмаков. Смотрит под ноги. Грязь, лужи... Ничего не изменилось. Только появился какой-то бесцветный, едва видный туман. И ноги стоят как-то неправильно. Не *в* луже, а *на* луже, будто она ледяная.

Идёт дальше. Замечает с удивлением, что с каждым шагом поднимается всё выше и выше. Словно взбирается по невидимой горке. Туман сгущается, становится плотнее.

Молчан оборачивается. В тумане висит цепочка его грязных следов. Хмыкает. Наклоняется, ощущает невидимое нечто. Похоже на полированное дерево. На паркет.

«Вот придумают», — бурчит он. Направляется дальше.

Через пару сотен метров уже на приличной высоте сидят в тумане подростки. Трое длинноволосых ребят и стриженная под ноль девушка. Свешивают ноги куда-то. Играют музыку. Пытаются.

Длинный с прыщами на подбородке бренчит на бандуре. Щуплый рядом сонно дудит в дудку. Ещё один парень невпопад долбит руками по барабану. Девушка поёт.

— Прошу прощения...

— Пауза, товарищи, — говорит длинный. —
Чего вам, дядя?

— Не подскажите, как добраться до вокзала?

— Дык вот она ж, дорога, — отвечает со смешком и указывает на туман. — Идите себе. Минут через пятнадцать дойдёте.

— Прощу ещё раз простить, но... как это работает?

— Дорога что ль? Она воздушная. Студент один придумал. Вы не местный что ли?

— Нет.

— Ого, — восклицает щуплый.

— Товарищи! Нашу лучшую музыку в честь гостя нашего города! Три-два-один-поехали!

Они снова принимаются играть. Фальшивят. Все шипят на щуплого. Тот краснеет и исправляется. Вступает девушка. Пару раз сбивается, но вскоре ловит ритм. Поёт.

В этот раз музыка неожиданно хороша. Жива, пронзительна.

Молчан осторожно опускается на невидимый «паркет» рядом. Подпирает голову рукой. Ноги погружаются в прохладный туман.

Перед ним город. Разрытый, истерзанный, ждущий новой жизни. Что вырастет из этих котлованов? Стекланные небоскрёбы? Заводы, производящие бесконечных роботов? Или наоборот зелёные бесконечные парки, ровные, подстриженные?.. Или это будет город невидимых домов и воздушных дорог? И по ним будет ездить на электрическом самокате его дочь?

Дочь... Как же её будут звать?

>Агния

Оркестр на время замолкает. Только щуплый парень продолжает играть на дудке. Это старая народная мелодия. Знакомая с самого детства.

>Мара

Вступает барабанщик. Ускоряется, расходится. Бам-бам-бам. Громко, ритмично. Он серьёзен и сосредоточен.

>Тамила

Девушка запекает балладу о войне. Голос её тонкий, грустный.

Алеет небо.

>Юна

Бандура издаёт какие-то странные, неземные, но вместе с тем удивительно гармоничные звуки. Длинный трясёт головой в такт. Немытые волосы закрывают глаза.

Поезд. Общий вагон на двадцать мест. Широкий экран транслирует последние новости Техно-общины. За большими окнами с огромной скоростью проносятся леса, поля, города. Ход плавный и почти бесшумный. В воздухе странная искусственная свежесть.

Кроме Молчана, в вагоне ещё два пассажира. Одинаковые мужчины в чёрных костюмах. С круглыми усталыми лицами. Переговариваются. С ними похожий на паука киноробот.

Молчан записывает свои последние впечатления. Почерк скачущий, кривой. Торопится. Потому что через каких-то пару часов он доедет. А ещё столько всего не продумано, не проанализировано.

Вот отец. Бросил их.

«Проклятая книга, — выводит он в блокноте. — Других дел в деревне не было. Дописал и уехал. Куда? Не знаю. Мог ли взять мать и меня? Нет. Хотел? Не знаю».

Добавляет и обводит рамочкой: «Опасность: могу бросить семью, как отец».

Вскоре он увидит их. Своих девочек. Большую и маленькую... Готов ли?

— Готовы ли вы, о товарищи?!

Кудрявый, сутулый человечек. Стоит, сложив руки в молитвенном жесте, прямо перед экраном с новостями. Одет во что-то невообразимое. Больше всего напоминает скреплённые шнурками целлофановые пакеты. Правый глаз дёргается.

— Позвольте представиться, меня зовут Ждан. Я ваш проводник в этом славном путешествии в нашу прекрасную столицу. Прошу обращаться по любым вопросам.

Он расшаркивается с мужчинами в чёрном. Гладит киноробота. Ласково, как собаку. Поворачивается к Молчану. Оскал во весь рот, и рука уже вытянута для рукопожатия. Глаз дёргается ещё сильнее.

— Здравствуйте, не имею чести быть с вами знакомым. Как вы уже слышали, я Ждан, проводник.

— Здравствуйте, — отвечает Молчан.

— Впервые едете на поезде?

— Да.

— Чудно! Технология впечатляет, не правда ли? Разве такое можно было себе представить до Технообщины? В тёмные века владычества жестокой и алчной жреческой касты?

— Простите, мне казалось, что это разные вещи...

— Разные! — соглашается проводник. — Но связанные! Скажите, а кем вы работаете?

— Я программист-консультант. Помогаю старикам, инвалидам...

— О, а я распыляюсь! Вы же как раз из тех безвестных героев, благодаря которым нам удалось достичь того, чего мы достигли. Равенства, справедливости! И главное независимости от животной природы человека, которая так портила нам жизнь раньше! Теперь миром правит раз-

ум! На прочном научном фундаменте! И если бы у меня была шляпа, я бы сейчас снял её перед вами!.. Товарищи-товарищи! С нами в одном вагоне едет человек нового мира! Творец!

— Нет-нет...

— Прошу вас, не спорьте. Скажите лучше, куда вы едете, если не секрет?

— В столицу. У меня родилась дочь.

— Товарищи! Мы присутствуем при грандиозном событии в жизни этого приятного и в высшей мере скромного человека! Давайте поздравим его от всей души!

Мужчины в чёрном вяло кивают из своего угла вагона. Робот вздрагивает, просыпается, водит глазом-камерой по сторонам.

— Первенец? — спрашивает Ждан.

— Да.

— Чудно! — Под шелест целлофана он устраивается в соседнее кресло, складывает руки на груди, спрашивает: — Как назовёте?

>Агния

Улыбка Ждана меркнет. На лице появляется скорбное выражение.

— Дорогой товарищ, вы знаете, с чем, так сказать, ассоциируется это имя?

— Не совсем...

— С Пламенем, дорогой мой товарищ! Агния — это огонь! Это кошмарные деревянные идолы! Это дремучие суеверия! А всё это вместе — это перевернутая страница истории!

— Но...

— Бога нет. Я это знаю. Вы это знаете. Мы это знаем. Каждый следующий шаг науки оставляет в мире всё меньше тёмных мест, где он бы мог укрыться. Раньше мы считали, что у нас есть душа, и она — часть мирового Пламени. Теперь

мы точно знаем, что никакой души у нас нет. И мир состоит не из огня или воды, а из атомов. Что же, атом нам теперь объявлять новым богом?..

Он победно глядит на Молчана, будто ожидая мгновенного раскаяния. Не дождавшись, продолжает:

— Религии — это суррогаты наивных представлений и страхов человечества перед природой. Мы же хотим укротить природу! Подчинить её разуму. Как единое, сильное человечество. Поэтому мы должны отринуть раз и навсегда своё наполненное предрассудками прошлое. Никаких Агний, товарищ! Новому времени новые имена!

>Мара

— Ммм... — неопределённо мычит Ждан, потом качает головой и произносит:

— Перед нами типичная жертва, моды. Да-да... Мода — это когда имя дают вопреки заложенному в него смыслу. Когда подразумевают обратное. Я встречал человека по имени Злой. Как вы думаете, был он злым?

— Не знаю.

— Конечно, он был злым! Из-за своего имени! Как же ещё?

Молчан пожимает плечами. Проводник вздыхает и продолжает:

— Тяжёлая пора сейчас, конечно... Столько новых людей включено в Технообщину, столько судеб резко и необратимо поменялось... Я много разговариваю с людьми. Вот так, в пути, за чашкой чая. В неформальной, так сказать, обстановке. Задаю вопросы... Они ничего не понимают. Что происходит. Зачем... Правительство рассказывает, показывает, старается, а на выходе снова Злые и Мары. Шутки, прибаутки. «Ничего не изменится. Мы все будем мучиться, а потом умрём...»

Но вы! Вы же программист! Вы же понимаете, какая сила в наших руках. Сила моделировать, контролировать будущее! Серьёзные дела творятся! Ну какая Мара, а?

>Тамила

Ждан улыбается, но без особого энтузиазма.

— Скажите, дорогой товарищ, а какой вы видите будущую жизнь вашей дочери?

— Не знаю, — говорит Молчан.

— Я советую вам заказать долгосрочный прогноз её судьбы. Для справки, это самая популярная услуга электронного правительства за всё время существования Технообщины.

Молчан откашливается:

— А разве имеет смысл так рано что-то моделировать? Ведь ещё... ничего непонятно.

Проводник оживает:

— Почему? Многое понятно. Кто родители. Где живут. Кем работают. Кто родители родителей. То же имя ребёнка. Мотивация дать именно это, а не другое имя. И даже сейчас, даже на этом начальном этапе многое можно изменить. В этом же вся мощь глобальных вычислений. Вы должны понимать.

— Я понимаю, но...

— Ну вот, скажем, Тамила. Если я не ошибаюсь... Если я не ошибаюсь... — Он принимается рыться по карманам своего странного одеяния, достаёт из кармана платок, сморкается. — Извините... Тамила в каком-то смысле одно из самих нейтральных имён. Глядя на вас, я могу предположить, что вы готовите ей судьбы созерцателя, но не двигателя прогресса. Это нормально. И хорошо. И даже в какой-то мере похвально. И делайте ровно так, как считаете нужным, но... Но дерзнуть!.. Создать!.. Как говорил один мудрец, сотво-

рять живое из неживого — ей будет сложно. Можете считать, что это прогноз. Не очень профессиональный, но всё же...

— Но разве всем... Разве всем нужно быть создателями?

— Это верно... Было верно. Потому что сейчас перед нами век автоматизации, искусственного интеллекта, программного планирования... И человечеству больше не нужны простые ремесленники. Не нужны и всё.

>Юна

— Замечательно! — говорит он и скалится во весь рот. — Это замечательно! А теперь, дорогой товарищ, рассказать вам, что ожидает человечество в ближайшем будущем?

Молчан пожимает плечами. Ждан продолжает:

— Ну, во-первых, полёт в космос! Настоящий, успешный, далёкий полёт. А знаете почему?

— Почему?

— Потому что этого хотят люди! Потому что вы этого хотите! Понимаете, в чём штука? Есть какое-то заблуждение, что Технообщина создана умниками для умниками, что у Технообщины есть какой-то один мозговой центр, который определяет цели и новые смыслы... Но ничего такого нет! Технообщина — это просто отличный инструмент для изъявления воли людей. Изъявления, обработки и реализации!.. И вот вы сегодня не просто назвали свою дочь Юной! Вы сформировали запрос.

— Запрос?

— Да. Запрос на новый полёт, запрос на подвиг, запрос на движение вперёд. И это прекрасно!

Проводник делает паузу, смотрит в потолок благостным взглядом.

— Ну а теперь я вам расскажу, что будет во-вторых!..

Столица. Молчан теряется в переплетении воздушных невидимых улиц, искривлённых фантазмагорических зданий, линий монорельса. Идёт дождь. Ночь. Шагает пузатый робот. Под козырьком остановки спит бездомный, укрывшись рваной фуфайкой. Рядом с ним рукописный плакат с растёкшимися буквами: «Отвалите! Лежу по плану!»

Терминал на остановке просит ввести адрес. Молчан достаёт из дневника мятый листочек, вдвигается в него близорукими глазами, набирает.

Десять минут. Всего десять минут до того, как всё закончится... Или начнётся? В голове всё смешалось, и нет времени подумать, разобраться. Великое Пламя, Технообщина, суровая мать в парадном одеянии, весёлый отец с книгой подмышкой... Хвостики мышей, торчащие из безобразного рта; хохочущие дети; пахнущий потом мотокомбinezон...

Поздно. Надо просто дойти и увидеть их. И сделать выбор. Окончательный, бесповоротный, единственно правильный выбор.

Нет, не единственно правильный. Он не может быть единственно правильным! Это важно помнить. Это очень важно.

Он повторяет это как заклинание до самого роддома.

Необъятное конусообразное здание с иссиня чёрными стенами. Усыпано жёлтыми точками горящих окон. Стекланные двери автоматически раздвигаются перед ним. Он медлит, прежде чем войти, смотрит внутрь.

Глубоко вздыхает, вытирает пот со лба, делает шаг.

Пора.

>Агния

>Мара

>Тамила

>Юна

Синяя Змея

Елена Казанкина

Родилась 9 мая 1984 г. в Череповце. Получила высшее образование по специальности лингвист-преподаватель и работает, как ни странно, преподавателем. Изучает и преподаёт иностранные языки, в совершенстве владеет английским, нежно любит французский. Пишет давно, в литературных конкурсах участвует недавно.

1.

На третий день проводника нашли мёртвым.

Игрок при этом не присутствовал, а помогал Тати готовить завтрак. Бестолковая панночка расцарапала вчера руки о кустарник и теперь не могла ни овощи порезать, ни воды в котел налить без стонов. Не была бы она такой хорошенькой, давно бы дал ей пару крепких затрещин, но во имя румяных щёчек и возможной близости приходилось помалкивать.

— Игрок, поди-ко сюда! — раздался голос Петре из-за скалы.

— А я? А мне? — пискнула Тати, бросая нож.

— Панна пусть остаётся на месте! — крикнул Петре, словно услышав. — Не для женских глаз.

Проводник лежал на краю обрыва, на животе, раскинув руки. Скрюченные пальцы, обгоревшие до костей, впились в землю, голова повернута набок, в ней — зияющие пропасти пустых глазниц. Не человек — головешка.

...Ночь трещала костром, искры взметались в небо, молчали равнодушные скалы...

Игрок пошевелил тело ногой, и оно оказалось на удивление мягким, даже размякшим, словно неведомое пламя опалило его только что.

— Не окоченел ни маленько, — сказал Петре, подтверждая его мысли. — А проснулись мы ещё до рассвета.

— Значит, это случилось утром? — спросил бесшумно подошедший Эмиль.

— Наверяд ли, — Петре помотал головой. — Услышали бы вопли.

— Если ему не перерезали горло до этого, — возразил Игрок. — Сейчас ничего не поймёшь, один чёрт — всё сторело.

Никто не произносил это вслух, но каждый задавался одним вопросом. Узкая горная тропа да ущелья вокруг — не то место, где могут затеряться случайные убийцы. Кто убил Иона? Он, Игрок, — мошенник, картёжник, скры-

вающийся в этих горах от всех и вся, или камнерез Петре, горбун с мозолистыми ладонями, или мольфар Эмиль, лунолицый и сладкоголосый, или панна Тати, учительница из польской деревушки? Игрок не был так наивен, чтобы списывать девушку со счетов, он всего понавиделся в жизни. Однако никого из них, включая мужчин, за этим делом представить не мог, хоть и знал их всех без малого неделю.

— Не услышь мы его, — сказал Эмиль, — разбудил бы нас огонь, да и запах человечины палёной — неприятная вещь.

...Ночь пахла костром, пахла жареным мясом, трещала искрами, исходила безмолвными криками...

— Не людских рук это дело, — покачал Петре головой. — Не мог бы человек такое сотворить.

Человек может и не такое, подумал Игрок, а вслух сказал:

— Тати нельзя это видеть. Надо избавиться от тела.

До ближайшего леса, где можно было бы выкопать могилу, было далеко, поэтому решили сбросить труп в ущелье. Дотрагиваться до чёрного, мягкого тела руками было неприятно, и мужчины, не сговариваясь, ногами допинали его до края скалы. Потом замерли. Никто не решался завершить начатое. Вчера вечером молодой, сильный парень, что лежал сейчас обугленным бревном на земле, ещё разговаривал и шутил, распугивая птиц трубным смехом.

— Дай-ко я, — Петре шагнул вперед. — В лагерь идите, скажите Тати — одни теперь пойдём.

Панночки у костра не было, но в её палатке шебуршало и звенело, на что ослик камнереза, привязанный неподалеку, тревожно шевелил ушами. Эмиль сел на землю и принялся чистить картофель. Игрок без слов присоединился к нему, хотя с удовольствием бы собрал вещи и пошёл дальше — картина на краю обрыва стояла перед глазами, и меньше всего сейчас хотелось есть.

— Непокойно моему духу, — сказал Эмиль, не поднимая глаз. — Тревожно ему.

Игрок усмехнулся. Чёртов колдун, духу его беспокойно... С проводником — единственным, кто хорошо знает эти места — жестоко расправились, а его духу беспокойно.

— Петре один был знаком с Ионом до похода, из того же места родом... — продолжил чёртов колдун. — Почему он так невозмутим? Неужто здешние мастера видят сторевшие трупы каждый день?

— Не ходи вокруг да около. Ты подозреваешь, что он — убийца?

Эмиль пожал плечами.

— Не знаю, — сказал Игрок, подумав. — Это ведь не просто убил, а сжёг. Неужто здешние мастера за просто поджаривают людей?

— Тогда что и думать? Я не убивал, ты тоже...

Игрок поймал его вопросительный взгляд, будто уточняющий, мол, ты же правда не убивал? Однако ответить не успел — из палатки показалась Тати, свеженькая, что весеннее утро, и такая же радостная.

— Вы уже вернулись! — всплеснула она руками. — А я только причесаться успела...

— Говори ты, — скорбно сказал Эмиль.

— Что он скажет? — с любопытством спросила она, присаживаясь на поваленное дерево. Поваленное вчера, ещё живым Ионом.

...Ночь сочилась огненной кровью, исходила криками...

— Панна, — сказал Игрок как можно нежнее и попытался взять её за руки, но она отдернула пальцы. Чёртова недотрога, даже в такой момент...

— Панна, — повторил он, — случилось несчастье. Наш проводник погиб. Дальше идём сами.

Она не вскрикнула, не побледнела, не зарыдала. Даже в обморок не упала. Какая-то неправильная попалась панночка.

— Погиб? — она продолжала улыбаться. — Но как он мог погибнуть? Он же ведёт нас к Синей Змее.

— Это не помешало ему погибнуть, — терпеливо ответил Игрок.

— Сгореть до головешек, — добавил Эмиль. — Вы знаете что-нибудь об этом, панна?

Панна ничего об этом не знала. Более того, панна сказала, что видела Иона рано утром, на рассвете, когда она совершала утреннюю молитву, а он пошёл проверять тропу. Панна даже переспросила, уверены ли добрые паны, что сгорел именно проводник, а не случайный охотник.

— Я тоже тропу проверял, — сказал Петре, подошедший сзади, — и нашёл тело. Иона узнал по сапогам.

До Тати начало доходить. Губы задрожали, по щеке поползла мокрая дорожка.

— Сгорел... — всхлипнула она. — Такой молодой, такой красивый, сгорел...

2.

Когда панночка всласть нарыдалась, солнце уже стояло высоко в небе, и пора было идти. Благодаря болтливости Иона, путники примерно представляли дорогу, но каждый понимал, что они лишились самого важного члена их компании. Куда они в этих горах без зорких глаз и чутких ушей местного?

— Если окажется, что проводника убил кто-то из вас, — сказал Игрок, когда они час спустя заплутали в колючих кустах, — я лично отрежу этому человеку яйца.

Тати ахнула.

— Вам, панна, я отрежу уши, — любезно добавил он.

— Слышь-ко, ты, не дури, раздурился тут... — буркнул Петре. — Нам всем надо к Синей Змее, какой дурак будет убивать того, кто путь ведаёт? Сказал же, не людских рук дело, не хочет она к себе пускать...

Какое-то время шли молча. Ползучие травы цеплялись за штанины, нестерпимо хотелось пить, но привал можно было сделать, только вернувшись обратно на тропу.

— А почему эти горы называют Спящими? — спросила Тати, которая шагала с завидной лёгкостью, несмотря на все юбки. — Это ведь не вулкан?

Чёрт возьми, она умилительна, а ещё учительница.

— Всяко говорят, — сказал Петре, не оборачиваясь. — Что раньше в горах спали драконы, что горы сами и есть — заснувшие и окаменевшие драконы... Что ещё до начала времён жили здесь духи земли Карпатской, и питались они истовой верой людей, жизнью питались и смертью, ибо, чтобы один жил, другой должен стигнуть... Местные приносили духам жертвы кровью, и те благословляли их, и земля цвела, урожаи богаты были, воины кратки, а дети — здоровы... А потом пришли другие и запретили жертвоприношения, и без веры, без крови духи заснули до той поры, пока...

— Смотрите! — вскрикнула вдруг Тати, показывая влево.

Петре остановился, не договорив.

— Что там? — спросил Эмиль, шурясь.

Вдоль зарослей бежала тропка, густо присыпанная иголками, хотя леса вблизи видно не было.

— Еловая тропка, — сказал Петре. — Как и говорил Ион. Она приведёт нас к Синей Змее.

Все заметно воспряли духом. Игрок уже было думал, что придётся повернуть назад и искать другого проводника, но кто бы согласился после известия о страшной гибели Иона Скороходца? Теперь у них снова есть шанс попасть туда, куда ведёт их... А чёрт знает, что их всех ведёт: кого нужда, кого вера в чудо, а Игрока — возможность отсидеться в тени и дожидаться приезда генеральши, волокой Ольги, на местные воды. В последнем своём письме она клялась ему в вечной любви, значит, будет особенно горяча при встрече. После стервы Николь, французской графини, генеральша была самое то. К вечеру, когда солнце начало спускаться за горбатую гору, и правда напоминающую очертаниями спящего дракона, когда воздух

начал зябко покусывать за щеки, а панночка закуталась в шаль, они наконец добрались до леса. Ночевать решили на опушке. Памятютя о событиях прошлой ночи, Игрок был совсем не против разбить лагерь прямо на дороге, привязав осла у леса, — всё просматривается на версту на четыре стороны, ни один убийца не проберётся незамеченным, — однако его идею не одобрили. Тати даже имела глупость сказать, что она готова умереть во сне, но в приличном виде и в палатке, а не свернувшись клубком на холодном камне. После скромного ужина Петре с Игроком раскурили трубки. Панна несколько раз деликатно кашлянула, но мужчины не обратили на это внимания, и она, поджав губы, пересела подальше, под буковое дерево, и принялась расчесывать волосы. Игрок вполуха слушал, как Петре рассказывает про свою деревню, но сам рассматривал ладную фигурку у кромки леса. До чего хороша чертовка!

— Приезжают иногда иллюзионисты, что из города, огнем плюются, — говорил Петре. — Раз за полгода, не чаще.

Рыжеватые волосы струились между пальцев, золотились в отвесах костра, спадали на покатые плечи. Откуда берутся такие сельские учительницы? Ей бы на балах в Петербурге вальсировать, а не прозябать в этой глуши.

— Цыгане проходят иногда, и тогда гибнет и пропадает скот, дети болеют... — Петре выпустил кольцо дыма и закончил меланхолично. — Скучно мы живем, не то что вы, в столицах...

Тати расчесала волосы до гладкого блеска и принялась заплетать их в косу. Склонила голову набок, открыв взгляду белую кожу на шее, почти прозрачную у ключицы, прикрыла глаза, словно прислушиваясь к чему-то...

— Игрок, слышь-ко, — тихонько окликнул его Петре. — Сожжёшь ведь взглядом, остынь.

— Её не мешало бы подогреть, — Игрок вытряхнул остатки табака, убрал трубку в карман и откинулся прямо на землю. Когда он сделал так в прошлый раз, Тати заа-

хала и предложила ему свою шаль. Если в этот раз промолчит, что-то где-то он прошляпил.

— Панна холодна, — улыбнулся Эмиль тонкими губами. — Духу моему спокойно рядом с ней, значит, сердце её не тронул тлен страсти.

— Тлен страсти, тьфу, — Петре сплюнул, чем заслужил негодующий взгляд из-под бука. — Нелюди вы, мольфары, раз не признаете любовь людскую. Вокруг семьи все вертится, знай-ко. Баба да с лаской, дети по лавкам, помыслы чистые...

— К чёрту чистые помыслы, давайте в карты, — лениво сказал Игрок, не отводя глаз от порхающих рук с тонкими запястьями, колдующих над сложноплетённой косой.

— В карты? — улыбка Эмиля стала презрительной.

— Чай, не в дурака вам предлагаю, а что-то поинтереснее. Сыграем? — Игрок потянулся к сумке, брошенной рядом. Там, в кармане, лежала пачка потрёпанных, но чистых карт. Они прошли с ним уже два континента и подарили немало побед. За партией-другой можно было бы скоротать вечера, а если ещё уломать Тати присоединиться, есть шанс получить от неё поцелуй, а то и два, а то и не только поцелуй...

— Не стоит, — остановил его Эмиль. — Не за азартом мы отправились в путь.

— Я сыграл бы, — сказал Петре, — да на что играть? На баней пригоршню?

— Я не играю на деньги, — возразил Игрок. — Я выигрываю желания.

— Желания? — Тати, подвязав косу платком, подошла к ним, бросила наземь около мольфара свою шаль и присела. Значит, что-то он пропустил...

— Желания, — кивнул он. — Что мне деньги? А желаниями я и кров получаю, и хлеб с солью.

...И табак, и женщину в постель, и придворные секреты, и жизнь свою я желаниями сохраняю, и смерти других потворствую, только вам, милая панночка, об этом знать

совсем не стоит. Милая панночка вздохнула, потеряла край юбки:

— Могла бы я желание вот так загадать, только чтобы сбилось оно непременно...

— О чём бы ты загадала, панна? — спросил Петре. — Про татко своего?

— Про татко, — Тати совсем понурилась, голос дрогнул. — Чтобы прочь ушёл слаз.

— А что с ним? — спросил Игрок, всем лицом изображая сочувствие.

— Гниль какая-то ест его изнутри... Давно уже ест, с год. Чахнет, свету белому не рад, волю к жизни потерял, а раньше был крепким. Говорит, пришел его час, а мы с мамой думаем, слазили его. Год назад проходила деревней странница — лица из-за морщин не видать, глазки только бегают. Он ей воды и подал. С того дня как подменили его, отоцал совсем, запах душной такой от него идёт... Мы его всё травами отпаиваем.

Игрок с трудом удержался от гримасы. Видал он таких, с гнилью внутри да с душком, тут никакие травы не спасут.

— Коли правду толкуют о Синей Змее, — сказал Петре, задумчиво сковыривая мозоль на ладони, — поможет она тебе. Был у нас один лесоруб, слышь-ко, хворь его страшная взяла, ума от боли решился. Два сына его пошли за водой живящей к Змее. Не сразу она им показалась, долгие дни бродили вокруг, а потом вдруг разверзлась скала — и хлынула оттуда лазурь, и потекла змейкой по камням да по голым. Старший брат, дурак маленько, хотел в воду эту ступить, вечностью омыться, а младший брат-то закричал, мол, совсем голову потерял, воду священную осквернять ногами своими...

Он замолчал и подкинул в огонь сухих веток. Костер выбросил в воздух сноп искр, встречал весело и утих, словно рукой его прикрыли, и от этого звука особенно заметно стало, какая тишина царит на опушке. Ни птиц, ни сверчков, ни ветерка не слышно.

— А что дальше-то было? — спросила Тати тихонечко.

— Сцепились они не на жизнь, а на смерть. Старший-то, дурак, хотел всё в воду ступить, затуманила его Змея, а младший его оттаскивал за вихры... Ну, он младшего и стукнул о скалу, что кровью залило всё вокруг, вода покраснела, воздух почернел, птицы замолчали... Опомнился старший, да поздно. Порыдал, похоронил брата, набрал воды и вернулся в деревню...

— Так вот и вернулся? — панна прижала ладошку ко рту, замотала головой.

— Куда же ему деваться. Вернулся, покаялся, в ноги татко бросился. Тот глоток воды сделал, и как рукой сняло поганую, ожил, сам пошёл, только зубов так и не осталось... А младший брат лежит там, в землице, подле Змеи проклятой.

— Это и есть твой мёртвый друг, чью могилу идёшь проведать? — мягким голосом, неподобающе елейным для этой ситуации, спросил Эмиль.

Петре только кивнул и отвернулся к лесу. И снова тишиной, как саваном, укутало сидящих у костра. ...Ночь молчала, ночь кричала огнём, ночь плевалась кровяными слустками... Игрок помотал головой, сбрасывая с себя дремотный, парализующий страх перед неведомым. Сколько неведомого он встречал в своей жизни, не счесть, подумаешь, духи гор... Пора было спать, вот только как же панночка сможет спать одна после таких-то ночных событий? А ну как и за ней придет страшное пламя местных драконов. Надо предложить ей компанию, решено.

— Значит, можно помочь татко, — прошептала Тати, кутаясь в шаль.

Игрок и хотел бы утешить её, но что-то — может, вредность врождённая, может, подспудная уверенность, что панночка выгонит взащей своего защитника из палатки, — что-то подтолкнуло его сказать:

— Если вода живящая от всех хворей спасает, от смерти защищает, что ж не ходят сюда толпами паломники?

— Может, и ходят, — пожал плечами Эмиль. — Не всем Синяя Змея открывается, и нам может не показаться.

— Может, и ходят, — эхом вторил ему Петре, — да не все доходят. Не пускают горы, не спят духи. Видел же, что стало с Ионом.

Тати ойкнула и вскочила, путаясь в шали. Игрок с Петре схватились за кобуры, но панна замахала на них руками:

— Полно вам, полно! Зачем на ночь покойника вспоминать? Зачем покой тревожить? Пусть почит, где оставили его!

...На дне ущелья, распавшимся на угли, с размозженными о камни остатками черепа...

— Спать пора, — сказал Игрок. — Завтра отправляемся, как рассветёт. Если расчёты Иона были верными, к вечеру доберёмся до Синей Змеи. Убирайте тут все, костер только пока оставьте, я осмотрю окрестности.

— Пошто? — удивился Петре. — Зверья в этих горах не водится, мрёт, говорят, как от голодухи, так пошто?

— По то, чтобы не застали нас врасплох, как Иона, — отрезал Игрок, вставая. — Надо пройтись, может, что выгляжу.

— Духов не выглядишь, — покачал камнерез головой. — Не людских рук дело.

— Составлю тебе компанию, — Эмиль поднялся неожиданно легко для его грузного, кольшущегося складками тела. Впрочем, он всё делал легко, ненароком — говорил, ходил, подкрадывался... Если бы Игроку дали выбор, кого вместо Иона принести в жертву неведомому огню, он бы с радостью избавился от Эмиля. Мало того, что колдун, или, как они себя кличут по-местному, — мольфар, заклинатель духов, так и просто скользкий и липкий, как разлитый мёд. Не просто так ведь вызвался идти с ним — он не Петре, никому не доверяет.

— Неужели до сих пор считаешь, что я убил Скороходца? — спросил Игрок, когда они отошли от кострища на порядочное расстояние.

Помолчав, Эмиль ответил:

— Из всех нас ты лучше всего подходишь на роль убийцы — тёмное прошлое, кличка вместо имени, не единожды держанный в руках револьвер... Но в этот раз я склонен согласиться с Петре. Иона убил не человек.

Игрок скривился:

— Брось, колдун, ты веришь в местные сказки о спящих драконах?

— Ты тоже в них веришь, — сказал Эмиль. — Чем громче говоришь, что не веришь, тем страшнее тебе, разве не прав я? Не забывай, Игрок, я — мольфар. Драконов нет и не было никогда, но духами земля полнится, я слышу их...

— Ну, коли слышишь, — сказал Игрок насмешливо, — передай им, пусть не мешают нам до Змеи идти. Не со злой душой, чай, в путь отправились. Тати отца надо спасать, Петре — друга помянуть.

— Зачем же ты идешь с нами? — вкрадчиво спросил Эмиль. — Не со злой ли душой?

— Время убить надо, да и сам говоришь — прошлое тёмное, кличка вместо имени, револьвер потрёпанный... — Игрок усмехнулся. — Мне не помешал бы поток воды лазурной, жизнь продлевающей. Думаю, ты сам идешь за тем же, колдун. Хотя и веришь ты в силы нечеловеческие, жить-то приходится в брэнном теле, на хворь падком, так?

Эмиль ничего не ответил, и обход они завершили в молчании. Только когда уже возвращались обратно, он дотронулся до рукава Игрока и сказал:

— Видишь вон там цветок?

Игрок взгляделся — в крошечной тьме действительно белело несколько пятен, похожих на цветы. И Горный дурман, он же — ясколка звёздчатая. Сорванный в новую луну, в полночь, приобретает сильные приворотные свойства. Прожевать лепесток, поцеловать хоть даже ручку возлюбленной — и душа её восплает.

— Чушь ведь городишь, — Игрок рассмеялся. — Какой дурак поверит в привороты?

— Тот дурак, чья страсть безутешная не находит отклика в холодном теле юной панны, — ответил Эмиль со всепонимающей улыбкой.

Чёрт бы его побрал, этого медоголосого искушителя. Пусть и не желал Игрок обращаться в дурость языческую, но перспектива провести ещё неделю, пялясь на белую шею панночки, как вампир какой-то, тоже не прельщала. Генеральша приедет только через месяц, а в деревне на две дюжины домов ему не развернуться — все девки либо страшны, как ведьмы, либо... Либо страшны, как ведьмы. Не повезло Карпатам с красивыми девушками. Тати была слишком хороша, чтобы хотя бы не попытаться.

— Слышь, колдун, — окликнул он Эмиля, когда они вернулись в лагерь, — покажешь мне тот цветок, хорошо?

Тот молча кивнул.

— Тогда жди меня на тропе без пяти полночь.

— Что за цветок? — спросил Петре, тут же рядом забрасывающий костер землей.

— Приворотный, — ухмыльнулся Игрок. — Глядишь, и меня проберёт любовь людская.

3.

Когда Петре с Эмилем разошлись по своим палаткам, Игрок ещё какое-то время сидел у погасшего костра и курил. Тишина тяготила. Где это видано, чтобы в горах была такая тишь? Куда делись птицы, почему молчит ветер? Много горных троп прошёл он, и все они были полны звуков, а здесь — и правда что, словно духи душат, держат за глотку.

Он плюнул, погасил трубку и поднялся. Все одно — до полуночи не спать, но сидеть на этом кладбище не хочется.

— Пан Игрок, — раздался тихий голос, когда он уже задёргивал полог.

Из своей палатки выглядывала Тати — вся мрамор и мёд, и волосы, не сдерживаемые платком, и глаза — бог мой, какие глаза! Уже утром эти глаза будут смотреть на него со страстью.

— Пан Игрок, мне страшно неловко...

— Что такое? — спросил он тоже шёпотом.

Она молчала, кусая губы.

— Говорите, поздно уже.

— Не могу я спать! — вырвалось у неё отчаянное. — Ион, как живой, встаёт перед глазами и огнём объят с ног до головы! Сердце болит от страха, не могу, останьтесь со мной сегодня, умоляю!

Он едва сдержал улыбку. Вон оно как обернулось. И напрашиваться не пришлось, голубка сама идет в руки.

— Панна, вы уверены? — спросил он нарочито строго.

Панна была уверена. Панна даже сама распахнула полог, приглашая его в святая святых, где сладко пахло пудрой. Прежде чем нырнуть внутрь, Игрок оглянулся — по другую сторону от кострища вырисовывались очертания палатки Эмиля. Он будет ждать его на тропе без пяти полночь... А, к чёрту. Сказочный цветок против настоящего, горячего женского тела, самого бросающегося в объятия... К чёрту Эмиля, подождёт, подождёт, да спать пойдёт.

В палатке Тати был мрак, хоть глаз выколи, но ясно виднелась фигурка в белой рубашке, съжившаяся у стены, полузакутанная в одеяло. Игрок опустился на колени рядом, плохо соображая от близости, от горячего её дыхания, от нежного запаха волос... Он протянул к ней руки, обхватил за плечи, привлёк к себе, готовый забыть всех мёртвых Ионов, всех духов и генеральщ, всех чудовищ этого мира в её объятиях, зарыться лицом меж податливых грудей, поцеловать осторожно родинку под ключицей, сжать руками широкие, мягкие бёдра...

— Ах вы наглец! — пискнула Тати и с силой пихнула его в грудь.

— Твою же!.. — шёпотом выругался Игрок. — Какого чёрта?

— Какого чёрта?! — панночка задыхалась от ярости. От ярости, а должна была бы задыхаться от страсти, глупая коза. Снова просчёт, что за напасть...

— Вы что же думаете, я позвала вас за этим? — её голос сорвался. — Татко при смерти, только Змея его спасти может, Иона сожгли, сожгли, понимаете вы? Сердце рвётся, всё болит... — она уже рыдала. — Вы набрасываетесь, точно... бандит какой, точно разбойник! А я ж вам одному доверяла, вы же такой... такой... такой хороший!..

Да я уже святой, а ты, коза, не видела настоящих разбойников.

— Тише, тише... — сказал он, осторожно придвигаясь к ней. — Хватит плакать, не дрожите вы так. Не трону я вас, не насильник. Ну, тише...

Она позволила себя обнять и уложить на толстое одеяло, но когда его рука поползла к бедру, снова попыталась оттолкнуть, слабо, но ощутимо. Придётся повозиться... Рыдания утихли, в тишине раздавались только хлопающие, прерывистые вздохи. Постепенно прекратились и они, панна задыхалась мерно, покойно. Игрок лежал, смотрел в чёрное небо палатки и проклинал себя последними словами. Потом закончились все слова, даже последние, и он просто лежал с открытыми глазами. От сладкого запаха мутило, и надо было спать, но сон ускользал. Глубокое дыхание Тати будто мешало дышать ему самому, кровь стучала в висках. Ион, объятый пламенем, не вставал перед глазами, но из головы не шли слова Петре: «Не людских рук дело». Чушь, конечно, но если чушь, то чьих рук дело?

Ночь проснулась, завыл высоко в горах ветер. Игрок прислушался — точно ли ветер? Панна шевельнулась в его объятиях, приоткрыла сонные глаза.

— Ш-ш, — прошептал он, убаюкивая её, словно ребёнка, — это ветер поднялся, спите.

Она пробормотала что-то невнятно, уткнулась носом в его шею и уже через минуту снова спала. До самого утра стонал ветер, качал деревья, и то ли от песни его, то ли от тела горячего рядом Игрок так и не заснул. Иногда находил какой-то морок, когда земля начинала кружиться, всё вокруг светлело, и шёл он по длинной, извилистой тропе, а по обочинам стояли каменные драконы. Потом он дёргался, и панна дёргалась вместе с ним, распаивала испуганно глаза. Он успокаивал её, не в силах успокоить сам себя, и снова тонул в тягостной дрёме. ...И драконы обступали его со всех сторон, и рубиновые глаза следили за ним, не отрываясь, а впереди — там, где тропа поднималась в прозрачную высь, — клубился чёрный туман и не давал больше сделать ни шагу...

...Ночь кричала, ночь глохла одиноким эхом в чёрных скалах, сочилась лазурной кровью, ночь повторяла его имя снова и снова...

— Игрок! Игрок, проснись!

Розоватый свет струился в палатку, и, открыв глаза, он не сразу понял, где находится. В распахнутом пологе стоял Эмиль.

— Вставай, — шёпотом сказал он. — Дело есть.

— Дело? — переспросил Игрок хриплым от бессонной ночи голосом, шурясь на жемчужное сияние, будто ореолом окутывающее тучное тело мольфара.

— А? Что? — скинула голову Тати и тоже подслеповато заморгала на утренний свет. Проморгавшись, правда, вскрикнула:

— Пан Эмиль! Да как вы смеее!.. Вы, и ко мне в палатку!..

Эмиль мгновенно ретировался за полог и повторил оттуда:

— Игрок, вставай, жду тебя здесь.

Мерзкое предчувствие стиснуло грудь. Отводя глаза от панны, он поднялся, заправил рубаху и вышел из палатки. Эмиль стоял у опушки, а у ног его лежало что-то бурое и продолговатое. Сначала грешным делом мелькну-

ла мысль, что это всё тот же обгоревший труп Иона, взялся здесь невесть откуда, но нутро, нутро-то поняло сразу. «Не людских рук это дело», — сказала нутро голосом Петре, и захотелось перекреститься. Игрок молча подошёл к накрытому мешковиной телу, носком сапога откинул край. Открывшуюся взгляду руку туго обвивал тонкий колючий побег. Те места, где он вонзился в кожу, отливали синевой и припухли.

— Я нашёл его здесь. С места не сдвигал, только прикрыл, — сказал Эмиль негромко. Из его голоса пропала сладость, пухлые щёки были бледны.

...Каменные драконы следили за ним рубиновыми глазами — не пройдёшь, не пропустим... Ночь корчилась в агонии, скребла землю ногтями, захлёбывалась кровью... Игрок с силой протёр глаза и спросил Эмиля, лишь бы что-то спросить:

— Что за растение?

Тот указал подбородком на раскидистый куст рядом с телом. Если не присматриваться, то куст ничем не выделялся из десятка рядом стоящих. Однако внимательный взгляд мог заметить, что, в отличие от остальных, этот был усыпан мельчайшими иголками, да и листья у него были крупнее и толще.

— Так что за растение? — повторил Игрок с растущим раздражением. Чёртов колдун, видимо, считал, что все разбираются в травах так же хорошо, как он.

— В книгах его называют Слепая лещина.

— В книгах... А как называешь его ты?

— Никак, — на губах Эмиля скользнула странная улыбка. — Дело в том, что это растение вымерло лет триста тому назад. По крайней мере, так говорят книги. Смотри.

Он дотронулся до одного из листьев — легонько, кончиком пальца.

— Лист характерно широкий, плотный, гораздо плотнее, чем у простой лещины, и на обратной стороне — синие прожилки. И колочки, да. Иглы смерти...

Рука Игрока потянулась к тому месту, где должна была быть голова Петре, но он успел увидеть только пол-лица — сизый побег, впившийся в одутловатую щёку, разинутая пропасть рта и глаза, ослепшие от запёкшейся то ли грязи, то ли гнили, когда сзади раздались лёгкие шаги, и он быстро накиннул мешковину обратно.

— Что вы там такое рассматриваете? — спросил любопытный голосок панны из-за спины.

— Вам нельзя это видеть, — сказал Игрок, разворачиваясь к ней.

— Что это? — повторила она и вдруг ахнула, прижала ладонку ко рту. — Кто это? Нет, нет, не говорите, не может быть...

— Пойдёмте, Тати, — он попытался взять её под локоть, но она вырвалась и упала на колени рядом с телом.

— Biedny Petre, moj biedny Petre, kto ci to zrobil? — залепетала она, порываясь сдёрнуть ткань, и пришлось оттащить её и крепко держать, пока не успокоится.

— Да отпустите меня, больно же, — сказала она наконец дрожащим голосом, глотая слёзы. — Там очень страшно?

— Там очень страшно, — ответил Эмиль.

— Но кто, как?..

— Судя по всему, никто и никак, — мрачно сказал Игрок. — Эмиль, я правильно тебя понял? Этот куст смертельно ядовит?

— Да.

— И о нём ни слуху ни духу не было вот уже три столетия?

— Около того.

— Что за куст? — обеспокоенно встряла панна, оглядываясь.

— Вот этот... — начал Игрок, показывая за Эмиля, и тут же крикнул: — Осторожно!

Глупая панночка снова заверещала, не поняв даже, что происходит, и мольфар отпрыгнул в сторону. Вовремя — никем не замеченная тонкая ветка змеёй тянулась от куста

к нему и уже начала обвиваться вокруг лодыжки. Он затряс ногой что есть силы, и побег, хоть и цеплялся коллочками за кожу сапога, упал на землю.

— Яд, — выдохнул он, втаптывая ветку в землю. — Смертельный яд. Сначала ослепляет, потом парализует.

— Но кто мог сотворить такое с бедным Петре? — воскликнула Тати в ужасе.

— Да никто, — сквозь зубы сказал Игрок. — Не людских рук дело. Петре дело говорил. Не пускает к себе Сияня Змея.

— Змея? Не пускает?

— Может, и не Змея, может, духи эти местные, чёрт их разберёт...

— Д-духи? — запнулась панна. — Вы разве верите в это, пан Игрок? Разве не мог кто подослать убийцу? Я же не говорю, что кто-то из вас... В самом деле, пан Эмиль не смог бы, нет, как же, ведь святой человек... И вы не могли бы, вы ж всю ночь были...

Тут голосок ее затух, и она бросила на них совсем затравленный взгляд. Эмиль деликатно кашлянул, делая вид, что не слышал последних слов, а Игрок с трудом подавил рвущийся наружу хохот, так не приличествующий ситуации. Он не знал, что было смешнее — то, что язычника Эмиля, колдуна деревенского, назвали святым человеком, или то, как панночка густо залилась румянцем при упоминании прошедшей ночи. И ведь это он до нее и дотронуться толком не сумел...

— Нет здесь никаких убийц, Тати, — твёрдо сказал он. — Ко мне несколько раз подсылали наёмников, и, поверьте мне, ни один из них не стал бы использовать ядовитое растение, чтобы лишить кого жизни. Револьвер, нож, удавка, в крайнем случае, яд — вот весь арсенал. Такие штуки, — он кивнул в сторону куста, — удел маньяков. Можете себе представить, чтобы кто-то попёрся в эти проклятые всеми богами горы, чтобы вырезать нашу славную компанию?

Она не могла себе этого представить и закивала часто-часто, словно дитя.

— Вот что, — сказал Игрок, помолчав. — Либо мы поворачиваем назад и молимся, что дойдём живыми, либо быстро собираем манатки и ищем чёртов родник. Глядишь, поток живящей воды спасёт нас от участи Иона и Петре.

Панна заломила руки:

— Никак нельзя обратно! Не найду Змею, сама сброшусь с обрыва. Нельзя мне без воды обратно, помрёт татко...

Плевал, если честно, Игрок на её татко, но и возвращаться по этим узким тропам, даже не глотнув водицы, не желал. Когда слишком быстро подбиралась к нему костлявая, он привык доверяться нутру, и нутро говорило идти дальше. Духи хотели крови, духи её получали, но Сияня Змея может их обмануть, если поторопиться.

— Тогда, пожалуй, стоит выдвигаться, — сказал Эмиль. — К вечеру доберёмся до места. Удастся найти Змею до ночи — глядишь, переживём и саму ночь.

4.

За полчаса убрали палатки, навьючили ослика и были готовы. Оставалось последнее дело. Без слов, не обмениваясь даже взглядами, Игрок с Эмилем подошли к трупу и скинули его со скалы — ногами, как и Иона. Когда глухо ухнуло внизу, осёл жалобно закричал и дёрнулся, натягивая верёвку, панна его едва удержала. После отправились в дорогу. Тоскливо было идти по каменистой тропе, одиноко, втроём-то. Четыре дня, сотни вёрст и два тела остались где-то внизу, в голубоватой дымке, и, хоть дорога взбиралась в гору и идти было нелегко, страх — животный, скручивающий кишки в узел — гнал их вперёд, не давая передохнуть ни на мгновение. Солнце сегодня милостиво скрывалось за серой пеленой, и вершина горы, нависающей над ними, куталась в рваную, кудрявую тучу, словно в тулуп. Один за другим они проходили ориентиры, оставленные Ионом — расцеплённое молнией дере-

во, камень, похожий формой на идола, куст диких роз... Эмиль всё скрупулёзно отмечал по списку. Большую часть времени шли молча, хотя Тати и порывалась завязать разговор.

— Вас правда пытались убить, пан Игрок? — спросила она, когда они прошли каменного идола. — Утром сказали, помните?

— Предположим, помню, — сказал Игрок, пытаясь показать тоном, что не заинтересован в продолжении беседы.

— А за что? Неужто за карты?

— За карты в наше время много кого убивают.

— Я слышал, что бьют много кого, — сказал Эмиль. —

Но чтобы убивать...

Эх вы, хотел ответить Игрок, наивные вы, непорченные деревенские души. Но вслух сказал:

— За карты как таковые никто не убивает. Но я же на желания играю. У кого пуд сахара выиграю, у кого гардероб осенний, из Парижа... А у кого и что поважнее — секрет какой, например.

Эмиль, который вёл осла впереди, даже обернулся — на круглом лице читалось любопытство. Игрок поспешил добавить:

— Небольшой секрет, конечно. Кто с кем спит в этом сезоне, кто сколько на скачках ставит...

Последним крупным выигрышем была информация о грядущих перестановках в московской жандармерии, но об этом распространяться Игрок не собирался. Собственно, от этого он и бежал в Румынию — пересидеть, переждать непосредственно перестановки, да и просто подальше от гнева тех, чей секрет так легко выдал пьяненький штаб-офицер, проигравшись в хлам.

— Кто с кем... — панна смутилась. — Да за такое, наверное, и убить могут.

Больше эту тему она не поднимала, но попробовала ещё разговорить Эмиля, поллюбопытствовав, зачем он идёт

к Змею. Тот сначала всё отшучивался, но потом обронил нехотя:

— Все хотят жить вечно, панна. Затем и иду. В вечность не верю, но хоть здоровья напьюсь на долгие годы вперёд.

— Если дойдёшь, — не удержался Игрок.

— Уже, — спокойно ответил Эмиль и простёр руку. — Видишь расселину?

Расселина зияла над тропой, меж двух высоких мшистых скал, сужаясь книзу, и посередине торчал длинный, узкий, заострённый обломок — будто великан начал пилить гору, да лезвие застряло. «Две скалы, значит, а посредине — как молния каменная торчит, там и найдём Синюю Змею», — сказал Ион в первый вечер.

— Неплохо, — медленно сказал Игрок. — Очень неплохо. Но где же сам источник?

Источника не было, но слева от скалы застыло, подёрнувшись маслянистой плёнкой, крохотное озерцо — сажень квадратная, не больше. Не озеро даже, лужица. Никакой лазури, омывающей мёртвые камни, только стальные разводы на неподвижной воде да чахлые кустики по берегу.

— Я не буду отсюда пить, — сказала Тати с отвращением, бросая сумку. — И татко ни глотка не дам. Не Змея это.

— Сам вижу, что не Змея, — сказал Игрок. Бессонная ночь будто навалилась на плечи, больше всего хотелось сесть на землю и не думать. Так он и сделал. Эмиль с удивлением оглянулся на спутников.

— Здесь останетесь? Что ж тогда сразу обратно не повернёте? Не помните разве рассказ Петре? Если не врал он, то несколько дней сыновья лесоруба вокруг скалы ходили, пока не показалась им Змея.

— И мы ходить будем? — жалобно спросила Тати. — Вы же мольфар, пан Эмиль, может, призовёте как-нибудь Змею, приворожите?

Ничего не ответил на это Эмиль, просто ухватился крепче за верёвку и повёл ослика дальше. Когда он

исчез за поворотом, Игрок со вздохом поднялся, подхватил заплечный мешок и последовал за ним. Панна пофырчала что-то себе под нос, попытала, но деваться было некуда. Полверсты спустя нашли они хорошее ровное место под горой, после которого дорога снова бежала вверх. Эмиль хотел было пройти глубже в горы, но его убедили остановиться и разбить лагерь здесь. С бездонного серого неба начал моросить дождь — не дождь даже, а влажная поволока, бисеринками оседающая на волосах, коже и одежде. Но дело было не только в дожде. Каждый шаг, отделявший их от тухлого озера, Тати воспринимала ужасно болезненно — оборачивалась, ломала руки, бормотала что-то польски, а под конец вообще начала ныть. Игрок не терпел женского нытья, поэтому за остановку был обеими руками. Когда поставили палатки и перекусили галетами и копчёным мясом, день только начал клониться к вечеру. Ни разу ещё не заканчивали они свой путь так рано, до этого, едва успевали место найти для ночлега, как на горы стремительно падала ночь. Игрок раздумывал о том, чтобы предложить партию-другую, но что-то остановило его руку, и карты так и остались лежать в непромокаемом кармане сумки, рядом со спичками, солью и табаком. И снова, как на утро, когда нашли тело Иона, одна мысль витала над тремя путниками.

— Что, если Змея так и не покажется нам? — спросил Игрок наконец, не в силах больше молчать. — Что будем делать тогда?

— Не тот вопрос задаёшь, — сказал Эмиль. — Что, если Змея уже показалась нам, да мы не желаем её узнать?

— Эта лужа? — Игрок с недоверием взглянул в ту сторону, в которой осталось озеро.

— Она синяя, эта лужа, — задумчиво сказал Эмиль. — Много слухов люди распускают, лишь бы приврать что. Один сказал — вода застойная, другой пошёл болтать про лазурный родник, третий подхватил...

— Так что же мы сидим? — Тати вскочила. — Пойдёмте туда, наберём воды полные фляги и скорее домой!

— Сядьте, панна, — неожиданно сурово сказал Эмиль. — Змея не терпит недоверчивых, но и торопливых тоже. Куда нам спешить?

— Ах, куда нам спешить? — взвилась Тати. — Вам, может, и некуда, да и пан Игрок не торопится, шкуру свою бережёт, а у меня дома отец умирает, страшно, долго умирает, и мне есть куда торопиться, мне дорога каждая минутка!

Она даже не думала садиться, а нависла над мужчинами, подбоченившись и сверкая глазами. Игроку аж не по себе стало — не панночка, а кошка разъярённая.

— Тихо, тихо, — сказал он, пытаясь усадить её обратно, а когда не получилось, прикрикнул: — Да сядьте вы наконец! Эмиль верно говорит, мы просто не имеем права торопиться. Желаете спасти отца, значит ждите. Хотите — идите и наберите воды во флягу, кто знает, может, завтра она вообще пропадёт. Да хоть искупайтесь в этом болоте, проверьте на себе. Живы останетесь — значит, и татко ваш не помрёт.

— А и пойду, — она сорвала платок с волос, встряхнула золотой гривой. — Пойду и искупаюсь. Коли вы, паны, трусите и ждать изволите, я попытаю удачу.

Эмиль закатил глаза.

— Смотрите только, чтобы удача вас не попытала, — сказал Игрок сумрачно. — Не лезьте сразу в воду, походите вокруг, может, услышит настоящая Змея и покажется вам.

Панна окинула его взглядом — медленным, льдистым, — подхватила свой мешок и пошла к тропе, покачивая бёдрами. Игрок проводил её взглядом. Нехорошо будет, если такая красота пропадёт, как пропали Ион и Петре.

— Погодите! — крикнул он, тоже поднимаясь на ноги. — Погодите, пойду с вами.

— Что?! — она круто развернулась. — Куда вы пойдёте? Со мной? К озеру?

Стукнуть бы её посильнее, чтобы вопить перестала. Даже осёл заволновался на привязи, запереступал ногами, скосил глаз.

— Я не могу отпустить вас одну, это опасно, — сказал он, приближаясь к ней. Как только расстояние между ними сократилось до длины вытянутой руки, она начала пятиться.

— Не подходите ко мне, — выкрикнула она звонко. — Если вы последуете за мной, клянусь Девой Марией, утоплюсь в озере! Нет, сначала утоплю вас, потом со скалы брошусь! Я вас знаю, всё в ваших глазах вижу, вам бы только тела урвать!

— Да идите вы к чёрту, — искренне возмутился Игрок. — Думаете, мало женщин видел? Я же за жизнь вашу беспокоюсь. Хотя, знаете... Ступайте. Купайтесь в этой гнилой луже, плескайтесь, сколько душе угодно, но если вдруг на дно начнёт вас тянуть, не жалуйтесь и не кричите. Хотите сдохнуть — держать не буду.

Её губы задрожали, но она проглотила обиду, повернулась и бросилась прочь. Игрок прислонился к дереву и начал выжидать. Можно было достать трубку и закурить, но он остался стоять.

— Отпустишь одну? — спросил Эмиль, нанизывая краюшку хлеба на ветку и протягивая её к костру.

Игрок ответил встречным вопросом:

— Ты давно не видел хорошо прожаренную панночку? Конечно, не отпущу. Пойду за ней через... три... два... одну... ноль секунд, — он криво улыбнулся. — Если что, ори.

— Ты тоже, — Эмиль сжал тонкие губы. Он вообще помрачнел после смерти Петре.

Поколебавшись, Игрок достал из кобуры револьвер и положил его на землю рядом с костром.

— На всякий случай. Пользоваться умеешь?

— Случалось. Иди уже, тревожно моему духу.
— Утихомирь свой дух, а? Здесь своих хватает...

5.

Шаг у панночки был лёгкий, быстрый, поэтому пришлось поспешить. Вряд ли, конечно, духи проснутся при белом свете дня, но кто их знает. Он понимал нетерпение Тати — сам уже был готов нырнуть в маслянистую водицу, сделать пару глотков через силу и рвануть обратно в деревню, ждать волоокую генеральшу и играть на безобидные желания с местными пьяницами. Он не понимал, однако, её порывистой рискованности, мол, авось, обойдёт беда стороной. Ведь не обойдёт же. Иона не обошла, Петре не обошла, и их, оставшихся в живых, рано или поздно наступит. То самое нутро, которое гнало Игрока к Змее, сейчас криком исходило, что они здесь не одни, что каждое мгновение за ними, тремя одинокими глупцами, следят холодные, равнодушные рубиновые глаза, и вот-вот рухнет белёсое небо и случится страшное. К самому озеру, понятно, он не приближался, иначе и правда мог бы оказаться на дне ущелья. Однако за расколотой надвое скалой обнаружилось очень удобное место, будто сидуха, и с него открывался прекрасный вид на озеро. Туда можно было пробраться незамеченным и усесться прямо за каменным обломком, что Игрок и сделал. И, боги, как вовремя он это сделал! Панночка закончила растёгивать жакет, положила его, аккуратно свернув, на плоский камень на берегу и сняла юбку, а затем и рубашку, оставшись в одном нательном белье. Деликатная, почти прозрачная ткань ничего не скрывала. Игрок бесшумно наклонился, чтобы лучше видеть, и Тати оглянулась, будто чувствуя взгляд. До чего хороша! Генеральша ей в подмётки не годится — она и покостявее, и волосы не так густы, да и старовата будет, в прошлом месяце ей исполнилось уже двадцать пять. А эта — кровь с молоком, мёд со сливками, юна и строптива, что дикая лошадка.

Солнце так и скрывалось за облаками, но сам свет изменился, стал вечерним, мягким. Озеро теперь выглядело ещё мутнее и противнее. Панночка долго не решалась снять с себя бельё, но под конец, бросив последний отчаянный взгляд на тропу, быстро сдёрнула с плеч тонкие лямки сорочки и стянула панталоны. Если бы в этот момент кто-то захотел подкрасться к Игроку сюда и воткнуть нож ему меж рёбер, он бы не услышал ни звука и умер счастливым. Ёжась, морщась и брезгливо переступая ногами, Тати начала спускаться в воду. Озеро, несмотря на свои размеры, оказалось глубоким. Когда вода дошла ей до груди, она вскинула руки, засмеялась радостно, присела по самую шею и ахнула, будто обжёгшись холодом. Вода пошла переливчатыми кругами — голубыми, зеленоватыми, розовыми, снова голубыми...

Тати хватала ртом воздух, разноцветная муть колыхалась вокруг её тела... Что розовое — это кровь, Игрок понял слишком поздно, когда из раскрытых губ панны вырвался булькающий хрип и она ушла под воду. Время застыло на мгновение, а потом резко, рывком пустилось вскачь. Игрок вскочил, обогнул скалу, бросился к озеру, вытащил безжизненное тело.

На всё про всё ушло не больше минуты, но он уже знал — без толку, поздно, не успел. Она не дышала, волосы от шеи и ниже пропитались кровью. Отодвинув мокрую копну, он увидел над ключицей аккуратную дырку — словно прутиком проткнули. Неправ был Петре, ох, неправ. Нет на свете духов, владеющих огнестрельным оружием.

— Она умерла быстро, — раздался мягкий голос. — Самая щадящая смерть, посуды сам — полминуты, и всё кончено.

Эмиль стоял у расселины и держал в одной руке револьвер Игрока, в другой — крохотный браунинг. Тонкие губы его снова улыбались.

— Красавица была, да? — спросил он, указывая револьвером на Тати, и Игрок подобрал с камня рубашку и прикрыл её тело от мерзкого взгляда.

— Зачем? — устало спросил он.

— Затем, что ты жив. Не понимаешь?

— Не понимаю. Не хочешь отвечать — лучше убей меня сразу.

Эмиль тихонько засмеялся и покачал головой.

— Что ты, я не могу лишиться тебя удовольствия знать... Знаменитый Игрок, скромница Тати, горбун Петре, колдун Эмиль и Ион Скороходец... Представь себе, кто-то писал бы о нас книгу. Вот так вот сел, взял перо и написал: «На третий день проводника нашли мёртвым...» В каждой истории есть злодей и добряк. Знаешь, кто из нас добряк?

Игрок молчал. Он не собирался принимать участия в фарсе.

— Правильно — никто. Это в сказках всегда есть добряк. В жизни все злодеи, просто в конце кто-то выживает, а кто-то умирает. Я выживу. Вы все уже умерли.

— Зачем? — повторил Игрок.

Эмиль поморщился.

— Какой ты нетерпеливый. Взгляни на свою полюбовницу. Что, не полюбовница, не успел? Всё равно взгляни.

Взгляд обратился к Тати против воли. Белая кожа уже начала сереть, широко раскрытые глаза подёрнулись тенью, приоткрытый рот ввалился. Странно и отвратительно, как люди стареют в смерти. Пропитавшаяся кровью рубашка едва прикрывала грудь. Игрок протянул руку и взял двумя пальцами панталоны. Откуда у сельской учительницы такое бельё? Шёлк, кружево...

Он-то видал панталоны такого качества, и не раз — на графине Николь, например, или на генеральше. Но на Тати?.. Именно для этого Эмиль попросил его

взглянуть на труп, но нельзя показывать слишком быстро, что что-то понял. Если выиграть время, если отвлечь, ошарашить...

— Хорошо, — сказал он наконец. — Понятно, почему убил её, но Петре-то зачем?

— Ничего тебе не понятно, — Эмиль почти смеялся. Он ликовал, его лунное лицо сияло. — Ни почему панну, ни почему Петре... Слышал про Варшавского Горбуна?

— Слышал, что его не существует, что это выдумки польских жандармов.

— Что ж, гордись, ведь ты успел увидеть его живую и даже разделить с ним трапезу.

— Петре?! — всё-таки не удалось сдержать изумление. — Что здесь делать наёмному убийце, которого не удалось поймать ни одной...

Он осёкся.

— Вот теперь ты понял, — ласково сказал Эмиль. — Петре наняли в Москве. Говорят, ты украл там некий секрет. Предполагаю, что поэтому ты здесь и прячешься. Петре, Тати, я — мы все оказались здесь из-за тебя, дорогой мой. Только заплатили нам за это из разных кошельков.

Действительно какой-то фарс. Один раз в него стреляли на улице — задели плечо, убийца скрылся. Потом напали в ресторане, там подроспела полиция.

Но чтобы три наёмника в одном месте, и всё ради него? Никаких тебе духов, Игрок, даже не надейся, где духам тягаться с золотыми монетами и пулями? Рубиновые глаза закрыты, горы спят вечным сном. Тьфу тебе, а не неведомое.

— Как ты убил Петре?

— Яд.

— А Слепая?

— Миф. Те колючки — просто местный ползучий кустарник. Ох, и намучился я с побегими. Да и не собирался я убивать Петре, он, видимо, сам вышел на ночную охоту, тебя подстеречь...

— Ты сам-то хоть мольфар?

Эмиль только улыбнулся. Бред, какой бред... Игрок прикрыл глаза.

— Тебе не интересно, кто нанял Тати? С ней случилась презабавнейшая история. Помнишь графиню Бельмер? Николь Бельмер, урождённая Монтрё? Она, видимо, была очень расстроена прошлой весной, когда ты ушёл от неё к жене генерала. Заданием Тати было оскотить тебя и только после этого убить. Считай, я спас тебя от настоящей пытки.

«Клянусь, я убью тебя», — сказала графиня при их последней встрече. Пора уже начинать верить женскому слову. В ту ночь, когда панночка позвала его в палатку, она планировала выполнить своё задание, да только он, сволочь такая, всё никак не засыпал. Сколько, наверное, проклятий вертелось у неё на языке...

— Политика, оскорблённая женщина... Что досталось на твою долю?

— Как что? — Эмиль нарисовал револьвером в воздухе круг, а потом проткнул его сверху. Щит и копьё. Игрок приподнял брови:

— Оскорблённый мужчина?

— Он самый. Генерал-то, думаешь, дурак? Думаешь, не читает ваши письма? А ведь такой большой человек скор на расправу и ничего не прощает.

Солнце выглянуло краешком из-за туч и осветило озеро и скалу косым лучом. Игрок увидел в этом знак. У него есть шанс спастись.

— Вот что, колдун. Ты ведь не просто так избавился от всех остальных. Ты не хотел лишиться заказа, а следовательно, и денег. Только зачем тебе меня убивать? Мы одни. Трупы молчат, никто не выдаст нашу тайну. Отпусти меня. Я пропаду, скроюсь, куда угодно — в Сибирь, на Аляску, и генерал никогда больше не услышит моё имя. Не бери ещё один грех на душу.

— Красиво поёшь, — усмехнулся Эмиль. — Но зря. Я должен привезти твою руку в качестве доказательства. Правую кисть, если быть точным.

Игрок поднял руку, повертел ею перед глазами.

— Я отдам тебе руку, — сказал он решительно. — Перебьюсь без неё. Тебе не обязательно меня убивать.

— Тут ещё такое дело... — Эмиль продолжал улыбаться. — Синяя Змея. Понимаешь?

Нет. Он отказывался понимать. Какая, к чёрту, Змея, когда на тебя смотрят два дула?

— Ведь она не выдумка. И эта лужица — не Змея, конечно. Помнишь историю Петре? Он соврал, что здесь погиб его друг, соврал, что вообще погиб один человек, но в остальном его рассказ — истинная правда. Братьев было четверо. Старший убил троих, и Синяя Змея показала ему своё лицо. Три жертвы — так гласят легенды. Три кровавые жертвы, и Змея появится...

Его лихорадило, голос звенел.

— Мне осталось убить тебя, и я обрету шанс на вечную жизнь. Вечную, Игрок! Я одержу победу над самой смертью! Один шаг — и мир перевернётся!

Что-то не складывалось. Игрок прищурился.

— А ты ведь врешь, колдун. Три жертвы у тебя уже есть — Ион, Петре и Тати. Зачем тебе я?

Эмиль удивился, потом его лицо просветлело.

— Нет-нет. Иона убил не я. Думаю, это сделала Тати — не представляю, каким образом, всё-таки спалила человека, считай, вживую, но женские руки способны на многое.

Видимо, на лице Игрока отразилось разочарование, потому что Эмиль захохотал.

— А ты ведь правда верил в эти сказки! Верил в спящих драконов, в духов, да? Духи этих гор мертвы! Мертвы!

Эхо подхватило его крик и пошло гулять между чёрных гор. Игрок невольно оглянулся. Ну давай-

те, духи, просыпайтесь! Я же знаю, что вы есть, я смотрел в ваши рубиновые глаза, слышал зловонное дыхание... Вдалеке послышался глухой шум, будто в невидимом лесу начиналась буря. Эмиль тоже занервничал, завертел головой, но он не видел того, что видел Игрок. Духи проснулись. Расселина в скале задрожала, загудела, и в тот момент, когда мольфар всё же вскинул голову, зазубренный обломок с жутким треском отвалился от основания и рухнул прямо на него.

Игрок вскочил, готовый бежать, спастись от обвала, но больше камни не падали, да и шум изменился — уже не деревья стонали, а клокотал поток в глущине гор.

— Змея... — прошептал Игрок одними губами, и из того места, откуда только что торчал камень, с грохотом вырвался поток. Озерцо мгновенно переполнилось, Змея хлынула в низину и потекла дальше, вниз, в ущелье. Кристально чистая, лазурная, живая вода бурлила в фуге от него, а он будто врос в камень и не в силах был сделать ни шагу. Эмиль погиб, это было ясно как день. Тати остывала рядом. Синяя Змея получила три жертвы и открылась ему, хоть он и не просил. Всего шаг, всего глоток, и, если колдун не врал, его ждёт бессмертие или, по крайней мере, долгие годы жизни. Всего шаг...

Он взглянул на тело панны. Белокожая убийца, рыжая кошка, ведь ты хотела меня убить, а я желал тебя так, как не желал, пожалуй, ещё ни одну женщину... Тьфу. К чёрту панну, к чёрту генеральшу, к чёрту вечную жизнь, купленную чужой смертью. Не для него эти забавы, оставьте ему только одну игру, в которой он знает толк. Махнуть, что ли, и правда на Аляску? Говорят, там чудные залы и чудный коньяк и наверняка никто не слышал ни о каком Игроке. Решено. К чёрту Синюю Змею. **■**